

ПИОНЕР

5

1980

Этот радостный, прекрасный день!

Каждый год 19 мая страна отмечает День рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Вместе со всеми ты, наш дорогой читатель, в этот день придешь на торжественный пионерский сбор, на пионерский костер. Будешь рапортовать коммунистам и комсомольцам о том, как прожил целый пионерский год, как твой отряд шагал по маршрутам Всесоюзного пионерского Марша. Вам есть о чем рассказать в этот радостный и светлый праздник.

Уже идут поезда по стальным рельсам БАМа, и эти рельсы называют пионерскими. Тысячи тонн макулатуры, собранные вами, сберегли Родине гектары леса.

По всей стране в эти майские дни зазеленели парки, сады, скверы, аллеи — Всесоюзный комсомольский парк Победы. И твое дерево — дерево памяти — расскажет потомкам о вас, пионерах начала 80-х годов. И если ты живешь честно, если каждый день делаешь пусть небольшое, но очень полезное для Родины дело,— тебе старшие скажут: «Спасибо!».

«Хранить и приумножать богатства и завоевания нашей социалистической Родины — наша главная задача. Сегодня вы — дети, а пройдет несколько лет, и вы встанете в ряды активных строителей коммунизма» — эти слова Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР товарища Л. И. Брежнева, сказанные им в радостные майские дни при вручении нашей организации ордена Ленина, обращены и к тебе.

Эти слова — наказ партии всем поколениям юных пионеров, наказ расти стойкими

и мужественными, верными заветам Владимира Ильича Ленина.

Посмотри вокруг себя:

все ли хорошо в твоем отряде, все ли ребята добросовестно относятся к учебе, умеют дружить, не обижают малышей?

Все ли ребята умеют беречь народное добро — свою родную школу, свой дом, свой двор и лагерь?

Ты должен расти неравнодушным человеком, и если видишь, что кто-то мешает нашей радостной и счастливой жизни, ты должен объявить бой всему дурному.

Ты родился и растешь в удивительной стране, имя которой Союз Советских Социалистических Республик. Не завтра, а именно сегодня ты должен глубоко осознать, что **на тебя** надеется наша страна, что в **твои руки** наш народ передаст все, что построено и защищено в жестоких боях с врагами.

Тридцать пять лет тому назад отгремел последний залп войны. Тридцать пять лет тому назад советский солдат принес освобождение народам Европы, снял военную гимнастерку с орденами и медалями, сел за штурвал комбайна, спустился в забой, пришел в класс. Но до сих пор мы крепко помним, сколько горя и слез принесла нашему народу война, и все наши помыслы — и твои, и твоих родителей, и всех советских людей — о мире. Но на земле есть не только друзья мира, есть и его враги. Вот почему наша Родина, партия Ленина делают все для того, чтобы на землю не пришла новая термоядерная война, вот почему наша славная Советская Армия зорко стоит на охране мирного труда народа.

Скоро коммунисты нашей страны соберутся на XXVI съезд Коммунистической партии. Делегаты съезда наметят новые планы. Одиннадцатая пятилетка сделает нашу страну еще более сильной и могучей, и вам предстоит своими руками украшать нашу землю.

И в этот радостный майский праздник — в День рождения советской пионерии — журнал «Пионер» поздравляет тебя и твоих друзей с 58-й годовщиной пионерской организации и желает тебе радости, успехов в учебе и пионерской работе.

К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будь готов!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Москва 1980 г.
Издательство «Правда»

Сергей МАКЕЕВ

Студеный ключ

РАССКАЗ

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Мы едем на телеге по проселочной дороге. Я сижу с краю, свесив ноги. Дед разговаривает с возницей, своим старым знакомым. Он-то и встретил нас на станции.

Глинобитная дорога хранит каждый след, оставленный в дождливую пору. Сейчас, в засуху, дорога окаменела, и даже пыль не поднимается из-под колес. Телегу мелко трясет. Слова дробятся на осколки: из них никак не склеивается связная речь... Я слышу, как в моем рюкзаке гремят рыболовные крючки и блесны в жестяной банке от монпансье.

По сторонам дороги тянутся однообразные поля. Кажется, овес. Вдали, у кромки леса, зелень полей набирает синевы... Начинается незаметный подъем в гору, и телега ползет еще медленнее. Телеграфные столбы попадаются теперь так редко, что каждому начинаешь радоваться.

Меня клонит в сон. Мы в пути с самого раннего утра...

Еще весной дед предложил:

— Поедем ко мне в деревню, Сергун! Летом там благодать: какие грибные места! Какая рыбалка!..

Я очень удивился: дед, по его рассказам, родился и вырос в городе.

— Городской, да не совсем,— возразил он.

И дед рассказал: давно, когда еще мои родители на свет не появились, партия послала его в деревню. Объединять бедняков в колхоз. Учить их хозяйствовать. Конечно, не один мой дедушка отправился на село. Двадцать пять тысяч коммунистов поехали создавать колхозы. Их так и прозвали — «двадцатипятитысячники». Деду выпало работать в деревне Жохово Дмитровского уезда Московской губернии. Пять лет он там был председателем. Говорит, тяжело приходилось. Лошадей в колхозе не хватало, случалось и на коровах пахать. Но государство колхозам помогало. И столько у них было радости, когда появился первый трактор!.. В Жохове дед с моей бабушкой встретился, там они и поженились.

А во второй раз дед попал в свою деревню в сорок первом году, когда фашисты уже под Москвой стояли. И — надо же такому случиться! — его батальон ополчения освобождал от врагов деревню Жохово. Помогали им жоховские партизаны. Те самые крестьяне, с которыми дед колхоз создавал!

— Вот и выходит, что они мне земляки! — заключил дедушка свой рассказ. — Ну так что, едем?

Родители звали меня с собой в Крым. Очень хотелось увидеть настоящее море... Но разве я мог не поехать с дедом?!

Он написал в деревню письмо. В середине июня мы тронулись в путь...

...Я то задремываю, то просыпаюсь из опасения свалиться наземь. Сквозь сон чувствую, что подъем кончился. Видно, подъезжаем к деревне. Я слышу частый перезвон.

— Уж не пожар ли? — спрашивает дед.

— Не-е, — отвечает Пантелей Михайлович, старый колхозный конюх, — это трубы в землю загоняют: колодец роют...

Жохово стоит на холме. Избы на деревенской улице глядятся в окошки друг другу.

— Моя хата жива? — интересуется дед.

— В целости, — заверяет старик и направляет лошадь к избушке с заколоченными окнами. — Мы к твоему приезду крыльцо маленько подправили, крышу кое-где перекрыли... Раньше-то, помнишь, твоя изба крайняя была, в околицу упиралась.

— Разрослась деревня, — соглашается дед.

Остаток дня мы приводим наше жилище в порядок. Очищаем от паутины углы и стены, выметаем и моем полы... Где-то под крышей стрекочут ласточки. Пахнет старым сухим деревом.

Вечером к нам на огонек собираются жоховские старожилы. Сосновые шишки в самоваре кадят синим дымком. Неторопливо течет стариковская беседа.

«Дон-дон-дон!» — несется в распахнутое окно. Напротив нашей избушки роют колодец. Железную трубу забивают глубоко в землю, потом вытягивают и стучат по ней, вытрясая набившуюся внутрь глину. Рядом с ямой валяются короткие бревна для сруба.

— Третий раз копают, все до воды не достать! — сокрушаются местные. — На горке стоим. Глубоко, видать, до воды...

— Разве в реке воды не стало? — удивляется дедушка.

— Заросла река совсем, — объясняют

Дед все чаще садится передохнуть на замшелые пни...

ему. — Вода болотом пахнет... Морщимся, а пьем! Куда деваться?

— Ну вот, кажется, и мне работенка нашлась, — хитро улыбается дед, когда наши гости расходятся. — Где-то недалеко от деревни должен быть ключ. В лесных оврагах. Мы там в сорок первом раненых укрывали...

...Шум и звон уже не будят нас по утрам. Землекопы засыпали яму колодца, так и не добравшись до водоносного слоя.

Дед вооружается топором и садовой ножовкой. И мне дает маленький топорик, вроде туристского, но с настоящим деревянным топорищем. Мы выходим со двора.

На месте засыпанного колодца — пятачок утоптанной рыжей глины. На бревнах сидят досужие жители деревни.

— Куда собрался, Василь Егорыч? — спрашивают они.

— Пойдем с внуком в лес, ключ поищем, — отзывается он.

— Отдыхал бы, ведь не молодой уже! — говорят деду. — Без тебя, что ли, работников нету?

— Без дела, пожалуй, скорее состаришься! — усмехается он в ответ.

От околицы до опушки леса рукой подать. Надо только перейти поле, разделенное надвое, словно пробором, ровной тропой. Через пятнадцать минут мы погружаемся в хвойную чащу...

Скоро встречается глубокий овраг. На высоких его берегах заросли ольхи и орешника. Крутые склоны сплошь покрыты папоротником. Пахнет болотными травами, и ужасно свирепствуют комары. На дне оврага кое-где виднеется вода.

— Ну, Сергун, теперь за тобой дело! — гово-

рит дед. — Мне уже не под силу по оврагам лазать...

Это дело по мне! Я лихо съезжаю на пятках по мягкому склону. Ложе оврага вязкое. Кеды сразу намокают. Вдобавок то, что мы сверху принимали за ключи, оказывается обыкновенными лужами. Наверное, они застыли тут со времени весеннего половодья.

С трудом выкарабкиваюсь наверх, цепляясь за пучки папоротника. Его стебли угрожающе вытягиваются из земли, обнажая корни, и я судорожно хватаюсь за другой пучок. А в это время комары безнаказанно поедают меня.

Идем дальше. Я снова спускаюсь в овраги и опять выбираюсь наверх. Это занятие перестает мне нравиться. Ноги мои мокры по щиколотку, на подошвах налипла грязь. Надоело соскребать ее сучком, и я с трудом волочу ноги. Я весь искусан комарами и обстрекался крапивой. Если бы не дед... Он сам все чаще садится передохнуть на замшелые пни. Его дыхание учащается, на лице выступают красные пятна.

Домой мы отправляемся только, когда сумерки ложатся на дно оврагов и воды уже не разглядеть...

Так в поисках проходят три дня. И только на четвертый нам, наконец, везет.

— Нашел! — ору я снизу. Эхо разносит эту весть по всему лесу.

— Помоги-ка мне спуститься, — взволнованно зовет дед.

И вот мы оба внизу. На дне прозрачного источника будто волшебная сила подкидывает вверх песчинки. Они тут же опускаются на дно и закрывают невидимое отверстие. Мы долго любуемся на это чудо...

Наутро мы приходим с лопатами. Углубляем дно источника, а выбранную землю укладываем по краям, наподобие стен. Глубокая чаша постепенно наполняется водой. Дед вырубает из березового ствола полукруглый желоб и укрепляет на стене нашей плотины: один конец погружается в источник, другой выведен наружу. Вода бежит по желобу. Муть постепенно сходит, острая струя сверлит землю.

Под струю мы подкатываем плоский валун: на него удобно ставить ведро. Вода разбивается о камень в мелкую пыль.

Проходит неделя за неделей. Наши удочки пылятся без дела. Ягодная пора уже отошла. Теперь не упустить бы грибную!.. А мы выкапываем ступеньки в крутом склоне оврага, каждую обшиваем досками и укрепляем колышками. Я прилаживаю перила: очищаю от коры длинные ольховые жерди, прибиваю гвоздями к стоякам... Срезанная кора, засыхая, сворачивается в трубочку. Сок ольхи окрашивает мои руки охрой...

Я помню все так ясно, точно это случилось на днях. И вот снова стою над нашим источником. Прошло почти пятнадцать лет. Давно нет на свете моего дедушки. А ключ все бьет в овраге. И, наверное, никогда не иссякнет...

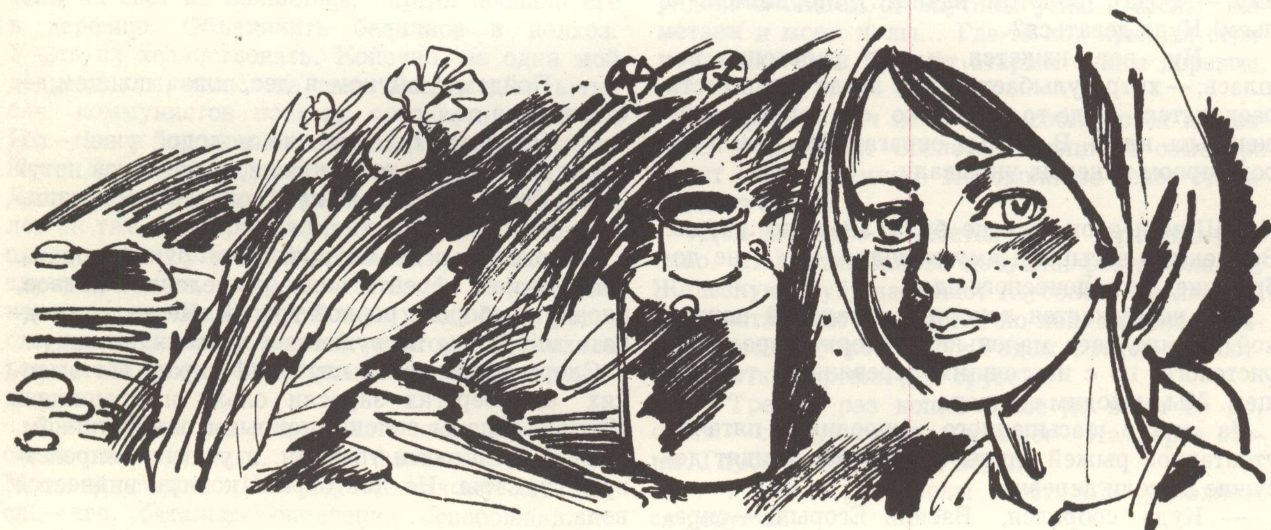
Многие доски ступеней заменили новыми. А вот перила прежние. Они отшлифованы до лакового блеска тысячами рук. Я тоже берусь за тонкую жердь и шагаю на первую ступень, ведущую меня к детству... Спускаюсь и ловлю губами студеную струю. В первый миг кажется, что вода — кипяток, до того холодна!

Сверху, гремя пустым бидоном, по лестнице спускается девочка. Она маленькая — ей еще не доверяют ведра, — но, видно, самостоятельная.

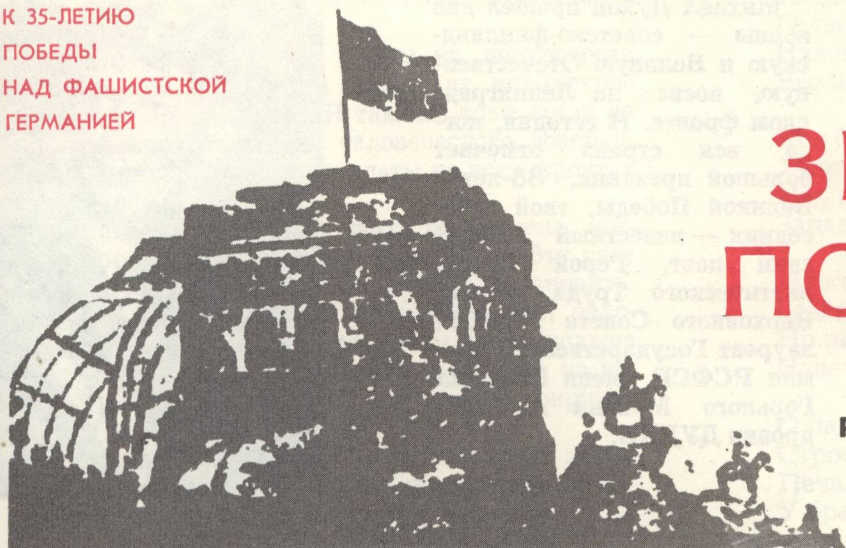
— Здравствуйте, — бойко говорит она. — Что, вкусная у нас водица? То-то! Во всей округе Гасиловский ключ знают. Кто мимо ни пройдет, обязательно остановится воды напиться... В прошлом году доктора с Москвы приезжали специально эту воду изучать. Говорили, что тут надо санаторий строить. Вот он какой, Гасиловский ключ, целебный!..

Девочка уходит. А я все стою над ключом. Стою и думаю, что лучшего памятника не придумать человеку по фамилии Гасилов.

Моему деду.

К 35-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Роберт БАБЛОЯН

Великая Отечественная война... Ее пламя опалило тысячи городов и сел, унесло двадцать миллионов советских людей. Наш народ выстоял, выдержал и победил!

Знамя Победы... Салют Победы... День Победы...— заключительные аккорды Великой Отечественной.

С каждым годом все меньше и меньше остается людей, которые были участниками этих исторических моментов. Но не меркнет свет подвига наших отцов и дедов, не блекнет бронза на памятниках воинам-победителям, не вянут цветы на могилах погибших.

...30 апреля 1945 года батальон гвардии старшего лейтенанта Самсонова прорвался в рейхстаг — последний оплот гитлеровского командования.

«Около 15 часов 30 минут генерал В. М. Кузнецов позвонил мне на командный пункт,— пишет в своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Г. К. Жуков,— и радостно сообщил:

— На рейхстаге — Красное знамя! Ура, товарищ маршал!»

Да, долог и нелегок был путь до этой минуты!

Красное знамя!.. Этот цвет мы получили в наследство от многих поколений революционных борцов. И с первых лет Советской власти Красное знамя воодушевляло, звало и вело нас к победе, будь то на трудовом фронте или на поле боя...

В годы войны звания Героя Советского Союза удостоились 11 603 человека. Троих из них ты видишь на этой фотографии, сделанной на Красной площади в день 25-летия Победы. Со знаменем Победы шагает Константин Самсонов, тот самый, чей батальон штурмовал рейхстаг. Справа от него — Мелитон Кантария, слева — Михаил Егоров, водрузившие знамя Победы над рейхстагом.

Нет в живых сейчас М. Егорова и К. Самсонова, в приморском абхазском городе Очамчири живет и трудится М. Кантария, но неотделимы для нас их имена от понятия «знамя Победы».

Сегодня знамя Победы — это историческая реликвия, символ разгрома фашизма, святыня советского народа. В нем, говоря словами поэта, «нашей силы грозный свет — сильнее в мире флага нет!..».

Михаил Дудин прошел две войны — советско-финляндскую и Великую Отечественную, воевал на Ленинградском фронте. И сегодня, когда вся страна отмечает большой праздник, 35-летие Великой Победы, твой собеседник — известный советский поэт, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького Михаил Александрович ДУДИН.

«КУДА МНЕ ОТ ПАМЯТИ ДЕТЬСЯ?..»

Жизнь каждого человека начинается, разумеется, по-разному. И очень важно, каким было у человека детство, что он в детстве понял. Я помню, как в первом классе, на самом первом уроке наш учитель — прекрасный человек Александр Николаевич Куракин — вошел в класс, поздоровался и сказал: «А сейчас я прочту вам стихотворение Александра Сергеевича Пушкина». И прочел:

Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.

«Вы это стихотворение запомните, — сказал он. — Я научу вас писать его буквами, а потом вы сможете прочесть его, напечатанное в книге».

Александр Николаевич объяснил нам, малышам, что Отчизна — это место, где ты родился: для нас — деревни Бибирево и Голчаново, Большое болото, Малое болото, речка Молохта. Понятно так объяснил — на всю жизнь.

И когда в 1939 году, перед советско-финляндской войной, я должен был принимать воинскую присягу, то понял: присяга эта внутренне жила во мне с детства, она вошла в меня вместе со стихами Пушкина.

Чувство долга не возникает в человеке вдруг, ниоткуда — оно воспитывается в нем с самого раннего детства. На примерах нашей великой культуры, нашей истории нужно постоянно растить в себе человека. Растить самому — вдумчивым отношением к прошлому Родины.

История Великой Отечественной войны должна стать для вас, людей, не знавших войны, примером взлета человеческого духа.

Прекрасный пример мужества и стойкости — подвиг моего друга, летчика Леонида Белоусова. Во время советско-финляндской войны, когда его самолет сбили, он обгорел так, что до сих пор спит, закрывая лицо полотенцем, — сгорели веки. К тому же, когда он полз к своим, обморозил ступни ног, и их пришлось ампутировать. Но Леонид остался в строю. Первым, еще до Маресьева, научился летать с протезами и провоевал всю войну. После Победы ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас Леонид Белоусов живет в Ленинграде.

Вместе со мной служил еще один Леня — Леонид Петрович Осиян. В 1942 году в бою у Невских порогов он был дважды тяжело ранен: сначала в ноги, а потом пуля вошла чуть выше переносицы, пробила голову. Но он, перенеся тяжелейшие операции, выжил! После войны Леонид Петрович жил в своем родном селе Потоки Черкасской области, заведовал избой-читальней. Научился с одной ногой ездить на велосипеде, во время страды приезжал на поля, газеты привозил, проводил беседы. Два года назад он умер...

В войне с фашизмом — самым страшным, свирепым, вооруженным злом XX века — проявились высокие моральные качества советского человека, которые, собственно говоря, и победили войну.

Как сохранить эту силу духа вам — поколению послевоенному? Как беречь память войны?

Память ради памяти ничего не стоит. Память надо беречь делом. Недавно я ездил на Север. За неделю мы пролетели около семнадцати тысяч километров над Арктикой, и мне посчастливилось побывать на дрейфующих льдинах. Там работает в основном молодежь — ребята чуть старше двадцати лет. Окончив специальные курсы, они становятся специалистами: гидрологами, метеорологами, ихтиологами — и едут в Арктику — искать себя, искать приложение своим силам.

Мне было очень радостно познакомиться с ними, я увидел в этих ребятах продолжение своей юности. Ребята, конечно, не думают, что

своей жизнью, трудом своим они берегут память войны. Но это так.

Я служил во время войны на полуострове Ханко — это четыреста пятьдесят километров западнее Ленинграда. И там мы тоже жили по этой высшей категории человеческого доверия. Впрочем, так жили все солдаты на всех фронтах этой войны...

Читателям «Пионера» жить во времена, когда скорости жизни станут еще выше. Эту тягу человечества к скоростям уже не остановить. Но чем выше скорость, чем дальше идет человечество по пути прогресса — тем выше должна быть ответственность человека за Землю, на которой он живет, за людей, которые его окружают, за себя самого, наконец.

Прошлое беспомощно — оно не может защитить себя от неправильного понимания, но будущее все расставит по своим местам...

* * *

Какая нива встанет на местах,
Где вся земля в могилах и крестах,
Где солнце поднимается во мгле?
Но мы живем на зависть всей земле!
И дерзости в простых сердцах у нас
Огонь неистребимый не угас.
Хочу, чтоб мысль и кровь друзей моих
Вошли в суровый откровенный стих.
Чтоб он неправдою не оскорбил
Торжественную тишину могил,
Чтоб он вошел как равный в честный круг
Моих друзей.

* * *

Куда мне от памяти деться?
Она мне заснуть не дает.
И в памяти взрослого детство
Военной дорогой идет.

Качается низкое небо.
Дымится холодный рассвет.
И падает, вскрикнув нелепо,
Мальчишка семнадцати лет.

Пилотка сползает, и зыбко
Белесый колышется чуб.
Навек каменеет улыбка
Его нецелованных губ.

Мы будем солдатскою флягой,
Живые, его поминать.
Над горькой штабною бумагой
Заплачется бедная мать.

Ни камня, ни бронзы, ни меди.
Годам потеряется счет...
Но писарь на службу к Победе
Навечно его занесет.

О память, как ты молчалива,
Строга и исполнена сил!
Печально склоняется ива
У братских солдатских могил.

Бушует беспечно и люто
Черемухи белой сугроб,
И звездная прорва салюта
Мне душу ввергает в озноб.

Как будто на дымном рассвете,
Где наш перепутался след,
Я вместе остался в кювете
С мальчишкой семнадцати лет.

И прошлое в памяти живо,
И ходит вино за столом,
И песня моя, словно ива,
Растет над могильным холмом.

И мы, повидавшие виды,
Прошедшие порох и дым,
Всей силой любви и обиды
В обиду его не дадим.

Мне верится. Хочется верить
Вот в этот спокойный рассвет,
Живое и сущее мерить
Мальчишкой, которого нет,

Над жизнью — суровой и грубой
Во имя победного дня,—
Улыбкой его белозубой
Навек озарившей меня.

Рисунок Д. БАРАБАША.

День Победы. День счастливый и грустный. День гордости и день памяти.

В этом году мы отмечаем тридцать пятую годовщину Победы. Тридцать пять лет отделяют нас от последнего выстрела Великой Отечественной... Но для многих людей война не стала только прошлым. Страдают от старых ран фронтовики, инвалиды войны. Не могут найти своих пропавших родителей дети, родители ищут своих детей. Тяжестью одиночества давит война на плечи тех, у кого погибли близкие и дорогие люди.

Осенью прошлого года тимуровцы всей страны начали новую операцию — «Ветеран живет рядом». **Помочь делом, вниманием, добрым словом тем, кто пострадал от войны,— вот главная ее цель.** Важно добиться, чтобы ни один инвалид войны, ни один больной и старый человек не остался без помощи, поддержки.

Тимуровцы откликнулись на призыв Всесоюзного Штаба. Вот несколько писем.

Там, где нас всегда ждут

Тимуровцы нашей школы считают главным своим делом помощь Дому-интернату для престарелых. Там мы всегда нужны, и там нас всегда ждут. Мы помогаем старым людям писать письма, убираем в комнатах, читаем газеты. Агитбригада выступает с концертами. Среди тех, кто живет в Доме престарелых много ветеранов войны и труда, заслуженных учителей.

Оля Горбушина, школа № 8, г. Глазов, Удмуртская АССР.

Помоги во всем.

Мы взяли шефство над ветеранами войны. Два раза в неделю ребята из нашей школы приходят к ним домой: моют полы, ходят в магазины и даже делают небольшой ремонт — красят полы, белят потолок.

Лала Махмуд-Заде, г. Баку

Подарок ветеранам

Каждому приятно в праздник получить подарок, сувенир. Мы изготовляем сувениры своими руками и стараемся, чтобы в праздник ни один ветеран не остался без подарка. Ещё мы решили всех наших друзей: фронтовиков, ветеранов труда — награждать специально для них „учреждёнными" орденами.

Виталий Тулинский, г. Мелитополь.

От «Боевого листка»: Интересно работают ребята из Глазова, Мелитополя, Баку. Нас порадовали и многие другие письма, в них — рассказ о конкретных делах, об отличных результатах. **Ребята считают необходимым в своей работе установить связь с Домом престарелых, с госпиталем для ветеранов войны, с городским или областным советом ветеранов.**

Но вот что настораживает нас в письмах тимуровцев. Все ли ребята поняли, что старым, больным, одиноким людям нужна не только помощь по хозяйству, не только забота об их здоровье, но и душевное тепло, человеческое внимание? Иногда важно просто поделиться своей радостью, хорошим настроением. Не забывайте об этом.

Всесоюзный Штаб Тимура ждет новых сообщений о том, как идет операция «Ветеран живет рядом».

С Днем Победы!

Наследство

9 Мая! День Победы! Радостный и счастливый... А люди плачут.

В прошлом году 9 Мая я был вместе с моим дядей на встрече ветеранов войны. Раньше я видел такие встречи по телевизору, но сам среди этих людей никогда не был... Мужчины и женщины с орденами и медалями на груди. Некоторые держали в руках плакатики «145 А» или «125 А». Это означало, что бывшие солдаты 145-й и 125-й армий ищут своих однополчан. Люди встречаются, узнают друг друга. И счастье и слезы.

Мой отец тоже прошел всю войну, был ранен, контужен, а погиб уже в мирное время в автокатастрофе, когда я учился в четвертом классе. В нашей семье помнят его рассказы о войне, поют военные песни, берегут фотографии.

В семьях берегут память по-своему. И вслух вспоминают, и молча, и старые фотографии хранят и письма — все до одного. В школе — по-своему. В школе у нас музей.

Наша школа стоит на Ленинградском шоссе. В нескольких километрах от нее — памятник. Огромные противотанковые ежи. До этого места дошли фашисты, рвавшиеся к Москве. Они уже были уверены в своей победе: назначили день парада на Красной площади, парадные мундиры везли с собой. Все рассчитали до минут, все учли и предусмотрели, но не смогли они учесть самого главного — характера наших парней, которые встретили врага в заснеженных подмосковных полях. Встретили и стояли здесь насмерть...

Школьный музей нам достался по наследству несколько лет назад. Мы были тогда пионерами, а комсомольцы-десятиклассники готовились к выпускным экзаменам. Пригласили они нас в музей и сказали: «Принимайте эстафету, берегите и продолжайте...»

И вот мы впервые пришли в наш музей. Нет, мы, конечно, бывали в нем и раньше на экскурсиях, но теперь вошли сюда как хозяева. Теперь мы отвечаем здесь за все.

Музей носит имя Александра Матросова. Все наши экскурсии начинаются с рассказа о Саше. В музее хранятся письма, фотографии, документы, воспоминания, по которым мы смогли подробнее узнать о жизни Саши. Вот, например, фотография, где Саша с гитарой среди ребят. А вот снимок — Матросов в военной форме... Наш учитель черчения и рисования подарил музею свою картину «Подвиг Матросова». А рядом экспозиция, которая начинается рассказом о тех, кто так же, как Саша, закрыл амбразуру вражеского дота своим телом.

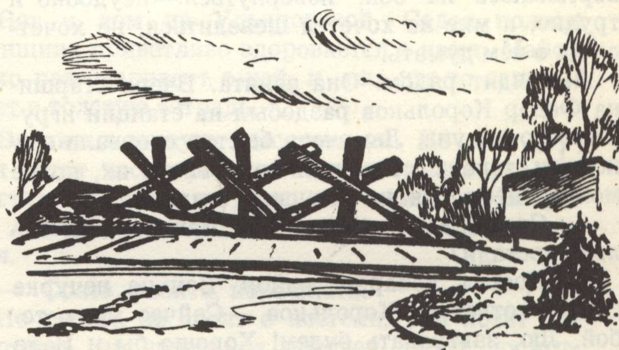
Нам известно, что более 300 героев совершили такой подвиг. Но в нашем музее пока не все имена и не все биографии. Ведь каждое имя — человеческая нелегкая судьба. А чтобы узнать все подробно и достоверно, надо время. Поиск продолжается.

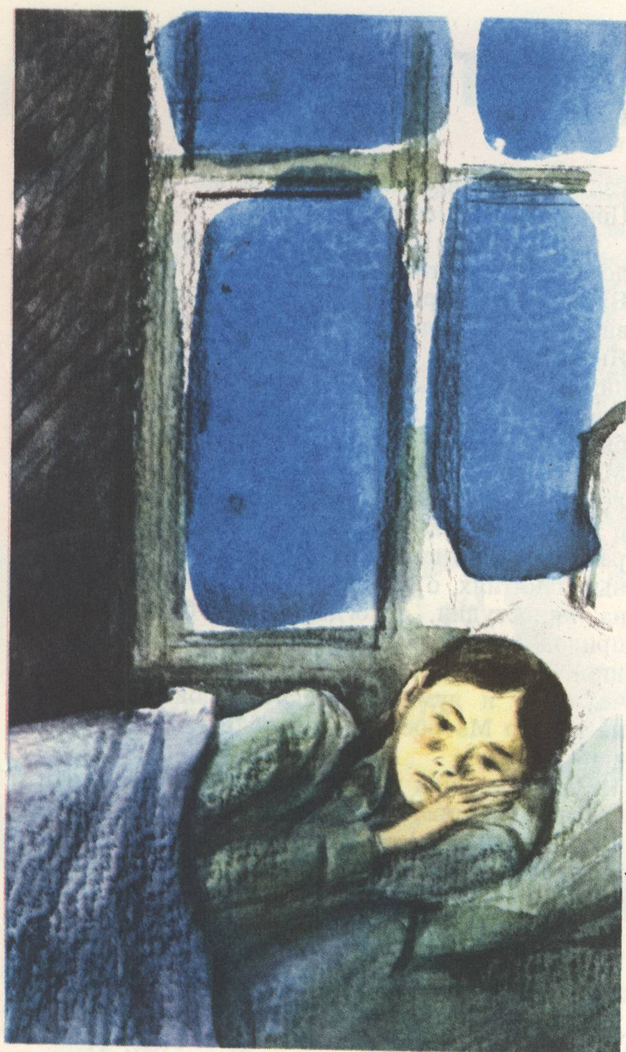
Четверым из повторивших подвиг Матросова довелось остаться в живых. Это Майборский Владимир Петрович, Удов Александр Абрамович, Райз Товье Хаимович, Очкин Алексей Яковлевич. Кто из нас не мечтал встретиться с ними! Когда мы на экскурсиях называли эти имена, даже не верилось, что кто-то из них побывает у нас в музее. Но такой день настал. Мы встречали Алексея Яковлевича Очкина. Пулеметная очередь прошила ему ноги, он долго и тяжело болел. Но Алексей Яковлевич больше рассказывал нам не о подвиге, а о своих мирных занятиях, о том, как он работал режиссером на киностудии, а когда пришла беда — болезнь приковала его к постели (сказалось ранение), — он стал писать... Мы смотрели на этого человека и думали: «Ведь он повторил подвиг не только Матросова, но и подвиг Павки Корчагина».

Война прошла по той земле, где мы живем и растем, где пролетело наше детство, где начинается наша юность. Эти места исхожены нами в походах. Сколько раз встречали мы в подмосковных лесах и осколки, и патроны, и солдатские каски! А один старик рассказывал нам, что на болотах есть танк, который завяз там во время боев и стоит поныне. Но туда нам добраться еще не удалось. Сделать это предстоит ребятам, которые будут продолжать поиск. Им откроются новые героические страницы истории.

Сейчас мы готовимся к выпускным экзаменам. Музей наш по традиции передали пионерам. Это наша последняя школьная весна. Она совпадает с 35-летием Победы над фашизмом. Снова будут в музее гости — ветераны войны. Встретят их новые хозяева музея. Нам чуточку грустно. Но, в общем, все правильно. Память тоже надо передавать, завещать, чтобы она жила вечно, чтоб за память человек тоже отвечал.

Саша ЛЕБЕДЕВ,
2-я средняя школа,
г. Химки, Московская область.

Тамара КВИТКО

Неотправленные письма

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 4.

Рисунки В. ДУДКИНА.

Письмо седьмое

Больше нет этой бесконечной ходьбы по грязи, больше не надо носить на руках Лю, мокнуть под дождем, мечтать о крыше над головой.

Здесь в вагоне есть все — крыша, тепло, еда... И люди, которые нас любят, хоть мы им и чужие.

Я лежу под шинелью майора. Нары жесткие, и от лежания у меня болит спина. Но я не повертываюсь на бок: повернуться — неудобно и трудно, а мне не хочется шевелиться, не хочется ни о чем думать.

Лю сидит рядом. Она занята. Вчера старшина Федор Корольков раздобыл на станции игрушечного клоуна. Лю очень быстро оторвала ему ноги и теперь старается прикрепить их, но не может, несмотря на все свои старания.

— Старшина, — спрашивает майор, — вы молока достали?

— Достал, товарищ майор. Вон на печурке стоит, — отвечает Корольков. — Сейчас мы с тобой, Лю, завтракать будем! Хорошо бы и Вале теплого молочка попить, только она все спит да спит.

— Пусть спит, — говорит майор, — ей отдых нужен больше, чем еда.

Я слышу этот разговор. Надо бы сказать, что я не сплю, но мне лень говорить.

Усадив рядом с собою Лю, старшина кладет на колени гармонь. Ваня Гладких, заслышав первые звуки, спрыгивает с верхних нар.

— Давай про Стеньку Разина, старшина!

— Можно про Стеньку.

Они поют, а я вспоминаю, что это твоя песня, которую ты любил напевать, и горло у меня сжимается.

Я никогда не знала, что есть такие слова: блиндаж, траншея, шрапнель... Они говорят о каком-то «максиме», и оказывается, что это вовсе не человек, а пулемет. Они говорят о «лимонках», у меня во рту появляется оскомина, но оказывается, что ничего лимонного в этих «лимонках» нет — это гранаты. И оказывается, что на гранатах надеты «рубашки» и что «шашками» называют не только кривые сабли, но и какие-то химические штуки: их зажигают, и получается дымовая завеса. И оказывается, что

танк можно зажечь обыкновенной бутылкой (как это происходит, я никак не пойму), и что «лампадки» — это вражеские ракеты, долго-долго висящие в воздухе, пока вокруг не становится светло, как днем, чтобы фашистские летчики могли видеть всю местность.

Они говорят о войне, а я лежу под шинелью майора и слушаю. Я представляю себе, что эта шинель твоя, и вижу, как ты пробираешься по траншее, как бросаешь в немецкий танк связку бутылок, слышу твой голос в голосе Васи, который вспоминает с майором битву за какой-то опорный пункт.

— Прицел — ноль пять! Осколочными — огонь!.. Эх, хорошее было дело! — восхищается Вася. — Мы без пристрелки, с первого выстрела поразили цель. Дали гадам прикурить.

Поезд медленно подходит к станции. Бойцы выпрыгивают из вагона.

Уходит и майор вместе с Лю, которая сидит у него на плечах.

— Валя, милая, о чем ты все время думаешь? — спрашивает Вася.

— О разном. О папе. О Лю. О том, что привезете вы меня в чужой город, заберете на заводе свои танки и снова поедете на фронт. А мы с Лю останемся совсем одни...

— Одни вы не останетесь. Вас хорошо примут и приголубят, люди там хорошие. Мы будем вам писать, будем часто вспоминать о тебе и Лю. Может быть, отец разыщет тебя... А пока ты должна учиться, вы обе должны жить и расти.

Вася глядит на меня большими печальными глазами, потом берет мою руку.

— Надо верить, Валя. Надо верить, что нужно жить, что нужно расти, что ты нужна. Для отца. Для Лю. Для всех нас...

Бойцы внесли в вагон ведро с супом.

— Валюшка, встань, поешь горяченького! — сказал Андрей Васильевич.

Я встала, Степа подал мне полный котелок. Мы сидели рядом — майор, я, Федор Корольков.

Это был наш последний вечер в вагоне с майором и его солдатами.

Письмо восьмое

Мы движемся, как выражается Степа, пешим строем. Впереди важно, точно павлин, шествует Федор Корольков с Лю на руках. Он никому не доверяет ее, даже мне, но я и не обижаюсь. За Федором следуют Ваня Гладких, Степа Лукьяненко, Митрофан Барсуков и Володя Прокин, маленький боец, такой же веснушчатый, как и я. А мы с майором и Васей идем позади всех.

— Это мой родной край, — говорит майор. — Я родился и вырос неподалеку отсюда, в соседнем селе. Хорошие места здесь. Благодать! Кончится война, Василий, поедем мы с тобой в эти края охотиться! Какие здесь угодья! Рай для охотников!

— Есть, товарищ майор! Так и сделаем! Сначала поедем сюда, потом и к моей мамаше пожалуем на пироги. Это тоже недалеко отсюда, километров с тысячу... А вот и отдел народного образования. Рота, стой!..

Но рота стоять не хочет. Гремя сапожищами, рота следует за нами в невысокий деревянный дом.

В приемной заведующего на нас удивленно глядит пухлая секретарша в пенсне.

— Заведующий принимает?

— Принимает, — отвечает секретарша и открывает двери в кабинет заведующего. Мы всей гурьбой вваливаемся в комнату.

В кресле за столом сидит однорукий человек. Майор объясняет, в чем дело, зачем пришли и почему всей группой.

— По прибытии в свою часть я и младший лейтенант Федотычев пришлем денежные аттестаты на содержание ребят, — заканчивает он.

— Как фамилия детей? — спрашивает заведующий.

Майор мельком взглядывает на меня и отвечает:

— Петровы.

Заведующий снимает телефонную трубку.

— Анна Ивановна! — говорит он. — Здравствуйте. У меня к вам просьба. Прошу принять в число своих питомцев двух девочек, сестер Петровых! Нет места? Поищите, постарайтесь, пожалуйста!..

Проходит несколько минут.

— Все в порядке, — говорит однорукий, — вот вам адрес: Ульяновская, 20. Ваших детей примут. И никаких аттестатов не надо.

— Надо! Это наши ребята!.. Наши дочери!..

Мы выходим. Половицы жалобно стонут от тяжелых шагов. Теперь нам нужно разыскать Ульяновскую улицу. Но мы не спешим...

Мы заходим в фотоателье, и фотограф, пряча лысую голову в черный мешок, снимает сначала Лю, майора, Васю и меня, затем Васю и майора, затем меня и Лю, затем всех вместе и снова каждого поодиночке.

Выходим на улицу и видим яркий свет фонарей, освещенные окна домов, и нам кажется, что мы попали в какую-то чудесную страну. Свет! Значит, есть места, до которых врагу никогда не дотянуться?!

Вот и дом на Ульяновской. Седая полная женщина приветливо здоровается с нами. Майор тихо разговаривает с ней, и она что-то записывает в толстую тетрадь.

Близится минута расставания. Но мои друзья хотят посмотреть, в какой комнате нас поместят. Мы идем по длинному коридору. Впереди Анна Ивановна, седая, быстрая, внимательная.

— Спать, ребята, пора спать!

Но ребята не хотят в постели, они хотят посмотреть на новеньких девочек, хотят посмот-

Лю спит, положив голову мне на плечо.

реть на военных и не спускают глаз с орденов на гимнастерках и красных звездочек на ушанках. Из множества дверей выглядывают девочки, одетые в одинаковые платья. Все кажутся похожими друг на друга. Они смотрят на меня, а я смотрю на них. Завтра и я буду такая же, как они...

Лю спит, положив голову мне на плечо. Мы заходим в просторную, светлую комнату. Восемь больших кроватей и одна маленькая, стол, покрытый белой скатертью. Нас встречают несколько девочек. Они застенчиво здороваются с нами и сразу окружают Анну Ивановну. Я осторожно кладу Лю в кроватку.

— Вот эта, рядом, твоя, — говорит Анна Ивановна.

Вася деловито щупает матрац, пробует рукой подушку — достаточно ли мягка, и, неизвестно для чего, заглядывает даже под кровать.

— Красота!

Мы вместе выходим из комнаты, и я не вижу ни коридора, по которому мы идем, ни лиц ребят, выглядывающих из дверей, вижу только их — Андрея Васильевича, Васю, Федю...

На крыльце меня обнимают.

— Беги в комнату, простудишься,—говорит майор.—Мы увидимся и завтра и послезавтра. Спи спокойно, родная!

Я смотрю им вслед: «И завтра и послезавтра...»

Кто-то выглянул из дверей.

— Валя! Скорей! Твоя сестренка проснулась.

Рыженькая девочка с двумя толстыми косами взяла меня за руку, и мы побежали по коридору.

Лю стояла, держась за сетку кроватки, и так кричала—хоть уши затыкай. Она кричала, а девочки хлопали в ладоши, прыгали, раскачивали кроватку, стараясь изо всех сил. Но ничего не помогало, пока я не пришла. А потом Лю сразу заснула, и девочки смотрели на нее, как на куклу в магазине.

— Какая ты счастливая, Валька! — сказала рыжая девочка.

— Я—счастливая?..

...Ночью взошла луна; она глядела прямо в окна, и в комнате все казалось голубым.

Я лежала на боку, потом на спине, потом снова повернулась на бок. Изо всех сил старалась уснуть, но луна разгоняла сон. А может, это не луна была виновата, а всякие мысли, которые днем дремлют, а ночью, когда человеку нужно спать, они просыпаются и напоминают обо всем, что в его жизни хорошего, чтобы еще сильнее почувствовать, как плохо сегодня.

Рыженькая девочка на соседней кровати подняла голову с подушки:

— Валя, не спишь?

— Нет.

— Так всегда здесь в первые ночи. Я тоже никак не могла уснуть. Все думаешь, думаешь и ничего хорошего не придумаешь. А потом поплачешь и снова думаешь. Но ты не плачь, ты счастливая! Ты не одна, а с сестренкой, а у меня—никого.

Девочка эта была из Ленинграда. Ее звали красивым именем—Василиса. Полумертвую от голода, ее привезли сюда уже давно, но до сих пор она была очень худая.

...Отец Василисы погиб на войне. Мать работала на Кировском заводе, и когда ей в начале блокады предложили эвакуироваться с дочкой из Ленинграда, она отказалась.

— Все равно фашистам никогда в Ленинграде не быть—зачем же тогда уезжать?—сказала она.—И кто будет работать на заводе?

Каждый день, чтобы попасть на свой завод, матери Василисы приходилось пересекать пешком весь город—трамваи, троллейбусы и автобусы уже не ходили. В домах не было ни электричества, ни отопления. Мать возвращалась с работы смертельно усталая и ничего не могла делать — сразу валилась в постель и засыпала тяжелым сном.

Василисе одной пришлось вести хозяйство в доме: доставать дрова для печурки, привозить воду, выстаивать долгие часы в очереди за пайковым хлебом. Мать учила ее, как делить паек хлеба на три части, чтобы не сразу съедать его, и все старалась подсунуть ей кусочек хлеба из своего пайка.

Потом у матери Василисы распухли ноги, руки, лицо, вскоре она уже не могла подняться с постели...

Девушки забрали Василису к себе в общежитие, а через несколько дней вместе с другими детьми ее посадили на грузовую машину и по льду Ладоги вывезли из блокадного города.

Письмо девятое

А писем от тебя все нет и нет, и мне все труднее верить, что где-то ты ходишь по земле и какие-то люди слышат твой голос и видят твое лицо...

В два сорок пять заканчиваются уроки. К трем часам я всегда оказываюсь возле канцелярии. Я жду, каждая минута кажется мне часом. В три часа дня по лестнице раздается стук сапог. Сапоги стучат по ступенькам, а у меня стучит сердце. Нет, я совсем не смотрю на то, как тетя Нюся, наш неизменный почтальон, старательно сбивает у порога приставший к сапогам снег, как она, поздоровавшись с Анной Ивановной, передает ей письма и газеты. Мне вроде нет дела ни до тети Нюси, ни до писем. Потом тетя Нюся уходит, а я совсем нечаянно оказываюсь у открытых дверей канцелярии. Анна Ивановна перебирает письма. Анна Ивановна видит меня, но почему же она не кивает мне и не говорит: «Валя! Тебе письмо!»?

Потом девочки, взволнованные, счастливые, читают письма. Катя рассказывает о том, что ей написал братишка, который учится в артиллерийском училище, Зина—что пишет отец, командир подводной лодки. Дорка кричит, что за ней скоро приедет мать. Девочки рассказывают друг другу новости, а я что-то шепчу моей Лю. Она смеется, и я делаю вид, что мне тоже весело.

Завтра я снова буду поджидать тетю Нюсю и снова прохаживаться возле канцелярии.

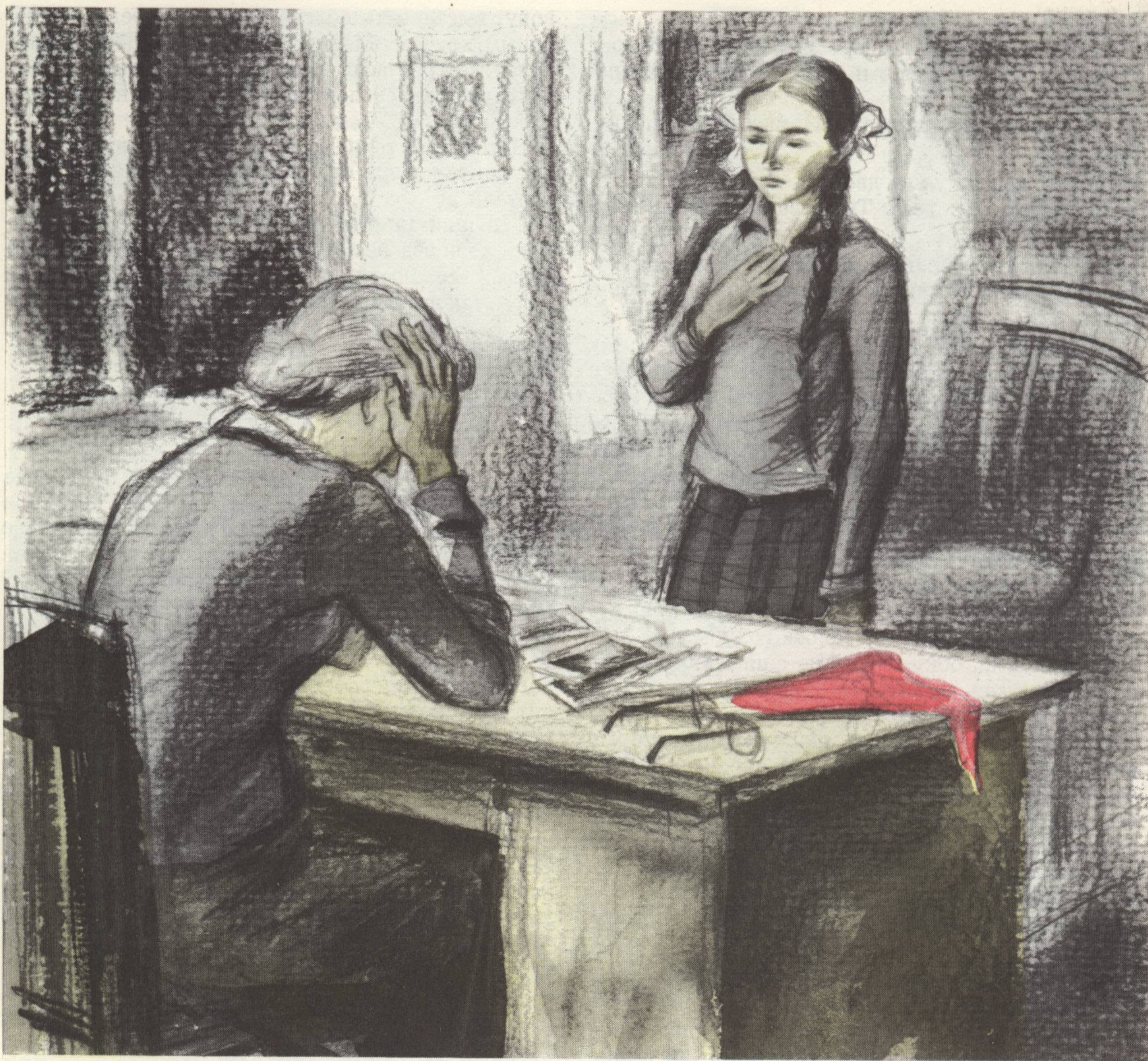
От тети Даши тоже нет писем. Жива ли она? А может быть, не пишет потому, что забыла обо мне? Кто я ей? Чужой человек...

Только мои танкисты не забывают меня. Позавчера от них прибыло сразу два письма: одно — от майора, другое — от Васи. Как было бы хорошо, если бы майор с Васей прислали свои письма в одном конверте, а во втором, чтоб было письмо от тебя!

Я знаю, что не нужно каждый день сторожить почтальона. И все же каждый день жду, чтобы Анна Ивановна, подняв глаза, увидела меня и сказала:

— Это письмо—тебе, Валюша, возьми.

Я жду потому, что без надежды на папино письмо нельзя жить.

У Анны Ивановны погиб на фронте сын...

— Да, Валюша, — сказала мне как-то Анна Ивановна, — без надежды, без веры жить нельзя. Но если ты живешь только своей надеждой, а она вдруг рухнет, тогда ты не сможешь больше жить. Если же твоя надежда будет частью общей надежды, которой живут миллионы и миллионы людей, тогда, что бы ни случилось с тобой, ты всегда найдешь в себе силы и жить и бороться. Вот ты мечтаешь о встрече с отцом, я мечтаю о встрече с сыном. Но разве сын мой, Володя, простит мне, если, вернувшись, узнает, что я думала только о нем, только о том, чтобы его увидеть, и ни о чем больше?

Она не сказала мне: «Твой отец не простит тебе, если узнает, что в трудную для Родины годину ты жила лишь мыслью о нем одном и не задумывалась над судьбой всего народа, всей страны». Это было понятно без слов.

Анна Ивановна права. Я только не знаю, что мне надо делать, чтобы моя маленькая надежда увидеть тебя слилась с моей большой надеждой дожить до дня победы и чтобы обе эти надежды исполнились.

У меня теперь такая беззаботная жизнь, что просто стыдно: ем, сплю, учусь, играю с Лю. А то, что мы в своей мастерской шьем рубашки для фронтовиков — разве это такая трудная работа? Это очень маленькая помощь фронту. Вот если бы я на заводе работала... А я только обметываю петли на рубашках.

И вчера, как обычно, застучали по лестнице сапоги почтальона. Как обычно, тетя Нюся выложила перед Анной Ивановной пачку писем. Все было, как всегда. Только, когда Анна Ивановна распечатала одно письмо, она неожиданно прижала его одной рукой к сердцу, а другой начала шарить по столу, ища свои очки, хотя они лежали прямо перед нею. Потом она одела их дрожащими руками и начала читать письмо. И вдруг седая голова Анны Ивановны упала на

стол и стала мерно ударяться об него раз, другой, третий... Я хотела войти в комнату, прижаться к Анне Ивановне, сказать ей... Но разве есть такие слова, которые могли бы унять горе матери, у которой убит на фронте сын?

Через несколько минут все в детдоме уже знали: Володя, сын Анны Ивановны, погиб в боях под Москвой.

Как тихо было в этот день в комнатах. Даже малыши не шумели, будто понимали, какое огромное горе пришло к Анне Ивановне и в наш детдом. Мы никогда не видели Володю, а у каждой из нас на душе было так тяжело, как будто мы потеряли брата...

Вечером Анна Ивановна пришла в пионерскую комнату бледная, как-то сразу очень постаревшая.

— Я сегодня не буду давать вам урока,— сказала она тихо.— Трудно собраться с мыслями... Да... Не смотрите на меня такими скорбными глазами, дети, мне от этого еще тяжелее... А ты, Зинуся, сбегай-ка ко мне в комнату и принеси газету, она лежит на письменном столе, сегодняшняя. Я как раз собиралась рассказать вам об одной девушке... Но сегодня из меня плохой рассказчик... Поэтому прочтите сами вслух то, что напечатано в газете. Очень нужно, чтобы вы узнали об этой девушке...

Зина принесла газету.

— Читай — сказала мне Анна Ивановна.

— «Таня»,— прочитала я короткий заголовок...

Письмо десятое

...Лю хнычет во сне. Я начинаю качать ее кроватку. Ветер швыряет в окна хлопья снега. Скрипит форточка.

Вот в такую же ночь пробиралась Таня в тыл к врагу. Снег заметал тропки, слепил глаза, но она шла и шла... Знала, что ее подстерегает смерть, и все же шла...

Лю успокаивается. Одеяло сползло с моих плеч. Закрываю глаза и хочу представить себе, какая она была, Таня. Однако не вижу ее лица; вижу только маленькую фигурку, которая одиноко бредет по снежному полю, вижу, как она крадется к сараю, как ее схватили гитлеровцы и как она старается вырваться. А они уже скрутили ей назад руки... И вот Таня стоит перед своими палачами, ей набрасывают петлю на шею, а она кричит: «Смерть немецким оккупантам!»

И тут я поняла: Таня умирала ради спасения Родины, и это была ее большая надежда, за которую она боролась и отдавала свою жизнь...

Большая надежда... Вот слова, смысл которых я искала целый день и который теперь стал мне ясен. Вот о чем говорила мне Анна Ивановна — о великой цели и о великом самопожертвовании. Ее сын тоже жил великой надеждой, сложил за нее свою голову, и теперь он, как и Таня, бессмертен.

Анна Ивановна не слышала, как я вошла в комнату. Она сидела у письменного стола, а на нем лежал красный, чуть выгоревший пионерский галстук, рядом были разложены фотографии.

Я посмотрела на лицо Анны Ивановны. Почему я раньше не замечала, какие лучистые у нее глаза?

Анна Ивановна была рада мне и целый вечер рассказывала о своем сыне. Она вспоминала, как мальчиком Володя любил собирать растения для гербария и как однажды заблудился в лесу; как ему делали операцию, и, хотя было очень больно, Володя даже не застонал...

Она рассказывала и рассказывала, а мне казалось, что я вижу Володю в солдатской шинели, отважную Таню, гордо стоящую перед палачами, тебя, папа, мой самый храбрый, самый родной солдат. И я спросила себя: «А что же ты сделала для Победы — для нашей великой надежды?».

И мне стало ясно, что я должна сделать...

Письмо одиннадцатое

На следующее утро я больше часа ходила возле военкомата, не решаясь войти. Было так боязно, как будто я иду на экзамен, иду и знаю, что обязательно «срежусь» и останусь на второй год.

Самое главное — объяснить этим военным, почему и зачем мне нужно поехать на фронт. А сумею ли я объяснить так, чтобы они поняли, что мне это обязательно нужно и чтобы они не подумали, что я просто романтически настроенная девчонка?

Набравшись храбрости, я прошла в длинный коридор, в который выходило несколько дверей. Я никак не могла решить, в какую же мне дверь надо постучать. А может быть, просто пойти к самому главному — к военкому?

Но у военкома перед дверью сидел секретарь.

Только я посмотрела в его белесые глаза, как сразу поняла, что без скандала тут не обойдется. Так оно и произошло. Ему обязательно надо было знать, по какому делу я хочу видеть военкома. Я сказала, что сообщу об этом самому военкому.

И как раз в этот момент из комнаты вышел высокий седой военный и спросил, что здесь за шум.

Разобравшись, он взял меня за руку, ввел в кабинет, усадил на диван и сам сел рядом. Я совсем близко видела его глаза, они не были строгими, а были такие... такие... отцовские, такие жалеющие и всепонимающие, что я совсем перестала бояться его.

Начала я говорить военкому быстро-быстро,

чтобы успеть все рассказать, но он велел мне не спешить и рассказать все по порядку. Я рассказала, как погибла мама, как мне было худо, как я нашла Лю... Наконец, я кончила рассказывать.

Он встал, записал в блокнот мой адрес и положил мне на плечи руки.

— Девочка моя милая, — сказал он. — Я все понимаю. Но чтобы быть похожей на Таню, чтобы помогать отцу, не обязательно ехать на фронт. У тебя не хватит силы вынести раненого с поля боя, а если ты бросишь гранату, то она поразит тебя, потому что ты не сможешь бросить ее так далеко, чтобы она попала в противника. Ты не знаешь воинской науки, а человек, который не знает ее, не может воевать. Зато тут, в тылу, ты со своими подругами можешь принести очень много пользы. И у меня к тебе будет большая просьба...

— Просьба ко мне? — удивилась я.

— Да. Неподалеку от детдома, в котором ты живешь, есть госпиталь. Знаешь, где это?

— Знаю.

— Хорошо. В госпитале лежат такие же военные, как твой отец, только раненые. За ними хорошо ухаживают, о них заботятся, но все же им грустно. Они лежат вдали от своих семей, они тоскуют по своим детям. Почему бы вам каждый день не приходить туда на час-другой? Разве этим ты не поможешь нашему великому делу? Если бы Таня была на твоем месте, разве она поступила бы не так?

— Так, — согласилась я.

— Значит, договорились? Ну вот и хорошо! А я от своего имени пошлю запрос о твоем отце, и, хотя Петровых в армии много, может быть, удастся что-нибудь узнать.

Военком пожал мне руку.

* * *

Анна Ивановна поговорила по телефону с начальником госпиталя, и все очень быстро уладилось.

Зато какой переполох поднялся на другой день в доме! Прежде всего пришлось выдержать бой с тетей Машей, нашей поварихой. Сначала пришла на кухню Тося и попросила разрешения на одну минуточку поставить на плиту утюг. Потом пришла Верочка и тоже поставила утюг. Потом — Катя, тоже с утюгом. Мы натыкали утюгов, куда только можно было, даже в топку!

Мы утюжили свои платья, усердно терли мочалкой руки, шеи, уши, старательно завязывали бантики в волосах. Женя и Тося усердно репетировали какую-то сценку, Нина заучивала стихи, Фая репетировала танец. Все мы казались друг другу красивыми и ловкими.

И все же, когда мы пришли в госпиталь, пришлось наши отутюженные платья спрятать под белыми халатами, а искусно завязанные банты скрыть под такими же белыми шапочками. Рыжеусый врач в поварской шапочке открыл передо мной и Фаей двери одной из палат и строго сказал:

— Вы, девочки, зайдите сюда, а остальные ребята войдут в другие палаты. Только чур — чтобы было тихо! И, пожалуйста, к ширме, что стоит у окна, не подходите, за ширмой лежит тяжелораненый.

Фая толкнула меня — иди, мол, первая. У нее такое красное лицо, что мне захотелось смеяться. Но, взглянув в зеркало, я закусила губу — у меня тоже горят щеки, мне тоже немного страшно.

— Смелее, смелее, девчата! С утра ждем вас. Здравствуйте!

— Здравствуйте! — отвечаем мы сдавленными голосами.

Раненый с перевязанной головой улыбается мне.

— Что же ты, сестренка, стоишь? Присаживайся!

Раненого зовут Павел, он чем-то напоминает мне Васю. Такой же светловолосый и белозубый. Может быть, поэтому уже через несколько минут мне кажется, что мы давно знаем друг друга.

— Вам очень больно? — спрашиваю я.

— Больно? Нет, мне теперь не больно. Мне теперь только тошно. Как вспомню своих товарищей, как подумаю, что они сейчас, может быть, скачут по тылам, бьют фрицев, то так бы и удрал отсюда к своим.

Павел начинает рассказывать мне, как по ночам его эскадрон врывался в села, в расположение части противника, какой переполох устраивали там конники, прикрываясь темнотой, и как фашисты выскакивали из домов и бегали, кто в чем спал.

Фая присела к соседней кровати. Кажется, она занята более серьезным делом, чем я: что-то пишет под диктовку пожилого красноармейца, наверное, письмо. Смешно глядеть на Фаю со стороны: у нее такой вид, будто она здесь главный врач.

— А какой конь был у меня, — продолжает Павел. — Эх, Валечка, если бы вы его видели, ей-богу, влюбились бы! До чего красив. А сколько раз от смерти меня спасал!

Файка подходит ко мне на цыпочках.

— Валя, — шепчет она, — как «фашистских» написать?

— Два эс; одно — перед тэ, а другое после тэ...

Файка с облегчением вздыхает и снова усаживается подле пожилого солдата.

— Ну, а как вы живете? Что делаете? — спрашивает Павел.

Я рассказываю ему о детдоме, о том, какая хорошая наша Анна Ивановна, какая забавная моя Лю, какие у нас с ней хорошие друзья-танкисты.

Медсестра включает свет. Оказывается, на улице уже совсем темно, а мы и не заметили этого.

Кто-то тихо стонет, и лицо у сестры стано-

Раненый с перевязанной головой улыбается мне.
— Вам очень больно? — спрашиваю я.

вится тревожным. Она скрывается за ширмой, затем быстро выходит из комнаты и снова появляется, неся пухлую кислородную подушку.

— Это тоже мне? — шутит Павел. Он только что проглотил порошок.

— Нет, это Петрову.

Комната кружится, белые стены плывут, качаются...

— Кто? — спрашиваю я, задыхаясь. — Кто там лежит, Павел?

— Петров, подполковник Петров. Тяжело раненный. Да что вы побледнели, Валечка? Что с вами?

— Ничего, ничего... Сейчас. Мне только посмотреть надо...

Пол ходуном ходит под ногами. Я подхожу к ширме...

Нет, ничего не видно. Только тело, вытянувшееся под одеялом, и тонкие восковые пальцы, судорожно комкающие одеяло. Лица не видно, оно скрыто кислородной подушкой.

— Сюда нельзя! — говорит сестра.

Я хочу ей сказать, что мне только бы на лицо взглянуть, только посмотреть, кто это. Но голос мне не подчиняется, а комната кружится все сильнее и сильнее, как карусель, и я хватаюсь за спинку кровати, чтобы не упасть...

Откуда-то появляется Анна Ивановна. Она берет меня за руку:

— Пошли, Валя! Нам пора домой.

— До свидания, Валечка! — говорит Павел. — Приходите завтра. — Я киваю ему головой. Говорить я сейчас не могу.

Он недоуменно смотрит на меня...

Ребята идут в столовую. Они что-то рассказывают друг другу, весело смеются. Я спешу в классную комнату.

— Валя! — кричит Тоня. — Валя! Обедать!

Я не отзываюсь. Папа! Папочка мой дорогой! Как мне дожить до завтра?

Письмо двенадцатое

И снова палата, белые госпитальные стены, белые рамки ширмы, бледное лицо Павла. Я спокойна. Все силы, которые есть во мне, я трачу на то, чтобы быть спокойной. Я помогаю Павлу сочинить письмо, подаю пить его соседу, вместе с санитаркой сматываю бинты, потом ме-

ня просят почитать что-нибудь, только потише, чтобы не потревожить подполковника Петрова, и я читаю бойцам о приключениях Ходжи Насреддина. Кажется, это что-то очень смешное, бойцы смеются.

Но вот я закрываю книгу. Мерное дыхание доносится с кроватей. Тогда я снимаю ботинки и тихо, чтобы не разбудить спящих, подкрадываюсь к ширме.

Огромные глаза смотрят прямо на меня.

— Ты? Ты?! Доченька моя ненаглядная!

Что это? Что он говорит? Или я сошла с ума?

— Доченька!.. Саша!..

— Не надо, — говорю я, — не надо! Да, да, это я, Саша, твоя доченька, не надо подыматься... Лежи! Это я, я!

Кажется, кто-то подошел сзади. Сестра... Сейчас она прогонит меня.

— Сашенька! — шепчет он. — Доченька моя славная!.. А где же мама?

— Придет, она тоже придет! Ты только не волнуйся, не надо волноваться, родной!

— Расскажи... Как живете? Как малыш?.. Как мама?.. — шепчут губы.

Я стараюсь улыбаться.

— Все хорошо!.. Мама работает, а малыш... малыш растет! Веселый такой!.. Забавный!.. Все хорошо, только нужно, чтобы ты поправился... Закрой глаза!

— Не уходи...

— Нет! Нет! Я никуда не уйду.

...Который час? ...Двенадцать часов ночи, или два, или пять. Я не знаю, я потеряла счет времени. Только чувствую, как дрожат его пальцы в моей руке. Боюсь шевельнуться. Глаза его закрыты, но я знаю, он не спит, и если я шевельнусь, он откроет глаза. Я не шевелюсь, но он открывает глаза и испуганно озирается.

— Ты здесь? Я не вижу тебя, — хрипит он.

— Да, я здесь, вот моя рука, я здесь, здесь!

— Ничего не вижу... Душно... — хрипит он.

Прибегает сестра со шприцем и кислородной подушкой...

Он жадно вдыхает кислород, потом отбрасывает подушку, поднимается. Кажется, он что-то хочет сказать, но падает на постель. Пальцы, сжимавшие мою руку, медленно разжимаются.

Сестра выводит меня в коридор.

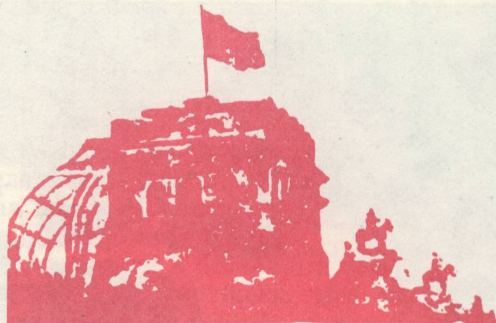
Чуть голубеет в окнах. Значит, уже утро. Вокруг меня — врачи и сестры.

— Бедная девочка, — говорит врач. — Найти отца, чтобы потерять...

— Это не мой отец, это в бреду он принял меня за свою дочку, я стала ему дочкой на эту последнюю ночь... Чтобы ему легче было... А мой отец...

Если бы я знала, где мой отец!!! У нас в доме все спят. Во второй раз с тех пор, как я пришла в себя после смерти мамы, я плачу. Я прячу голову в подушку, стараюсь сдержать слезы, но не могу...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Тимофей БЕЛОЗЕРОВ

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

**Мой дед играет на баяне,
Глаза туманятся его,
А мы на стареньком диване
Молчком сидим вокруг него.
Вздыхают бабушка и мама,
Сомкнулись брови у отца.
Полоска розового шрама
Видна вдоль дедова лица.**

Наталия ВАРЕНИК

БУКВАРЬ

**Мальчишка, тоненький, как прутик,
Уже который раз на дню
Дотошно деду руку крутит:
Все тянет к Вечному огню.**

**И дед, огромный и сутулый
Телохранитель малыша,
Встает с расшатанного стула
И надевает теплый шарф.**

**Вот по знакомому маршруту,
Едва касаясь белых плит,
В берете, больше парашюта,
Мальчишка тоненький летит.**

**Игрой забавной увлеченный,
Слога читает нараспев
На мраморной, иссиня-черной,
Цветами убранной доске:**

**— Ка-лад-зе, Сан-ни-ков, Е-го-ров,
А-ли-ев, Рад-чен-ко, Бра-тунь...
(Районный центр. Старинный город.
Сорок четвертый год. Июнь.)**

**Мир озарен Девятым Мая,
И мальчик с радугой в глазах
Читает вслух, не замечая,
Что рядом — дедушка в слезах,**

НАГРАДЫ РОДИНЫ

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Е. М. Тяжельников прикрепляет Памятную ленту ЦК ВЛКСМ к знамени Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина в дни IV пионерского слета в 1970 году.

Бьют часы на Спасской башне. Пропели фанфары. На Красной площади, залитой лучами майского солнца, стройные колонны. Впереди — знаменосцы с ассистентами. Подтянутые, торжественные, четко печатая шаг, они проходят у Мавзолея Ленина.

А теперь представьте, что вслед за колонной знаменосцев идут пионеры разных поколений — ребята, чьи ратные подвиги высоко оценила Родина. Рядом с красными галстуками горят ордена и медали...

Впереди — юные герои Великой Отечественной войны. В грозные годы войны они вместе со взрослыми бойцами получали правительственные награды.

Рядом с ними — юные ленинцы, чей трудовой подвиг тоже отмечен наградами Отчизны.

Первой среди пионеров была удостоена ордена Ленина таджикская пионерка Мамлакат Нахангова — за отличную учебу и помощь колхозу в сборе хлопка. Орденом «Знак Почета» были награждены в 1936 году дагестанец Мамед Гасанов, кабардинец Барасби Хамгоков, казашка Буза Шамжанова, русские Михаил Кулешов, Николай Кузьмин и другие замечательные ребята. Они отличились в выращивании молодняка.

Эти ребята в дни IV Всесоюзного слета получили высокую правительственную награду — медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

Среди пионеров — два Героя Социалистического Труда: таджик Турсунали Матказимов и грузинка Натела Челебадзе. Турсунали вырастил богатый урожай хлопка, Натела установила рекорд при сборе чайного листа.

Идут по Красной площади пионерские колонны всех поколений. Сияют на груди ребят медали «За трудовое отличие», «За освоение целинных и залежных земель», «За отличие в охране Государственной границы СССР», «За спасение утопающих», «За отвагу на пожаре», медали Выставки достижений народного хозяйства.

Замыкают колонну пионеры 70-х годов. На IV Всесоюзном слете в Ленинграде двадцати четырем пионерам из всех союзных республик была вручена медаль «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина».

С тех пор прошло десять лет. КАК СЛОЖИЛИСЬ ВАШИ СУДЬБЫ, ДОРОГИЕ РЕБЯТА? НАПИШИТЕ В «ПИОНЕР» О ВАШЕЙ ЖИЗНИ. КЕМ ВЫ СТАЛИ? КАК ОСУЩЕСТВИЛИСЬ ВАШИ МЕЧТЫ?

**Идут сейчас в отрядах отчеты и выборы.
Думают на сборах ребята, как они прожили этот год, как им жить дальше.
Сегодняшнее наше занятие — для тех, кто в следующем учебном году будет учиться в седьмом и восьмом классах.
Для тех, кто становится самым старшим в своей дружине, в своей пионерской организации.
Ведет его Любовь МЕЛИХОВА, вожатая лагеря украинских пионеров «Молодая гвардия».**

Самые старшие

Следующий сентябрь особенный. Семиклассники вступят не только на новую ступеньку своей школьной жизни, но и на новую ступеньку жизни пионерской.

Теперь ты самый старший в своей пионерской организации. Наверное, твой отряд уменьшился чуть ли не вдвое: многие товарищи уже стали комсомольцами. Но, конечно, их по-прежнему интересуют дела отряда, и они никогда не откажутся помочь.

В некоторых дружинах из таких вот небольших отрядов организуются сводные отряды по двадцать пять — тридцать человек. В звено входят ребята, которые учатся в одном классе. Но дело, разумеется, не только в этом. Важно то чувство ответственности, которое накладывает на тебя новое звание — старший пионер. Твоя заинтересованность. Ведь со старших всегда берут пример младшие. Чему ты можешь научить их? В чем помочь?

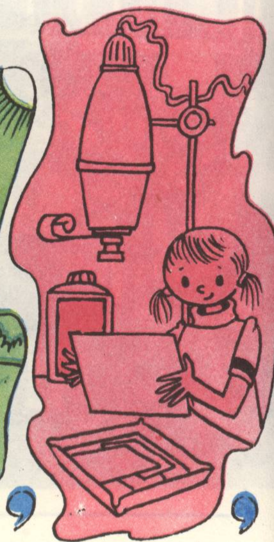
Может быть, раньше ты сам подчас ждал помощи: шефы помогали подготовить поход, старшая пионервожатая—сбор, классный руководитель — стенгазету. Теперь самое время проявить свою самостоятельность. Это от тебя помощи и подсказки ждут теперь твои младшие товарищи.

Ты многому научился за то время, что был пионером. И жаль, если, уходя из пионерской организации, ты унесешь эти зна-

ния с собой. В прошлом, мартовском, выпуске «Горна» мы рассказывали о пионерах-инструкторах. Главная задача этих ребят — научить других своей пионерской профессии. Обычно пионерами-инструкторами становятся именно старшие ребята.

По своему опыту ты знаешь, что третьеклассникам и четвероклассникам бывает трудно наладить выпуск газеты. Если ты несколько лет был редактором отрядной газеты, то, конечно же, сможешь им помочь. Научи их выбирать темы для заметок, располагать материалы на газетном листе, писать заголовки и делать подписи к рисункам. Попробуй выпустить с ребятами из подшефного класса несколько газет — и уже следующую они сделают сами. Можно даже разыскать свои старые газеты и использовать их в качестве «учебного пособия». Этим, конечно, не ограничится твоя помощь подшефному классу. Поездка за город, поход на выставку, обсуждение новой книжки... Да мало ли интересных дел можно придумать... Главное, научи их не скучать, приносить людям пользу.

Седьмой класс — старший класс. Ты больше стал отдавать времени учебе, книгам. Постарайся организовать дело так, чтобы пионерские дела помогали учебе. Чтобы в отряде не раздавались голоса, что, мол, из-за общественных дел времени на уроки совсем не остается.

Если ты серьезно увлекаешься биологией, то в День науки можешь выступить с рассказом о великих открытиях в биологии. Если всерьез занялся конструированием моделей — приведи свой отряд на экскурсию в кружок, расскажи о своей работе. Дни науки, конкурсы конструкторов и изобретателей, выставки творчества техников и натуралистов — все это по силам старшему пионерскому отряду.

К тебе уже теперь часто приходят мысли: «А кем я буду? Что я буду делать после школы? Какое место займу в рядах тех, кто уже трудится?»

Как помочь себе и своим товарищам ответить на эти вопросы? Предположим, твой отец работает на мебельной фабрике. А мама твоего лучшего друга преподает технику обработки металлов в соседнем ПТУ. Вот и пригласи их на отрядный сбор, попроси рассказать о своих профессиях. А какой интересной может стать для вашего отряда дружба с комсомольско-молодежной бригадой завода или стройки!

Через несколько недель начнется твоя летняя трудовая четверть — вместе со старшеклассниками ты отправишься в лагерь труда и отдыха. Прекрасная возможность проверить свои «взрослые» качества: чувство ответственности, отношение к труду, дисциплинированность.

Старший — это не только «больше лет». Это — больше опыта, больше знаний, больше забот.

Желаю тебе успеха!

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Сегодня ты еще сидишь за партой. Кем станешь, какую профессию выберешь — об этом ты только задумываешься.

Но пройдет совсем немного времени — всего пять-шесть лет — и ты, твои сверстники придете на стройки, заводы, фермы. Стране понадобятся ваши силы, талант, творчество.

И потому о тебе, обо всех, кто учится в школе, уже сейчас думают руководители промышленности и сельского хозяйства. Госплан, обдумывая, планируя будущие пятилетки, учитывает всех вас, пока еще школьников, в своих планах.

КАКОЙ ЖЕ ОНА БУДЕТ — ПЯТИЛЕТКА, В КОТОРОЙ ТЕБЕ РАБОТАТЬ?

КАКОЕ МЕСТО ТЫ ЗАЙМЕШЬ В НЕЙ?

КАКОЕ ДЕЛО ВЫБЕРЕШЬ?

ГДЕ СМОЖЕШЬ РАБОТАТЬ?

Об этом на страницах журнала тебе расскажут опытные специалисты, люди, которые стоят во главе народного хозяйства страны.

Наша первая беседа — с министром строительства СССР товарищем Георгием Аркадьевичем КАРАВАЕВЫМ.

В ней принимают участие журнал «Пионер» и пионеры московского интерната № 58.

ВСЯ СТРАНА — ОГРОМНАЯ СТРОЙКА

Мы поднимаемся по лестнице Министерства строительства СССР. Со стен на нас смотрит множество огромных фотографий. И на всех — новые прекрасные сооружения, заводы, стадионы, современные жилые микрорайоны. Мы читаем подписи под фотографиями и узнаем, что эти стройки награждены Государственными премиями, премиями Совета Министров СССР...

И в кабинете Георгия Аркадьевича Караваева — тоже фотографии, макеты. Они рассказывают о том, что уже построено, чем могут гордиться строители. А какие стройки ждут нынешних школьников?

И мы задаем министру первый вопрос:

— **Георгий Аркадьевич, многие наши читатели, может быть, станут строителями. Расскажите, пожалуйста, что и как будут они строить в одиннадцатой пятилетке?**

— Страна наша громадная. Посмотрите на карту — развивается каждая область, каждый район. Какую другую страну ни возьми — ни в одной столько не строится. И, конечно, трудно, даже невозможно назвать все стройки будущей пятилетки, которые наметит XXVI съезд Коммунистической партии. Самые главные из них связаны с разработкой полезных ископаемых, с освоением новых районов.

Надо сказать, ребята, что, когда вы придете в строительство — в одиннадцатой, двенадцатой пятилетках, — вам придется решать важные хозяйственные задачи.

Вот, например, на Урале очень развита металлургия. Металлургическим заводам необходим кокс. Добывают его из угля, которого в Сибири много, но перерабатывающих предприятий там нет. Они построены на Украине. Получается, что из Сибири уголь везут на Украину, а потом, получив там из него кокс, — везут этот кокс обратно на Урал... Нерационально? Конечно.

И перед строителями сейчас стоит задача: на Алтае, в поселке Заринске, построить большой завод, который будет вырабатывать кокс. Впервые в Сибири поднимется гигантское перерабатывающее предприятие. Но не может ведь огромный завод стоять в «глуши», на голом месте! Значит, будем строить еще и город, где были бы магазины, детские сады, школы. Строить дороги, которые свяжут этот город со страной.

Вот какие гигантские стройки ждут вас, ребята, вернее, целые комплексы строек. Конечно, это не просто. Строителям придется многое начинать в необжитых местах. БАМ, о котором вы наверняка уже много знаете, тоже начинался с нуля, можно сказать — на пустом месте. Но время шло, и вдоль магистрали вырастали города и поселки.

Всем ребятам — участникам встречи — Георгий Аркадьевич Караваев подарил книги о новых стройках. На снимке рядом с министром Света Салопова, Андрей Олексюк и Андрей Рогов из 58-го интерната.

Таких строек в одиннадцатой пятилетке будет очень много. Районы, где есть необходимые нашему хозяйству руда, газ, нефть, строители будут превращать в развитые, благоустроенные. Будут строить там и добывающие предприятия и одновременно предприятия, которые бы использовали эти природные богатства.

— Георгий Аркадьевич, расскажите, пожалуйста, как меняется в наше время профессия строителя?

— Я помню, когда еще в молодости работал на стройке в городе Северодвинске, — тут министр прервал свой рассказ, подошел к карте и показал далеко на севере в устье Двины маленькую точку, — кирпичи носили тогда на «козах». Да-да, на «козах». Это такие деревянные носилки — вы их, наверное, никогда и не видели. Вручную накладывали на эти «козы» кирпичи и несли.

Сейчас мы строим новые заводы, которые выпускают специальные машины, даже целые автоматические линии, чтобы облегчить труд рабочих в разных отраслях промышленности. Скажем, литейное производство: раньше труд в горячих цехах был необыкновенно тяжел, а теперь весь процесс механизирован.

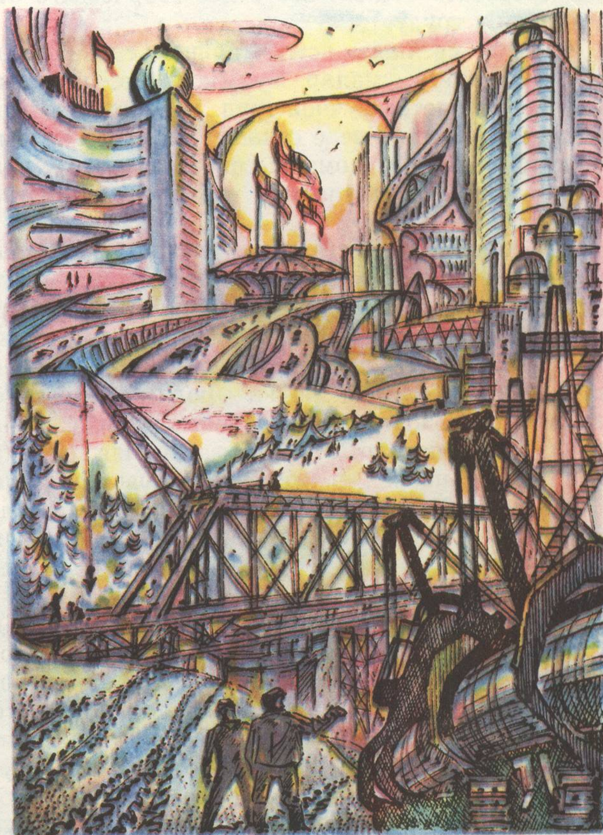
А как мы можем облегчить труд самих строителей?

О носилках-козах на стройках, конечно, давно уже забыли. И бетон вручную не укладывают. Появились прекрасные машины, которые кладут, утрамбовывают бетон. Но и этого мало.

Мы стараемся отказываться от кирпича — именно он требует ручного труда, — строить все из крупных блоков, панелей. Я бы даже сказал: не строить, а собирать. Специальные заводы выпускают теперь блоки, из которых можно собрать любой дом, любое предприятие.

Строители уже не просто строители, они стали монтажниками. Труд строителя сегодня — это очень квалифицированный труд! Я бы даже сказал — инженерный.

В Ярославле совсем недавно пущен новый, крупный нефтехимический завод. Производит он искусственный каучук. Этот завод мы строили по-новому: сначала монтировали коробку — здание. Потом монтировали все оборудование, пускали его. Так что строителю сегодня необхо-

димо не только свою чисто строительную работу знать, но и технологию того предприятия, которое он строит.

Когда завод в Ярославле пустили, рабочие прислали нам, строителям, образец новой своей продукции. — Георгий Аркадьевич протянул ребятам кусочек искусственного каучука, похожий на большой круглый ластик. — Мол, дело ваше продолжаем, эстафету приняли...

Вот так, с каждым годом работа строителя будет требовать от него все более творческого отношения к труду.

Есть и «вечные» строительные специальности — штукатур, маляр. Тут, конечно, по-прежнему сохраняется ручной труд. Но и эти профессии ждут нового к себе отношения. Мы стараемся сейчас строить дома высокого качества, для которых нужно настоящее, высокое мастерство при отделке.

— **А вот я живу в новом районе, Чертанове,** — этот вопрос задает Оля Калмыкова, — **там все дома одинаковые, как коробки. Почему так?**

— Дело в том, что такие дома возводились, когда важно было построить как можно быстрее и как можно больше жилья. Людям не хватало квартир. А жилищное хозяйство для страны очень убыточно, потому что квартирная плата у нас самая низкая в мире и не повышалась с 1928 года. И мы, строители, тогда меньше заботились о том, как будет выглядеть дом, как будет выглядеть целый район — срочно надо было обеспечивать людей жильем.

Сейчас другое дело. Когда вы придете в строительство, вы с удовольствием будете строить жилые дома и поймете, что вам просто повезло. У нас теперь есть опыт, материалы, есть возможность строить непохожие друг на друга, но одинаково удобные и красивые дома. Вы будете строить прекрасные новые микрорайоны, города. Или благоустраивать старые, потому что есть города, например, в Прибалтике, где дома — это настоящие памятники старины, которые, к сожалению, плохо приспособлены для жилья. Их нельзя сносить — надо сохранить лицо города. Поэтому приходится, оставляя старинную основу здания, внутри все переделывать, перестраивать.

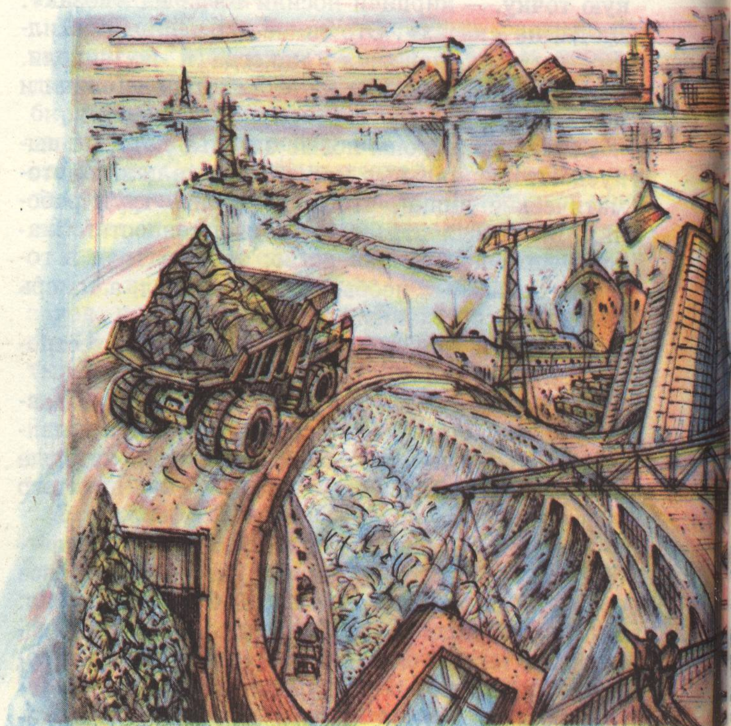
— **Георгий Аркадьевич,** — вопрос задает Вася Борисов, — **обычно рассказывают, что строители вечно переезжают из города в город, со стройки на стройку?**

— Это зависит от характера. Если вам нравится все начинать с нуля, участвовать в организации стройки, своими руками с самого начала возводить новый завод, новый город — конечно, вы будете все время путешествовать. А может быть, привыкнете, привяжетесь к одному месту и останетесь, как остались в Волгодонске первостроители Атоммаша. И всем нашлось там дело.

У меня есть знакомый инженер-строитель в Кировской области. Я несколько раз предлагал ему переехать в другое место, на новую стройку. Он — ни за что. Казалось бы, что его удерживает? Кругом болота, мошкара. А он, оказывается, страстный охотник. Вот и получается, что охота тоже привязывает его к старому месту. Так что строители бывают разные.

— **Георгий Аркадьевич, в нашей стране много ударных комсомольских строек. Что бы вы пожелали нашим читателям, которые через несколько лет по комсомольским путевкам отправятся в разные концы страны?**

— Комсомолу мы отдаем самые срочные, самые нужные стройки, потому что знаем, комсомольцы — народ беспокойный, за что берутся — выполнят, ни с какими недостатками мириться не будут.

В городе Выксе, в Горьковской области, строится новый завод. Завод этот будет выпускать трубы для газопровода совершенно новой конструкции — ее недавно разработал академик Б. Е. Патон. Трубы эти выдерживают давление в 120 атмосфер. Они очень нужны промышленности, потому что те, что есть сейчас, рассчитаны всего на 75 атмосфер.

Завод нужно построить быстро — вот мы и объявили стройку в Выксе ударной, комсомольской.

Молодость — это задор, огромная требовательность к себе и к делу, и мы очень надеемся на молодежь.

Многие ребята приезжают в Выксу без всякой специальности, но на стройке есть учебный комбинат, где они получают профессии.

Я уже по опыту своему знаю, что комсомольская стройка — прекрасная школа для молодежи, и хочу пожелать ребятам пройти эту школу достойно, стать настоящими строителями.

А самый простой путь в строители начинается, конечно, с профтехучилища и техникума. У нас очень много хороших профтехучилищ, они есть в **каждой** области, в **каждом** районе.

Пройдут годы, и многие бывшие школьники из училищ и техникумов придут к нам. Придут, чтобы строить еще больше, быстрее, качественней, чем это делаем сейчас мы. Это понятно — научно-технический прогресс и в строительстве набирает силу. Чтобы отвечать требованиям завтрашнего дня, нужно сегодня себя к этому готовить.

Со страниц вашего журнала я хочу обратиться ко всем пионерам и школьникам страны.

Дорогие ребята! Настойчиво овладевайте знаниями. Будьте достойными продолжателями революционных и трудовых традиций нашего общества. Знаю, что каждый из вас все чаще задумывается над своим будущим.

Напишите, кто из вас хочет быть строителем? Почему? Нужна ли вам помощь взрослых?

Как вы представляете себе свою будущую строительную специальность?

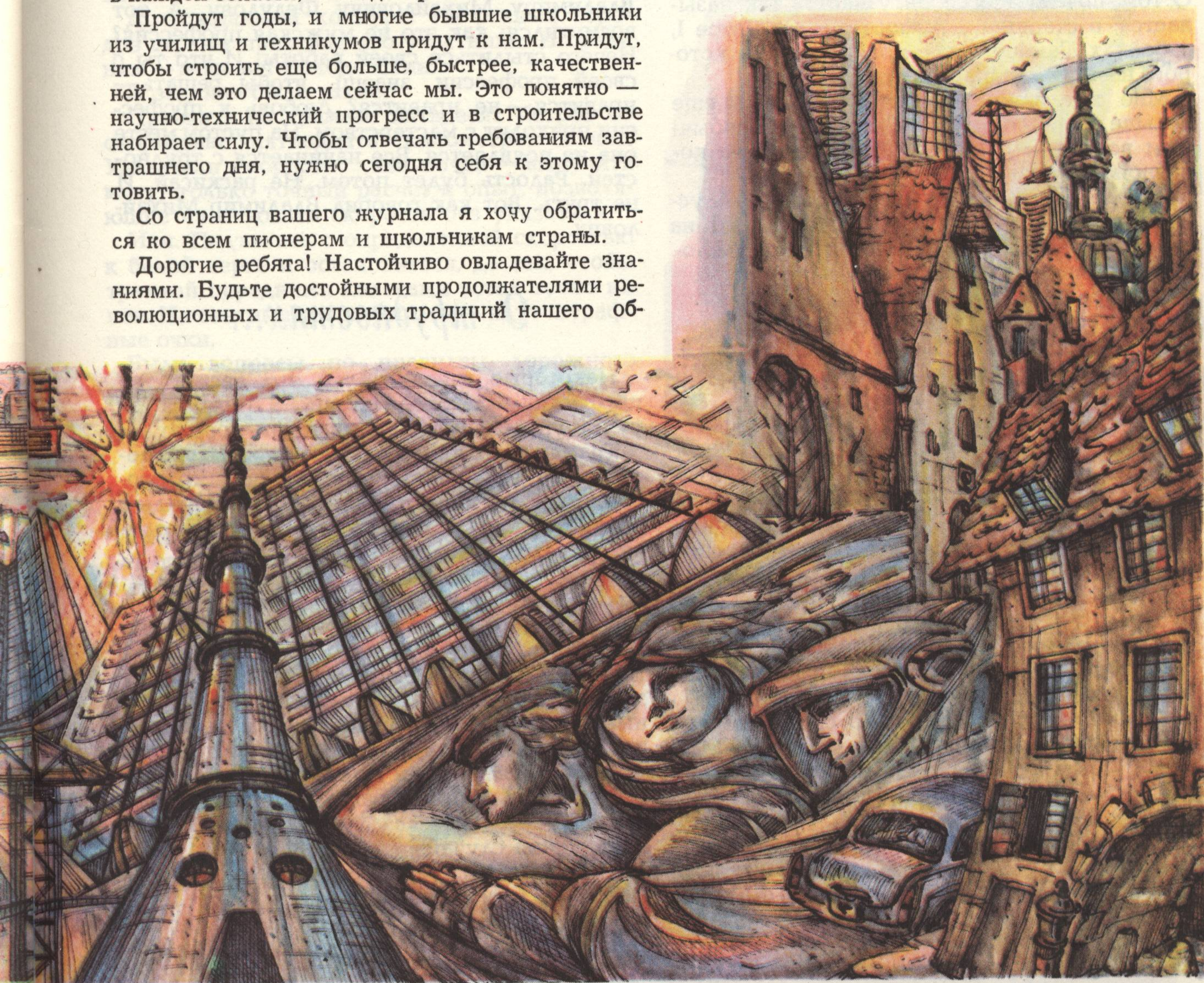
Есть ли среди ваших шефов строители?

Как вы помогаете друг другу?

Расставаясь с вами, хочу пожелать всем ребятам страны счастливого детства, еще больших успехов во всех школьных и пионерских делах. Хочу закончить нашу беседу призывом, в ответ на который мы, взрослые, ждем от вас новых дел и свершений: «Юные пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!»

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята, ждем ваших писем, ждем ответов на вопросы министра и ваших вопросов к министру. Все письма мы будем смотреть вместе с **Георгием Аркадьевичем Караваевым.** Наш адрес: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Пионер»

А на конверте напишите: **ПИСЬМО МИНИСТРУ.**

Рисунки В. РОГАНОВА.

А. КОЛБОВСКИЙ

ШЕЛ ПО ГОРОДУ ТРАМВАЙ

«Добрый день, экскурсия по Москве начинается».

В трамвае было тесно. Час пик.

Но пассажиры, казалось, этого не замечали. Голос водителя в динамике звучал четко и звонко. Он рассказывал о Москве. О тех улицах, по которым проезжал трамвай № 38. О том, почему шоссе Энтузиастов так называется, о старинном Лефортове и о Петре I, о бойцах Семеновского полка, именем которого названа теперь площадь.

Мне хотелось дослушать рассказ, а еще больше хотелось познакомиться с необычным водителем. Поэтому я и доехал до конечной остановки.

Володе Елину всего двадцать шесть. А успел он уже очень много. Успел отмахать на своем трамвае не одну сотню тысяч километров — наверное, уже не раз вокруг земного шара объехал. Стать лауреатом премии Ленинского комсомола. Ну, а самое главное — сумел человек найти свое дело. Хотя было это не так просто.

Нравится, не нравится...

Сестра сказала: «Иди в трамвайное депо. В трамвае легко работать: он и сверху, и снизу привязан».

Вот так он попал на работу, совершенно ничего не зная о своей специальности, кроме того, что трамвай «сверху и снизу привязан».

Впрочем, была, возможно, и еще причина. Володя смеется:

— Мне всегда скучно было сидеть на одном месте. Откуда это у меня, не знаю... Может, от отца? Он на химкомбинате возчиком был — на лошади разные грузы перевозил. Иногда меня с собой брал.

Есть в Москве тихая и очень зеленая улица — Шаболовка. А на этой улице — трамвайное депо имени Апакова. Там и стал работать Володя. Шутки шутками, а поначалу в депо ему не понравилось. Показалось, что слишком много девчонок здесь работает. По всему выходило, что не мужская это профессия — водитель трамвая.

Невеселые мысли, что и говорить. Только недолго они Володю занимали. Определили его учеником к опытному вагоновожатому Владимиру Михайловичу Федулову. А тот возмутился: как это не мужская профессия? Нечего стыдиться своей работы! И что ты о своей профессии знаешь, чтобы решать — нравится — не нравится? Любовь к профессии приходит с мастерством. На пустом месте она не появляется. Все начинается с трудностей. Радость будет потом. Не раскисай. И не трусь. Вот как говорил Владимир Михайлович.

О трудностях...

Некоторые считают: что́ это, дескать, за профессия — вагоновожатый? Держись за ручку управления — трамвай сам повезет.

Трамваи ходят по расписанию. И соблюдать его с точностью до минуты нелегко, особенно на московских улицах, где каждый поворот, каждый перекресток готовит водителю разного рода неприятности.

Одну такую «неожиданность» я сам видел. То ли тот мальчишка из школы домой торопился, то ли по важному делу... Только Володе от этого не легче. Пришлось резко тормозить. Тормоз, конечно, не подвел, но за спиной, в вагоне, послышались недовольные реплики: «Осторожно! Разве можно так? Вы же пассажиров везете — не картошку!»

Володя взял в руки микрофон и объяснил в чем дело. А чтобы загладить неприятный эпизод, тут же рассказал пассажирам какой-то смешной случай.

А листопад? Ты обращал внимание на таблички, что висят осенью над рельсами: «Осторожно, листопад!»? Яркие осенние листья, опадая на рельсы, становятся злейшими врагами вагоновожатого. Они выпускают тягу-

чую и липкую смолу, и если смола попадает под трамвайное колесо,— теряется сцепление с рельсом. Водитель нажимает на тормоз, а вагон не слушается, едет дальше. И как ни тщательно осенью трамвайные рельсы подметают, водителю надо быть все время начеку.

Вот какой человек в кабине вагоновожатого должен сидеть — внимательный и выдержанный, терпеливый и тактичный.

И о тонкостях...

Два года Володя Елин старательно учился всем тонкостям своей профессии. Привыкал к своей машине, а машина привыкала к нему. И вот наступил день, когда он решил проверить себя.

Дело в том, что у водителей трамваев есть свои соревнования. Конечно, трамваи наперегонки не бегают, ни к чему это. Проверяется другое: мастерство водителя, хладнокровие, знание техники.

Долгожданный конкурс! Из разных городов страны приехали его участники. И среди них — москвич Володя Елин.

А задания были такие.

Проехать на трамвае пятьдесят метров со скоростью пятнадцать километров в час. Указатель скорости выключен — выручить могут только точный расчет и опыт, позволяющие чувствовать скорость без указателя.

Или. Подъехать с определенной скоростью к белой черте и остановиться, да так, чтобы трамвай передними колесами встал точно на нее. На сантиметр ошибешься — идут штрафные очки.

Были вопросы по правилам дорожного движения, по устройству трамвая.

Нужно было суметь быстро устранить неисправность.

Чтобы условия были равные, все водители работали на трамвайном вагоне одного типа «Татра».

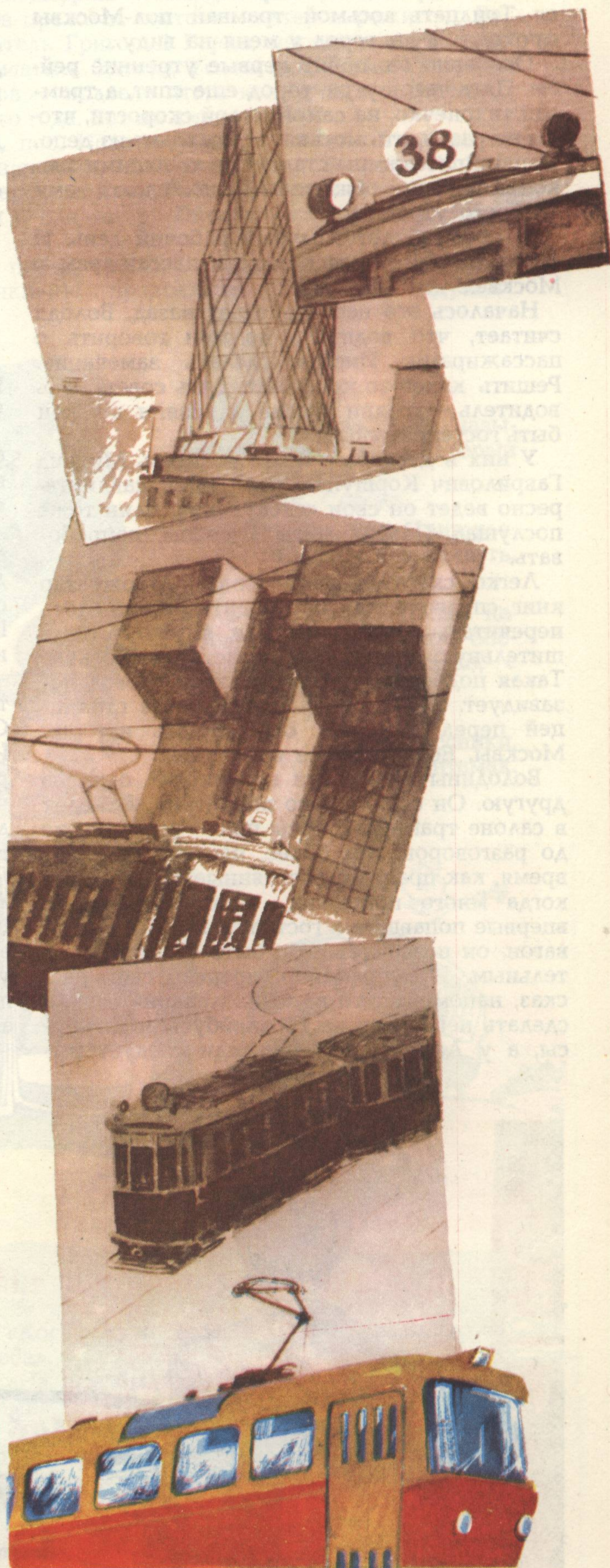
Володя на конкурсе почти не волновался. Он очень хорошо подготовился. Был уверен в себе. И когда назвали его фамилию в числе победителей, хоть и рад был очень, не удивился.

Это был шаг к настоящему мастерству. В тот день — прав был его учитель! — он смог признаться, что по-настоящему любит свою профессию.

Черемушки – Семеновская

Когда Володе сочувственно говорят о том, что на трамвае, наверное, скучно работать, он возмущается:

— Как это скучно? Да у меня маршрут — двадцать километров в один конец, и каждый

день за окном какие-нибудь новости. То дом новый построят, а то и улица новая появится. Тридцать восьмой трамвай пол-Москвы проходит, весь город у меня на виду...

Особенно он любит первые утренние рейсы. Пять часов утра, город еще спит, а трамвай тихонечко, на самой малой скорости, чтобы не разбудить москвичей, выходит из депо. Первые пассажиры стали уже хорошими знакомыми. Они обязательно пожелают ему «доброго утра».

А потом будет обычный рабочий день. И снова он будет рассказывать пассажирам о Москве...

Началось это несколько лет назад. Володя считает, что водитель должен говорить с пассажирами. Иногда сделать замечание. Решить какой-то конфликт. Дать совет. Ведь водитель — хозяин вагона, а хозяин должен быть гостеприимным.

У них в депо был такой водитель Михаил Гаврилович Коршунов. Все знали, как интересно ведет он свои «экскурсии». Елин тоже послушал. Понравилось. И решил попробовать.

Легко сказать: попробовать. Множество книг, справочников, путеводителей пришлось перечитать. Дома у Володи я увидел внушительную стопку книг по истории Москвы. Такая подборка, что любой экскурсовод позавидует. И с каждой прочитанной страницей перед Володей открывалась история Москвы. Ее настоящее и будущее.

Володины экскурсии не похожи одна на другую. Он обязательно посмотрит, кто едет в салоне трамвая. В часы пик — особенно не до разговоров, тем более, пассажиры в это время, как правило, постоянные. А вот днем, когда много приезжих, много москвичей, впервые попавших в гостеприимный Володин вагон, он позволяет себе быть более обстоятельным. И непременно, прервав свой рассказ, напомнит, что на «Павелецкой» можно сделать пересадку на троллейбусы и автобусы, а у Даниловской площади следует выходить тем, кто едет за покупками. Он обо всем помнит, потому, я думаю, что он любит своих пассажиров. Даже замечания безбилетникам делает очень тактично. Кстати, в депо заметили, что в Володином вагоне их почти не бывает.

Многие, очень многие пассажиры присылают письма в депо имени Апакова.

— Я в Москве сорок лет живу,— пишет одна пожилая женщина,— а не знала того, что водитель рассказывал. Спасибо ему!

Трамвай XXI века?

Что ж... Володя отвечает на этот вопрос утвердительно. Не вытеснят трамвай автобусы и троллейбусы, самолеты и вертолеты...

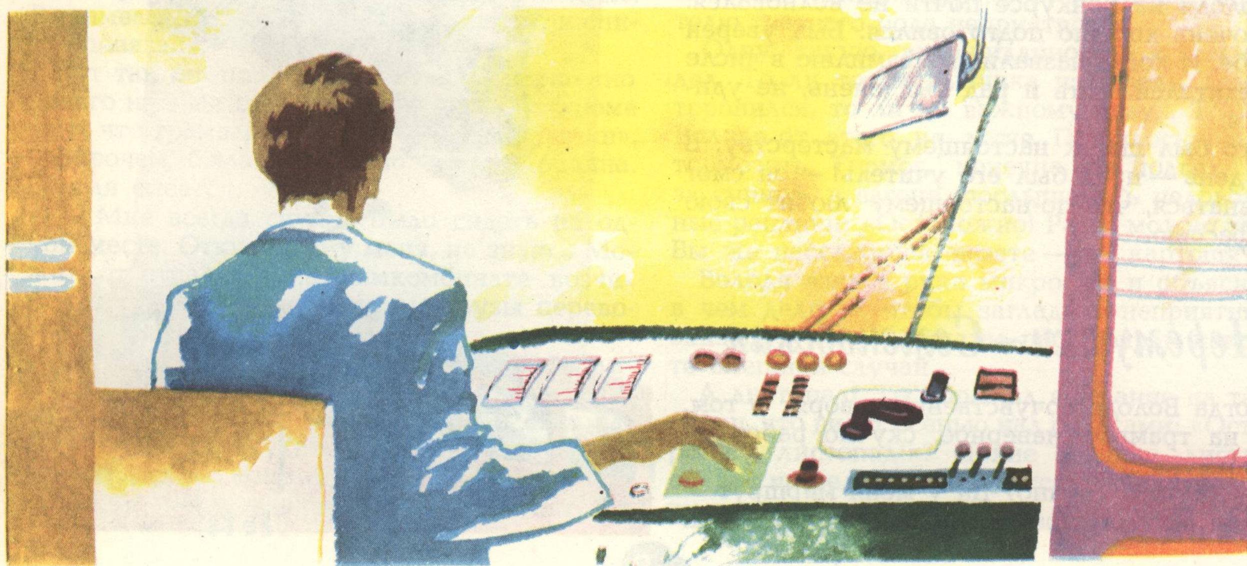
Сто лет уже путешествует трамвай по Москве — неуклюжий и уютный. Сначала ходил на конной тяге — назывался конка. Потом над рельсами протянули провода.

А сейчас... Володя Елин увлеченно рассказывает мне о новых моделях трамвая. Будут вагоны с дверьми на обе стороны. Будут строиться подземные трамвайные линии. Под землей нет перекрестков, и трамвай станет там скоростным.

— А потом учтите,— добавляет Володя,— трамвай — самый дешевый вид транспорта. Самый чистый. Никаких выхлопных газов. И не такой уж шумный. Сейчас вообще разработаны модели бесшумных вагонов. Так что по всему выходит: никуда трамваи не денутся. Непривычно нам было бы без них. Неуютно.

Рейс заканчивается... И прежде чем пожелать своим пассажирам счастливого пути, Володя делает короткое объявление: «Трамвайное депо имени Апакова приглашает учиться юношей и девушек, которые хотят получить профессию водителя трамвая. Наш адрес: Москва, улица Шаболовка, дом 2».

Счастливого пути!

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Итак, как обычно, в конце учебного года «Переменка» подводит итоги конкурса «Невыдуманных диалогов».

Наше жюри в прежнем составе — актер и режиссер Ролан Быков, писатель Григорий Горин, писатель Александр Курляндский, писатель Эдуард Успенский, артист эстрады Геннадий Хазанов — подвело итоги конкурса и определило победителей этого года. Вот их имена:

Олег Алехин, пос. Новомичуринск Рязанской области; **Зульфия С.** из Башкирии; **М. Жуковская,** г. Вологда; **А. Глазова** из Краснодарского края; **Вова Пелюшенко,** г. Горький; **Галя Виклашова,** г. Владимир; **Оксана Тимошенко,** г. Днепропетровск.

Поздравляем победителей! Благодарим всех корреспондентов «Переменки». И... продолжаем конкурс «Невыдуманных диалогов»!

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Как назвали лошадь, впервые открытую Пржевальским?

Ученица. Лошадь имени Пржевальского.

Ира Клюшникова
и Галя Хаюзанова,
с. Бутурлиновка,
Воронежская область.

* * *

Учитель. Где всегда холодно?

Ученик. В холодильнике.

Раушания Насибуллина,
с. Морты, ТАССР.

НА УРОКЕ ИСТОРИИ

Учитель. Что ты можешь рассказать о первобытных людях?

Ученик. Первобытные люди ходили на задних конечностях. От этого у них появились руки и ум.

Оля Памбухчиянц
и Маша Левина,
г. Мытищи,
Московская область.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Как зимуют глухари?

Ученик. Они кочуют под снегом.

Лариса С., Ира В.,
Донецкая область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Как называют человека, который приносит вести?

Ученик. Сорока.

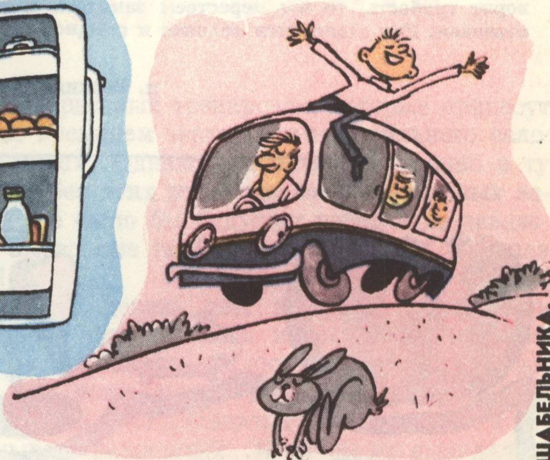
Л. Матвеева, пос. Пригорье,
Смоленская область.

* * *

Учительница. Саша, назови существительное, обозначающее профессию, с суффиксом «чик».

Саша. Тушканчик.

Семиклассники,
г. Стерлитамак.

Из школьных сочинений

«Косые лучи солнца выглядывали из-за неба».

«На нем были штаны с дырявыми коленками».

«Мы сели в автобус и поскакали по залитой солнцем дороге».

«Володя, рискуя жизнью, ходил с горлом нараспашку».

«Из-за дерева выглянули уши зайца».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА. Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

День, когда мне повязали галстук

Два года назад меня приняли в пионеры. Я хочу вам рассказать об этом дне. Готовясь к нему, я раз десять надевала и снимала галстук. Мы с мамой заранее купили гвоздики.

Мне казалось, что этот торжественный день никогда не наступит.

И вот он пришел.

Было прохладно — апрель, но я хотела быть нарядной и надела свой любимый плащ. Мы проучились три урока и поехали в Музей революции. Дорога показалась долгой. Наконец приехали. Нас повели в большой и красивый зал. Там нам повязали красные галстуки. От волнения я сначала даже забыла слова Торжественного обещания...

Потом была экскурсия по музею.

Когда автобус подвез нас к школе, я расстегнула плащ, чтобы все видели — я теперь пионерка.

Маша ГЛУШКОВСКАЯ,
5-й класс, г. Москва.

А у нас во дворе...

В нашем доме все девочки и мальчики дружат. И разница в возрасте нам совсем не мешает. Мы вместе играем в прятки, футбол, пионербол и другие игры. Называем друг друга по именам. Но связывают нас не только развлечения.

Каждое лето у нас создается дворовый отряд «Дружный». Есть и песни и речевка. Наш «Дружный» шефствует над группой детского комбината «Чебурашка». Нам нравится бывать у малышей, играть, петь с ними, разучивать стихи, песни, считалки, читать им сказки и рассказы. К малышам ходят и мальчишки.

Мальчики и девочки у нас во дворе почти не ссорятся. А если и бывают ссоры, то редко и несерьезно: из-за игры или из-за спора...

Мальчики в нашем дворе не говорят грубых слов, не бьют девчонок, как это в некоторых дворах случается. Если кто-нибудь из мальчиков говорит грубость, то мы перестаем замечать его. Он спрашивает, а мы не отвечаем. Ему становится неловко и стыдно. Но такое у нас бывает редко.

Светлана ДМИТРИЕВА,
п. Верхняя Салда, Свердловская область.

На нашей выставке

Когда в школе объявили о выставке «Дары природы», ребята из нашего 7 «б» загорелись. Как же! В прошлом году мы были первыми. Надо и на этот раз расстараться.

— Ну-ка, фантазеры, думайте,— шутливо приказала на собрании классный руководитель Валентина Шамировна.

И посыпались веселые предложения.

— Из редисок могут получиться неплохие птички,— сказала Наиля Хаирова. На доске она нарисовала, как их себе представляет.

— Эврика! — воскликнул Олег Бычков.— Из морковок может выйти лисица!

Класс прорвало, каждый предлагал что-то необыкновенное.

В день выставки на учительском столе были самые неожиданные поделки. Поросята из картофеля, лампа из красного болгарского перца, тыквенная ваза с цветами из свеклы, мозаика из риса, гороха, гречихи.

Удивленное жюри переходило от одного экспоната к другому и не могло понять, из чего они сделаны. И ребята: Саида Гасанова, Люда Полянская, Самир Караев, Гамар Абдуллаева, Марина Круглова, Юна Салимова, Анжела Карамян — с радостью объясняли.

В итоге — опять первое место.

Ирада АБДУЛЛАЕВА,
7 «б», г. Баку.

ПРЕДАННОСТЬ СВОЕЙ МЕЧТЕ

Подвиг, мужество, сила, дружба...

Воплощением этих благороднейших свойств человека может служить СПОРТ. Сколько романтики вмещает это коротенькое слово из пяти букв!

Разве не мечтаем мы с первых своих шагов быть крепкими, ловкими, смелыми, выносливыми? Разве не мечтаем пересекать на лыжах леса и степи?

Не мечтаем о сказочной ловкости акробатов? И разве не чудятся нам свои «серебряные коньки» — коньки быстрее ветра? А мгновенный выпад и неотразимый укол рапирой? Разве не это грезится нам, когда читаем повести о приключениях и славных давних походах?

Разве не вызывает зависть неутомимый и могучий человек?

Но ведь все в наших руках!

Думал ли я в свои девять лет, что мои силовые зарядки по утрам (обязательные — я никогда не отступал от них!) станут основой для будущих серьезных тренировок, которые принесут мне со временем звание «самого сильного человека мира». Однако все началось именно в ту пору, и без этих утренних самостоятельных зарядок не было бы будущих побед и не завязалась бы во мне та будущая, взрослая, большая сила!

Тогда, в девять лет, я просто хотел быть сильным. Мне казалась недостойной человека физическая немощь, хилость и дряблость. Я верил, что всего можно добиться, если страстно желать! И я стал добывать силу в обычных и доступных упражнениях. Я ничем не выделялся. Я только очень любил добывать силу. И очень дорожил временем, чтобы его хватало на эти тренировки. И сила ответила мне такой же любовью.

Это закон — в какой мере любишь и отдаешься спорту, в такой же он вознаграждает силой, ловкостью, гибкостью...

Да, быть могучим, неутомимым человеком — в нашей воле! И это очень нужно во имя добрых дел и счастья людей!

Никогда никому не дарована победа от рождения. Только труд приносит победу, и этот труд начинается с малого — с преданности своей мечте.

Этим обращением Юрия Власова к ребятам открывается новый сборник спортивных рассказов и очерков **«Умей бороться до конца»**, который недавно вышел в издательстве «Детская литература». Сборник посвящен предстоящим Олимпийским играм в Москве.

те. В спорте — это умение переносить неудачи и видеть за днями, неделями, годами обычных тренировок цель, победу. Только искренняя преданность мечте и стойкость прокладывают дорогу к олимпийской победе. И первые шаги к ней начинаются в школьные годы, с их самых первых дней. Именно в эти годы мышцы — самые отзывчивые, навыки прививаются прочно и скоро, преодоление трудностей становится характером. И уже без побед, без преодоления трудностей не представляешь жизнь. Нет, не только спортивную, а жизнь вообще!

Будешь ты чемпионом или не будешь, подчинится тебе рекорд или нет — это еще не весь спорт. Он бескорыстно щедр к каждому, кто предан ему. И никогда никого не обойдет. От него и с ним в твоей жизни всегда будут сила, стойкость и высокое счастье верить в свою победу. Смысл и назначение жизни — побеждать, быть в движении к цели, не уступать любимое дело невзгодам.

«Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Жар, накал тренировок, поединков, преодоление сомнений помогают бороться за свою мечту. Нет, не только за мечту о победах в спорте! Это прежде всего вера в свои силы и товарищество.

Всех, кто мечтает о большом, интересном, ожидает нелегкий путь к заветной цели. Спорт закалит и подготовит к испытаниям. А самых преданных ему и мужественных наградит счастьем олимпийских побед!

В 1980 году Олимпийские игры будут в Москве. Это не только дань уважения советскому народу, его труду и подвигам, но и признание заслуг советского спорта. Ни одна страна за столь короткий срок участия в Играх (1952—1976) не добивалась подобных успехов. Уже на своих первых Олимпийских играх в Хельсинки (1952) команда СССР занимает первое место по количеству очков, а с Олимпийских игр в Мельбурне (1956) и по количеству золотых медалей. Только одних олимпийских чемпионов в нашей стране 502! Советский Союз — главная спортивная держава мира. Уровень физической культуры и спорта в нашей стране не знает себе равных. И Олимпийские игры в ее столице — признание высокого авторитета советского спорта во всем мире.

За Олимпийскими играми с неустанным интересом следят люди всей земли, даже те, кто очень далек от спорта. Олимпийские чемпионы становятся гордостью народов нашей планеты, и многие родители называют своих детей именами героев Олимпиад.

Олимпийские игры — это радость, это большой праздник всех людей мира, и вы, дорогие друзья, можете стать не только зрителями, но и участниками этого яркого праздника красоты, силы, мужества. Больших вам успехов в спорте, ребята!

Юрий ВЛАСОВ,
заслуженный мастер спорта СССР, олимпийский чемпион.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Как стать Гимнасткой

Это было не так давно...

Маленькая девочка переступила порог спортивного зала. Лениво покачиваясь, свисали с потолка кольца, лежали вповалку тяжелые упругие маты, брусья многократно отражались в сияющих зеркалах. Вместе с ней восторженно смотрели на этот гимнастический беспорядок еще два десятка таких же маленьких девочек.

А тренер смотрел на них, на свой новый набор. И пытался угадать, кто из них станет Гимнасткой. Потому что из этих девочек Гимнасткой могла стать, в лучше случае, только одна. Уж слишком много разных качеств должны соединиться в одном человеке — талант, прирожденная гибкость, трудолюбие, мужество, честолюбие...

Мы можем только гадать, увидел ли он в тот первый день в Лене Мухиной — маленькой девочке с серьезными глазами — будущую чемпионку мира по спортивной гимнастике.

Но что известно — на нее обратили внимание скоро. На ее пластичность, мягкость, умение все моментально схватывать. Тренировки для Лены были тогда полуигрой. Приятно знакомым девочкам хвастаться: «На бревне кувыркались. И совсем не страшно. Танцевали. Тренер сказал, что можно выдумывать любые движения. Так интересно!»

А дальше становилось труднее. Росли нагрузки, сложность элементов. Все чаще хмурился тренер, все чаще сурово бросал: «Плохо. Еще раз. Снова». Все чаще после тренировки сводило от усталости ноги, хотелось рухнуть на толстокожие маты, раскинув руки, и лежать, лежать... А дома ждали уроки.

Шло время. Некоторые не выдерживали и уходили. Лена осталась. И продолжала крутить фляки, сальто до тех пор, пока не получится. У нее появилась настоящая спортивная черта — она не могла уйти с тренировки, спокойно есть, спать, отвечать урок у школьной доски, пока не получится элемент.

Она была уже близка к большим успехам и победам. О Мухиной говорили: «Перспективная девочка, чисто работает, хорошо смотрится».

В 1974 году ее заметил опытный тренер Михаил Клименко. Под его руководством Лена два года готовила новую программу. И вот-вот, казалось, вспыхнет ее чемпионская звезда...

Но вдруг сдали нервы. Она сама точно не понимала, что с ней произошло. Все стало безразлично.

1978 год. Чемпионат Советского Союза. По итогам этого соревнования должны были составить сборную, которая поедет в Страсбург на чемпионат мира.

— Делаю шаг на бревне и срываюсь, — вспоминает Лена. — Просто так, на ровном месте срываюсь. Вроде бы элемент отработанный, но падаю. Залезаю на бревно и снова срываюсь. Ругаю себя: «Соберись. Это же ужас, стыд». И снова падаю. А внутри все пусто, безразлично...

После чемпионата СССР дела пошли еще хуже. Ничего, совсем ничего не хотелось. Ни гимнастики, ни чемпионата мира, ничего. Ведь можно же, как все нормальные люди, учиться, отдыхать, читать книги... И я перестала ходить на тренировки. Если бы тогда не мой тренер Михаил Клименко...

Клименко не отходил от нее ни на шаг. Почти насильно привозил на тренировки.

Несмотря на неудачное выступление на чемпионате страны, тренерский совет все-таки решил включить Мухину в состав сборной. В нее верили.

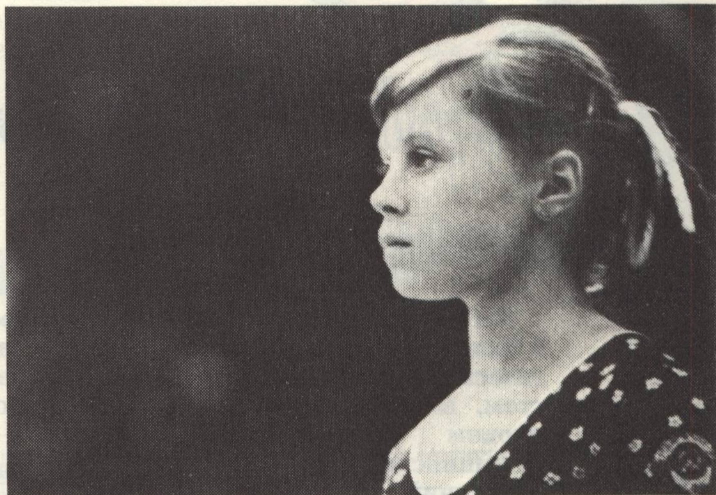
Мухина тренировалась. Вначале через силу, потом все спокойнее, увереннее. Каждый сложный элемент Клименко объяснял до мелочей, показывал. Не заставлял рисковать, продумывал каждый шаг.

— Великий теоретик, — улыбается Лена. — Все-все продумает, упасть просто нет возможности... Я ждала Страсбург. Старалась не думать, как выступлю. Главное, хотелось не подвести команду, не сорваться, не упасть. Сделать все, что в моих силах, — не для себя, для команды...

1978 год, Страсбург. Осенний Страсбург. Нужно собрать в кулак всю свою волю. Победа любит волевых.

И она выходила на помост, собравшись в комок. Внешне казалась спокойной. Смотрела в зал. Он был внизу, черный, затаившись, ждал... И она начинала работать.

Елена Мухина — чемпионка мира! Яркий луч прожектора брошен на ее тоненькую фигурку...

Елена Мухина — чемпионка мира!

С тех пор она дала столько интервью и получила столько подарков, аплодисментов, цветов, что, кажется, хватит на всю жизнь.

...Утро. Полупустой зал стадиона «Динамо». Пианист тихонько наигрывает какую-то мелодию. Лена идет по ковру. Делает элемент. Потом садится на ковер и, обхватив руками колени, молча смотрит на Михаила Клименко.

Идет обычная тренировка. Подготовка к очередным соревнованиям. Только соревнования эти будут необычные.

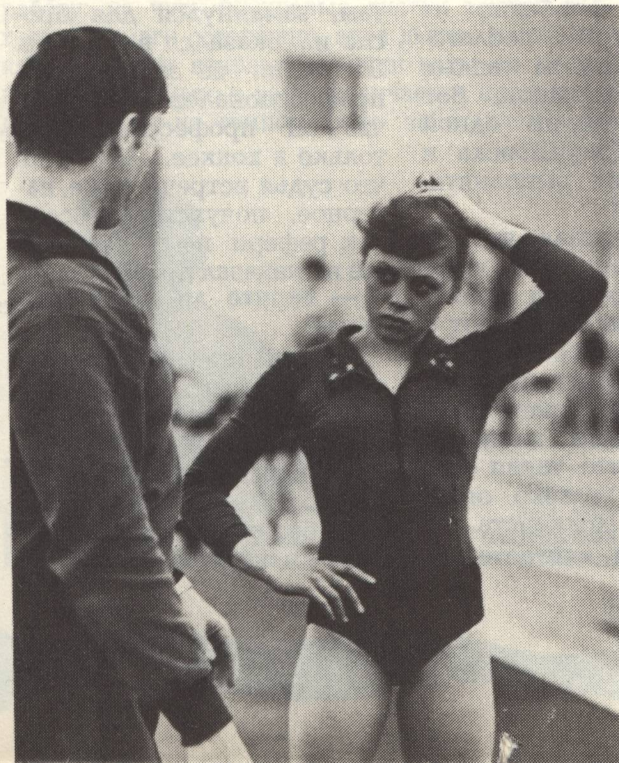
Очень скоро Лена будет выступать на Олимпийских играх.

А дальше? Пианист опять сядет за рояль. И тренер будет придумывать новый элемент. И Лена будет его делать, делать, пока не получится. Такую жизнь она выбрала сама.

Впрочем, ни о чем не жалеет.

И. ВЕДЕНЕЕВА

Идет обычная тренировка: впереди — Олимпиада-80!

Каждый элемент у Лены поражает отточенностью и изяществом.

Фотографии А. БОЧИНИНА.

Кто пишет коньками песни атак?

Сегодня, дорогие друзья, в нашей рубрике вы встретитесь с известным хоккеистом, неоднократным чемпионом мира, Европы, Олимпийских игр. Этот нападающий уже давно стал запевалой атак нашего ведущего хоккейного клуба и сборной СССР. Вы уже, наверное, догадываетесь, что речь идет о... Впрочем, ждем ваших писем с ответами, кто же он на этот раз — такой знакомый незнакомый?..

— Скажите, это правда, что вы с детства мечтали стать хоккеистом?

— Не совсем так. Просто я хотел стать смелым и сильным, ведь каждый мальчишка мечтает об этом. Но не у всех это получается, вот и я рос слабым, часто болел. И тогда мой отец решил: только спорт поможет сыну окрепнуть. Он повел меня в знаменитую хоккейную школу ЦСКА. Я был уверен, что не примут: мне уже было четырнадцать, а набирали тринадцатилетних. Хорошо, что хоть ростом был мал...

— Что же тут хорошего?

— А то, что из-за маленького роста тренеры не обратили внимания на возраст! И взяли.

— Уже одиннадцать лет ваша тройка нападения считается первой — и в ЦСКА и в сборной страны. В чем секрет такого успеха?

— Секрет есть. Дело в том, что мы играем... вчетвером.

— Как это?!

— Очень просто. Дружба — четвертый нападающий нашей тройки, самый лучший форвард. Иногда он отдает самый красивый и точный пас, иногда лучше всех бросает по воротам. Дружба — наша опора.

— У вас много болельщиков, поклонников вашей игры. Помогает ли слава игре?

— Слава — это, конечно, приятно. Но бывают случаи, когда лучше, чтоб тебя не узнавали...

— Например?

— Помню, мы только начинали играть втроем, возвращались на такси с неудачного матча. Таксист попался разговорчивый: «Вы не с хоккея, ребята?» Мы замялись, спрашиваем: «А что?» И тут таксист говорит: «И куда только тренеры смотрят? Опять ЦСКА проиграл! Нет чтобы хороших игроков ставить, так выпустили на лед каких-то...» И он назвал наши фамилии... Попросили мы остановить машину и дальше на метро добирались.

— Много ли писем вы получаете от болельщиков?

— Много, особенно от ребят. Хочу сразу поблагодарить их всех за теплые слова и пожелания. Вот только пожелания одной девочки из Свердловска я постараюсь не выполнять.

— Почему?

— Она написала, что ей очень нравится моя игра, но больше всего ей приятно, когда меня... удаляют с поля за нарушение правил — ведь «штрафников» показывают на экране телевизора крупным планом!.. Уверяю вас, что такая «популярность» только огорчает любого хоккеиста.

— Кого вы считаете самым главным своим болельщиком?

— Конечно, сына Сашу. Ему четыре года, и на матчи во Дворец спорта он пока не ходит. Но как только начинается хоккейный репортаж по телевидению, он надевает коньки и гоняет шайбу по комнате. И так увлекается, что приходится мне после игры звонить и сообщать, что матч окончен и пора спать.

— Пробовали ли вы себя в других видах спорта?

— Очень люблю играть в футбол, а однажды на несколько секунд почувствовал себя... боксером.

— Почему всего на несколько секунд?

— И того достаточно! Это произошло во время нашего заокеанского турне. Мы играли в США с профессиональной командой «Филадельфия Флайерс». Кто смотрел игру по телевизору, тот, конечно, помнит, как грубо вели себя хозяева площадки. Во время одной из атак я получил шайбу, прорвался к воротам, замахнулся для броска и... оказался в нокауте. Это один из защитников-профессионалов доказал, что он профессионал не только в хоккее... Добавлю, что судья встречи тоже, наверное, почувствовал себя как рефери на ринге — даже не наказал драчуна...

— Верите ли вы в приметы?

— Конечно, нет!.. Но если говорить откровенно, то у каждого хоккеиста есть своя, скажем, традиция. Один перед матчем обязательно надевает сначала левый ботинок, затем правый — и никогда не наобо-

рот. Другой, как, например, Александр Мальцев, во время церемонии представления команд старается стоять у борта. А я уже привык на каждый матч выходить из раздевалки на лед последним.

— Ну что ж, остается пожелать вам с каждого матча уходить в раздевалку первым — то есть победителем!

Беседу вел Леонид ТРАХТЕНБЕРГ.

ДЕЛО ЗА ВАМИ

Светило неяркое весеннее солнце, неторопливые воскресные прохожие проходили мимо старинного дома, не обращая на него внимания...

Если бы знали эти прохожие, что делается сейчас в старом доме! Сразу бы забыли про свои дела и поспешили открыть его гостеприимные двери.

Вошли бы — и ахнули!

Шум, гам, тарарам! Комнаты полны ребят! Крики, песни, смех! И вместе с тем — все заняты делом. Похоже на какую-нибудь мастерскую из сказочного спектакля — кто лепит, кто рисует, кто вырезает. И у всех рот до ушей: весело! Да нет, что мастерская — тут настоящая фабрика: вон на каждой двери яркими буквами — «Цех номер один», «Цех номер два».

И это действительно фабрика. Фабрика олимпийского сувенира.

Простая и важная мысль пришла в голову пионерам Бауманского района. Скоро Олимпиада. Взрослые делают многое, чтобы гостям Олимпиады и ее участникам было приятно находиться в нашем городе, чтобы все было удобно, красиво. А ты, пионер, что приготовишь для Олимпиады? Будешь смотреть передачи по телевизору? Не мало ли? Так вот, бауманцы решили: даешь олимпийский сувенир!

В этой комнате было очень тихо. Оказалось, здесь выполняют очень сложную и трудоемкую работу: на чуть шершавые листки темной бархатной бумаги осторожно, едва дыша, малюсеньким пинцетом втирают кусочки ваты по рисунку. Тяжело. Зато и вещь получается красивая и долговечная: на темном фоне за стеклом гордо выпячивает грудь все тот же сияющий олимпийский Мишка.

Дима Котов, шестиклассник школы № 325, недовольно поднял на меня глаза — дело идет не очень и отвлекаться нет времени. «Ну как, нравится?» — спросил я. Дима кивнул и опять уткнулся в работу.

Я решил больше никого от дела не отрывать. Только заглянул еще в несколько цехов: в одном радовала глаз стопка разноцветной бумаги. В другом — пластилиновые Мишки стояли, бежали, поднимали штангу, забивали гол, отдыхали, смотрели телевизор. Даже пели. В третьем — аккуратно разложенные на столе работы художников. В четвертом... Всего не перечесть.

На фабрике олимпийского сувенира в Бауманском Дворце пионеров имени Крупской уже побывали многие ребята. Такие же фабрики они устроили в своих школах, и выставки лучших работ уже состоялись.

К началу Олимпиады будет изготовлено две тысячи сувениров. На каждом будет фотоэмблема с надписью: «Пионеры Бауманского района — олимпийцам».

...Инициатива школьников Бауманского района Москвы одобрена ЦК ВЛКСМ, Центральным Советом пионерской организации имени В. И. Ленина. Дело за вами, ребята.

Б. МИНАЕВ

Фотография П. АСАУЛЬЧЕНКО.

Оживает еще один олимпийский Мишка.

Федор КАМАЛОВ

Здравствуй, Артем!

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Глава первая, о себе

Много ли человек знает про себя? Много ли может написать о себе? «Я, Артем Остролуцкий, учусь в 7 «Б» классе». Все.

Другое дело попробовать рассказать о себе... Можно каждую строчку в биографии вытянуть до Москвы. Допустим, первое слово из биографии: «Родился...» В избушке посреди леса я родился. Отец работал лесником. Ближайший сосед жил в двенадцати километрах от нас на другом кордоне. Его звали Серафимом. Зимой он приходил к нам на лыжах и приносил на спине самовар, а в блестящем самоваре гремела ледяная клюква с промерзших болот. Я доставал ягодки из самовара и делал маме красные бусы.

Серафим подсказал родителям мое имя: «Все орем?», «Все растем?» — Артем.

До семи лет я видел чужих людей несколько раз. Потом родилась горластая Ленка, и мы пе-

реехали жить в подмосковный город. И в памяти о той лесной жизни осталось немногое.

Перед нашим домиком лежало плоское озерцо, похожее на блин. Рыбы в озере сроду не водилось. Озеро хранило серую мертвую воду. Но по утрам, когда вставало солнце и просыпался лес, наш домик наполнялся чудо-розовым дрожащим светом и пением птиц.

Однажды отец принес мне с ночного обхода хромого лисенка. Потом выяснилось, что лисенок только притворялся несчастным и вообще оказался большим хитрецом. Первые дни он жил под кроватью и шипел на ноги проходивших мимо. Но вскоре обжился. Бегал по комнате, совал нос в кринки, в кастрюли. Когда мама шлепала его за проказы, лисенок прятался за печку и вздыхал там. Стоило мне его шлепнуть, он хватал меня за штанину и пытался утащить в темный угол, чтобы расправиться.

Вечером он с визгом бросался навстречу отцу, и, когда подбегал я, руки у отца уже были заняты. Я мучился черной ревностью. В пору спелой малины я тайком утащил лисенка за озеро. И все.

Пролились осенние дожди. Потом пришли снега, укрыли землю. И вдруг я стал ждать, что озябший лисенок однажды попросится в наш дом, к теплой печке.

Нет — ни голоса, ни следа у дома. Может, он ушел от обиды в другие леса, к другим людям? А может, совсем ушел от людей.

До сих пор, а мы уже давно живем в городе, я слышу внутри себя некий укоризненный голос: «Эх ты, а еще человек!» «Я же дикого зверя отпустил на волю!» — отвечаю я. А этот «некий голос» все бормочет. «Мне, что ли, надо было уйти?» — говорю сердито. А он снова бубнит... «Да ты кто такой?» — спрашиваю зло. Молчит.

По какому праву этот внутренний голос пристает ко мне, постоянно смущает меня?

Кто он? Что это за голос? Может, совесть? Чем я взрослее, тем чаще слышу в себе внутренние голоса.

Человек, по-моему, как матрешка, состоит из нескольких человек, мал мала меньше.

Я иногда представляю, что состою из нескольких Артемов.

Если бы вдруг ко мне приехали представители народов Земли и сказали:

— Артем, до сих пор на нашей Земле существуют голод, болезни, убийства, войны, людские страдания. Если ты согласишься, чтобы тебя замучили самыми страшными муками, настанет счастливая эра — люди будут жить, не страдая. Если согласишься на самые страшные муки, Артем!

— Ну, конечно, я согласен! — выпятив грудь, отвечу я.

А второй Артем, поменьше, захнычет:

— Самые страшные муки!.. А почему именно я!.. Почему не сосед или кто-нибудь другой?!

Третий Артем воскликнет:

— Гей-гей! Я стану вечным героем Земли!

Четвертый задумается:

— Неужели нельзя переделать мир по-другому, без страшных мук?!

И, наконец, пятый вымолвит:

— Эх! Зато на несчастную, настрадавшуюся мою планету придет жизнь без зла!

Шестой... молчит. Да живет ли, есть ли он во мне — шестой? Кто он — трус, герой или мудрец? Может, его еще нет, может, он появится позже, с годами?

А потом еще и седьмой?..

Наверное, никто не знает себя до конца, до донышка, до всех тайников.

Самая маленькая матрешка по законам красоты должна быть самой красивой.

Если бы знать, что в глубинах души каждого человека таится прекрасное!..

«Хорошо учись, читай больше книг, воспитывай в себе честность, благородство, смелость!» — часто слышу я наставления взрослых. И в то же время вижу в жизни немало примеров, когда сами взрослые своими поступками сеют в нас сорное. Мне однажды открылось, что воспитывает меня не наставлениями, а своей жизнью — тот, кто сам честен, смел и благороден.

Глава вторая, о друзьях и недругах

Наши матери не устают удивляться:

— Как это вы, такая разная публика, дружите?

Дружим вот с первого класса: Мишка Сивец, мы его зовем Отшельником, Сережка Мельников и я. И не жалуемся на свою дружбу.

Когда мы учились в третьем классе, я увидел из окна дома, как Сережку уводят за собой цыганки. Я подумал, они его околдовали. Ну, может, не околдовали, а как-то приворожили. Белобрысый Сережка развесил уши, идет с ними. Я выскочил из дома, заметался: кинуться за Сережкой — вдруг цыганки и меня заговорят и уведут? В милицию звонить — пока треньбрень, Сережка может оказаться в таких краях, что самая гениальная собака не разыщет.

Тогда я погнался за цыганками на велосипеде с сумасшедшим криком:

— Серы-ый! Ваш дом горит!

Вот цыганки удивились: был Сережка, нет Сережки! Я на велосипеде еле догнал его.

— Где горит?..

— Серый, я про «горит» придумал, чтобы тебя выручить! Они же тебя утащат!

Он посмотрел на меня так, будто я на велосипеде вниз головой сижу.

— Не даст магазин показать людям! — И побежал снова за цыганками.

Сережку можно водить за нос, пока самому не надоест.

— Серый, — говорю ему, — позавчера из Академии наук улетела говорящая сова. Сейчас по ночам вокруг Москвы самолеты с неводами летают. Сову пока не нашли, зато две молодые бабы-яги попались. По-русски ничего не смыслят, на каком-то древнем бабоягском языке лопочут.

— А как же с ними объясняются?

— По азбуке глухонемых.

Вот на такие детали Сережка и ловится, как пескарь: «Вот это да!» К седьмому классу он, правда, научился произносить две недоверчивые фразы: «Ну да-а!» и «Иди ты!», но все равно верил. Иногда мне кажется, что я со своими сомнениями старше Сережки на сто лет. Сережка живет быстрой, летучей жизнью, а я медленной, тяжелой.

По-моему, Отшельник — Мишка Сивец — начал говорить пословицами и даже афоризмами с раннего детства.

Я отношусь к Отшельнику примерно так же, как француз к своей Эйфелевой башне: сам давно не удивляется этому чуду, привык, но ревниво смотрит, чтобы удивлялись другие.

Отшельник, едва научился читать, стал выискивать в книгах умные мысли, высказывания мудрецов. Потом завел толстую тетрадь, которую назвал «Жемчужины».

В начальных классах дружится просто: с кем рядом сидишь, с кем по пути домой, с кем одинакового роста, кто марку дал...

Говорят: «Хороший человек тот, с кем мне хорошо». Мне хорошо со многими. А друзей двое.

— Отшельник, почему мы с тобой дружим?

И я увидел, как чуть не впервые в жизни Отшельник растерялся.

— Как это почему? Люди мы близкие... вот и дружим.

— И все?

— Послушай, Артем, — сказал он, — если ты хочешь услышать от меня формулу дружбы, так я не знаю ее! Я даже не знаю, есть такая формула или нет!..

— Сережка, почему мы дружим?

— Потому что для нас это хорошо, — беззаботно сказал Сережка.

Папин брат иногда разговаривает с маленькой фотографией солдата. И это мне казалось непонятным.

— Это мой лучший фронтовой друг, — сказал папин брат.

— Но ведь вы же рассказывали, что он на фронте... его же нет!

— Это для тебя нет! Для тебя его не было и нет сейчас. Для меня он был, есть и будет, пока я живу!

Зимним вечером на скамейке у нашего дома мы отдыхали после катка. Вокруг скамейки, как секундная стрелка, ходила по утоптанному кругу тихонькая Жанна, Сережкина соседка.

— Мать, наверное, пироги дома печет, а ты здесь нос морозишь, — сказал ей Сережка.

— Не-е, мама на работе, — простуженно ответила Жанна.

— Телевизор включи, как раз шикарные передачи идут.

— А нету у нас.

— Ну просто иди домой! — подосадовал я. — Чего на морозе-то!

— Я ключи потеряла, — трагическим шепотом сообщила она.

Тогда я забежал к себе домой и сказал Ленке:

— У тебя полный дом родных, и все о тебе заботятся! А у Жанны даже отца нет! Она одна на улице! Быстро одевайся!

Ленка человек исполнительный. Прикажи ей: «Четыре дня дружи с Жанной» — добросовестно исполнит приказ. Она увела Жанну к нам в гости.

— У большого человека большое горе, у маленького — маленькое, — стал философствовать Отшельник.

— Ничего себе маленькое — отца нет! — не согласился Сережка.

— Да я не про отца...

— Завтра куплю ей два мороженых!

— Память об этом добре растает так же быстро, как само мороженое.

— Тогда голубя подарю!

— Зачем птенцу большая птица! — пропел Отшельник. — Не это ей нужно!

— Ты, что ли, нужен?

— И я, и ты, и все на свете! Друзья ей нужны. Понимаешь?

— Твоя правда, Отшельник! — сказал я. — Надо в отряде поговорить, чтобы все наши тимуровские пятерки занялись вот такими пацанами и девчонками! Ищем ветеранов, одиноких стариков, а такое вот одиночество не видим!

Повернется ли у кого язык сказать: провались все друзья в тартарары, не нужно мне ни одного?..

— Я ни разу не слышала, чтобы пионер Миша Сивец выступил! — заявила как-то на сборе отряда старшая вожатая Марионетта Григорьевна. — А хотелось бы послушать!

Отшельник встал. И ни слова.

— Может, тебе не интересна тема сбора: что такое настоящая дружба и чем она отличается от мнимой? — спросила Марионетта.

Отшельник пожал плечами. Я смотрел на него с ожиданием. Сбор состоялся как раз после нашего с ним разговора о дружбе. Не мог же Отшельник не думать об этом.

— Ну, Сивец, слушаем!

— Он, Марионетта Григорьевна, внутри се-

— На каждый Сережкин фонарь дашь подробное объяснение,— сдержанно сказал я Волоху.

бя знает, а высказать не может,— будто бы пришел на выручку Отшельнику Даянов, первый в классе подхалим и тупица.

— Никудышный из тебя оратор, Сивец!

— Сивецкий оратор! — бросил Арсентьев.

Все привычно засмеялись.

— Нормальный оратор и человек получше некоторых! — сказал я.

И Сережка:

— Да, получше!

— Ага, Остролуцкий и Мельников, вы ведь его друзья?

— Мы друг другу три сердечных друга! — сказал я вызывающе.

— Можешь ты нам рассказать, Сивец, почему? По каким признакам или качествам ты разделяешь людей: друзья, не друзья? Почему, допустим, ты не с Даяновым, а с Мельниковым дружишь?

— Лучше с умным потерять, чем с Даяновым найти,— хмуро сказал Отшельник.

— Вот как! — удивилась Марионетта. — Ты только с умными дружишь?

— С тем, кто хочет стать умным, тоже дружу. С тем, кто не хочет,— нет.

— Ты кого-то конкретно имеешь в виду?

— Нет, я вообще.

— Но посмотри, Сивец, вас трое друзей, а в классе тридцать девять человек. Вы, значит, умные, а остальные нет?

— Остальные для меня приятные люди и

неприятные. Кто мне приятный — тому я приятель! Кто неприятный — тому нет!

— Это и вся твоя философия?

Отшельник промолчал.

— Садись, Миша! Странные у тебя рассуждения! — сказала Марионетта.

Ничего не странные.

Мы идем по берегу Клязьмы, доходим до ласковых мягких трав и ложимся.

Цветет черемуха. Река, смущаясь своей черноты, словно крадучись, течет мимо белых берегов.

Высоко в небе, так и хочется сказать — в синей глубине — летит самолет.

Замечательно жить.

А ветер носит над землей, смешивая, сладковатый запах ландышей и теплый, болотистый дух застоявшейся воды.

Произнеси слова: не приятель — неприятель, не друг — недруг. Когда нет расстояния между предлогом и словом, значит, есть широкая пропасть между тобой и тем человеком, о ком ты говоришь.

Отшельник говорит: «Если хочешь иметь друга, сначала сам будь другом».

И еще Отшельник говорит: «С некоторыми сидеть рядом не хочется, а встать и уйти — вроде причин нет».

Сережка вернулся из-за Клязьмы с синяками и разбитой губой.

— Кто?..

— Гришка Волохов.

Я собрал ребят. Мы пошли по мосту через Клязьму, я все больше закипал: расшибу Волоха за Сережку. Из-за таких, как Волох, я и хожу два года на борьбу и бокс.

Человек десять из волоховской компании играли на пустыре в расшибалочку. Увидев нас, трое ударились в бега, еще двое просто увильнули в сторону, остальные сгрудились, напряженно следя за нами.

— Волох! Отойдем, поговорим! — позвал я.

Длинный и сгорбленный Волох отошел со мной к изгороди.

— Ну?

— На каждый Сережкин фонарь дашь подробное объяснение, — сдержанно сказал я. — Не будет объяснений, заимеешь столько же и даже парочку лишних.

— Ты оглянись, все же вы к нам пришли, а не наоборот, — предупредил он.

— Я твои законы гостеприимства знаю, поэтому припас подарочек! — Я поднес к его носу кулак. — Вот! Давай, пока по-хорошему, извинись перед Сережкой!

— И все?

— Потом посмотрим.

Он ухмыльнулся, подбоченился и с угрозой произнес:

— А если я и тебе сейчас навешаю на обе стороны, как Серому!.. Кто придет завтра за объяснениями? Папа с мамой?

— Я не стал делать лишний замах — двинул ему прямо в челюсть. Волох отлетел к гибкой изгороди, она спружинила, словно канаты на ринге, подтолкнула его в спину, и Волох кинулся на меня. Мы дрались молча, если не считать, что Волох иногда принимался рычать. Он никого не звал на помощь. Я, конечно, тоже. И обе наши армии следили за нами издалека.

Руки у Волоха ужасной длины, но он махал ими бестолково. И старался ударить меня ногой. А больше всего ему хотелось, чтобы я подставил под удар лицо. А я не подставлял. Я двигался скупо, а бить старался щедро.

Увидев, как Волох качнулся назад, я сделал быстрое движение и замечательно влепил ему. Волоха бросило на изгородь, на подгнивший столбик, и он рухнул вместе с изгородью.

— Чемпион, боксер, да?! Ты еще на наших пацанов не нарывался, ребята еще поговорят с тобой! — слезливо затянул он и стал подниматься, шатаясь. Глаза заплыли.

Едва я отошел, к Волоху подскочил «раб-оруженосец». Он отряхивал своего «господина» и шептал ему что-то в ухо, показывая глазами на ремень с толстой пряжкой. Меня опять затрясло.

— Ты! — бешено крикнул я. — Если хочешь начистоту — выходи! А нет, так исчезни!

«Раб» ловко испарился.

— Волох, иди сюда! Рассказывай!

Все происходило по неписаным законам: побежденный должен объясниться.

Дело было так. Сережка шел к знакомому голубятнику и прислушивался, как за пазухой воркует голубь. Ему встретился Волох и расхвалил до синих небес пару своих сизарей — замечательные птицы!

— Ты только подержи! Видишь, в руке тяжелые, как индюки! А в небе — стрижи, истребители!

Сережка соглашался: да.

Волох рассказал, как однажды вот эти два талантливых голубя привели ему чужую стаю: «Чердака не хватило, клянусь!» А потом стаю поменьше — двадцать шесть голубей. Одиночек он, Волох, и не считает: по два-три голубя каждый день — его законная добыча.

Сережка удивлялся: надо же!

Волох вспомнил, что увез однажды верных птиц в Новосибирск. Специально для испытания. Выпущенные в Сибири, похудевшие голуби через пятнадцать дней вернулись в родной дом.

Сережка восхищался: блеск!

И тут Волох предложил поменять свою гениальную пару на одного голубя — что за пазухой Сережки. Сережка пылко уверял его, что турман не стоит двух чудо-птиц.

— А ты считай, что будто в подарок их получаешь! — настаивал Волох.

Сережка, для него это естественно, застеснялся такого роскошного подарка.

Тогда Волох кратко выразил сомнение в ум-

ственных способностях Сережки, сказав: «Дурак!», и толкнул его. Сережка упал, и вырвавшийся турман с хлопаньем вертикально полез в небо. Сизари Волоха кинулись его догонять. Турман, сверкая белыми крыльями, увел расхваленных, но никчемных сизарей за собой.

— Тут и случилась эта, ну, драка,— лицемерно вздохнул Волох.— А что, он сам виноват! Приманивает чужих голубей! Это честно, да?

— Ты, Волох, недоразумение человечества!— сказал я.— Ты свое сегодня получил, хватит! Смотри, в следующий раз попробуй тронь ребят!..

Мы пошли.

У меня уже не было вражды к Волоху. Другое дело — тот, что шептал ему про ремень с пряжкой. Вот он — недруг! А как его, скользкого, ухватишь? Он не бил Сережку...

Вот двое улыбаются: у одного живая улыбка, теплая, а у другого, как бумажный цветок — не вянет, не пахнет и не радует. С кем захочется дружить?

Вот навстречу человеку идет собака и робко виляет хвостом, мол, здравствуй, человек! А человек нагибается за камнем — кыш, бездомная тварь!

Отшельник говорит: «Хорошо жить, имея больше друзей, чем недругов».

Я ни разу не сказал «враг». Это совсем другое, откровенное слово. Личных врагов у человека может не быть всю жизнь. Но...

Мы трое — Сережка, Отшельник и я — маленькая частица всего народа. Кто враг народу, тот личный враг мне, Отшельнику, Сережке.

Об этом я хочу помнить всю свою жизнь!

Глава третья, об уме и глупости

Когда мама окончила педагогический институт, они с Ленкой вместе перешагнули порог первого класса. Ленка села за парту, а мама за учительский стол. Ленке, понятно, хотелось, чтобы мама для всех была учительницей, а для нее так и осталась мамой.

— А она, наоборот, в классе строже всех меня спрашивает!— пожаловалась Ленка папе.

— Будь я учителем, Ленточка, я бы тебя еще строже спрашивал,— ответил папа.

— Почему-у?

— Подумай сама.

— Я думаю, а не придумывается,— сказала Ленка.

— Вот представь, что у вас в классе учительница не твоя мама, а... хотя бы Маринина. Вот она входит в класс, и ты смотришь, как мама-учительница взглянула на свою дочь-ученицу, как ее спрашивает, какую оценку ставит: справедливо, по знаниям или потому, что дочка. Ты должна быть лучше всякой похвалы, чтобы никто не говорил в классе: «маменькина дочка». Поняла?

Ленка думала, думала.

— Значит, когда мама ставит мне пятерки, я должна знать на шестерки?

— Верно, умница.

Умница?..

Легко быть умным в первом классе. И взрослым легко быть умным...

Я в первом классе не то сам сочинил, не то переделал где-то слышанный стих — о кошке, которую поймали мыши и повели на расстрел. Нравился он мне безумно. Сейчас это стихотворение кажется мне смешным, глупым. Я даже стыжусь своей бывшей любви к нему. А почему? В чем я изменился?

Только позже я понял, что самое трудное — быть умным в своем возрасте.

Отшельник говорит: «Умный поймет, если моргнуть, дурак — если толкнуть».

Когда мы учились еще в третьем, Сережкин брат, студент, повел нас в поход за грибами. Мы набрали с собой конфет, вафель и печенья. Студент оказался бо́льшим сластеной, чем мы, только он не взял с собой ничего.

Мы дурачились в лесу, собирали грибы, бросались шишками, загадывали кукушке, кому сколько жить. Выходило всем ужасно помногу. Кукушка почти не останавливалась, она словно раскачивалась на качелях — то близко ее слышно, то далеко.

Мы нашли землянку, забрались в нее и сразу притихли под низким земляным потолком. Студент вполголоса сказал нам:

— Может, ошиблась кукушка про наши долгие жизни? Тут, между прочим, недалеко живет старая рысь, седая... Зверюга страшной свирепости! Колхозного племенного быка задрала, а в быке тонна мускулов! Поэтому вы потише тут!

Мы сразу перепугались, у меня даже в животе похолодело от испуга.

— Не шевелитесь... В прошлом году одного горожанина — по грибы пошел — только шляпа спасла, знаете, такая мексиканская,— зловеще шептал студент.— А у нас даже шляп нет! На нас набросится, все! Копай четыре ямы!

Мы тряслись. Студент оглядел наши бледные, перекошенные ужасом лица и хлопнул себя по лбу.

— Да, совсем забыл... Все же можно спастись. Эта рысина любит сладкое. Надо отнести ей под сгоревшее дерево вафли, конфеты, что там еще у вас!.. Тогда не тронет!

Мы готовы были отдать страшной рыси не то что конфеты, а по пальцу с левых ног. Но кто пойдет... Бр-р! Кто мог отважиться на смертельно рискованную прогулку? Студент с тяжелыми вздохами собрал наши сладкие припасы и попрощался с каждым за руку.

— Если не приду, значит, пропал!

Мы сидели и дрожали, а студента все не было и не было, действительно пропал.

Первым опомнился тогда наш юный еще философ Отшельник и высунулся из землянки. Через раскрытую дверь до нас донеслись беззаботные голоса птиц. Отшельник двинулся вперед, за ним и мы, смелые.

Студент сидел неподалеку среди разбросанных по траве конфетных бумажек.

— Мы откупились, рысь ушла! — закричал он. — Ур-ра!

Сначала неуверенно, потом все восторженнее мы заорали, наполняя лес гулом:

— Ра-а-а!

И пошли опять колобродить.

Много раз со смехом вспоминали мы эту историю. Сначала по-доброму, а потом стало противно. История, о которой думалось как об остроумной шутке, стала казаться очень дурацкой. Обыкновенная плутня, построенная на страхе малышей.

Мы втроем делали подсветку для Сережкиного аквариума. Некстати пришел Даянов. С порога спросил нас:

— Ребя, слышали про международную детскую игру?

— Ну!

Я никогда и не скрывал, что с трудом его терплю, этого Даянова.

— Вот аферисты-дураки-обормоты-обиралы!

— Чего ты?

— Смотрите!

Он бросил на стол письмо.

— Читай вслух, чего бросил!

Даянов схватил письмо и стал читать: «Дорогой незнакомый друг! Пошли по первому адресу, указанному здесь, одну чистую открытку. Перепиши письмо шесть раз и отправь по новым адресам, которых нет в письме, но которые ты знаешь. Адреса, указанные в письме, перепиши в таком виде: на место 1-го — второй, на место 2-го — третий и т. д. На место 6-го — свой адрес. Если ты напишешь позже, чем через четыре дня, то игра остановится, если — вовремя, то через 24 дня ты получишь двести пятьдесят открыток из разных мест. Просьба к родителям: прошу вас помочь вашему ребенку разобраться в игре, иначе она остановится, радость детей померкнет». Все. Тут и адреса есть. Сплошь девчоночьи.

— Вот и переписывайся с ними, — посоветовал я.

— Как видно, радость одного ребенка уже померкла, — сказал Отшельник. — Что, получил всего двести сорок шесть открыток?

— Ни одной! Вот обормоты!

— Дают! — восхитился Сережка.

— Обратись в общество защиты детей! — подсказал Отшельник.

— Или в суд на них подай! От нас-то что тебе нужно?

Даянов пожал плечами: так просто, зашел за сочувствием, пожаловаться на несознательность некоторых типчиков.

Отшельник на листочке быстро подсчитал: двести пятьдесят человек, послав по открытке кому-то, сами должны получить открытки от шестидесяти с лишним тысяч людей; тем надо ждать, когда их одарят пятнадцать миллионов человек, а этих — четыре миллиарда...

— А четыре миллиарда из каких «разных мест» получат открытки? — разъяснил Отшельник эту простую арифметику. — Ты просто даритель, ты один из четырех миллиардов, понимаешь? Но не все пропало, Алик, если в игру включатся жители ближайших звезд и пришлют, — он посчитал, — триллион открыток, то и тебе будет доля!..

— А ближним звездам пошлют дальние, — сказал Сережка.

— А тем — Млечный Путь, — сказал я. — А что, сближение миров! На Полярной звезде будет галактическая почта...

Конечно! Играйте в космическо-галактическую чудо-игру, способствующую налаживанию тесных контактов между туманностями!..

— Что вы туманите мне голову! — тоскливо сказал Даянов. — «Гала-актики-и»!

И ушел, дверью хлопнул.

Отшельник говорит: «Не та рыба умная, что прячется в глубинах, а та, что живет у поверхности и не ловится на крючок».

Я раз на вокзале видел мужчину, красивого, как букет. Лицо белое, глаза синие, волосы вьются красными кольцами, похожи на тонкую медную проволоку.

Он знал, что красивый, и часто смотрел в зеркальную витрину буфета. Потом я заметил, как писаный красавец высовывал дрожащий язык и облизывал пухлые губы. И я его пожалел.

У нас в школе одно время в ходу были всякие тесты и анкеты: «Ваше отношение к занятиям... труду... товарищам». На вопрос: «Прощаете ли вы недостаток ума своему товарищу?», все ответили — нет! Даже глупые ответили — нет!

Отшельник говорит: «Из двух спорящих прав умный, а из двух ссорящихся виноват умный».

Хочу рассказать, как за месяц Отшельник стал хорошим специалистом по змеям.

Областная газета постоянно печатала статьи одного кандидата сельскохозяйственных наук о злаках, парнокопытных и пресмыкающихся. Кандидат считал себя, видимо, большим специалистом по всему живому, что ходило, летало и ползало.

Отшельник не считал себя специалистом. Просто с пятого класса он читал труды о природе, получал кучу природоведческих журналов, переписывался с несколькими зоологами и юннатскими кружками при зоопарках. Его возмутила статья в газете, называющаяся «Немного о змеях».

Я плохо уловил, из-за чего разгорелся сыр-

бор. По-моему, все в статье кандидата было верно: укус гадюки опасен, кобры — смертелен, и вообще столько змей развелось — ни прохода, ни проезда честному человеку.

Отшельник написал в редакцию на имя кандидата очень вежливое письмо. «Верно, что королевская кобра — самая большая в мире ядовитая змея, — писал он. — В научной литературе описываются случаи, когда гибли даже слоны, укушенные этой коброй. Но неверно, что кобра — самая ядовитая. Самая ядовитая — тигровая змея. В ней столько яда, что хватит убить четыреста человек».

И дальше: «...эти змеи благородны. Кобры, гюрзы, эфы предупреждают: «Осторожно, человек, я здесь!» Ни одна из них так просто не нападает на человека. Описываемый Вами случай, когда гюрза будто бы полкилометра гналась за чабаном, Ваша выдумка или же фантазия чабана».

Отшельник послал письмо, не думая, что своими руками посеял ветер и придет пора пожинать бурю.

Подписался он просто: «Михаил Васильевич Сивец, рядовой читатель».

Наверное, как раз это и обмануло кандидата: шалишь, брат «рядовой читатель», подумал он. Я вижу, что в крайнем случае ты учитель на пенсии, а может, тоже кандидат замаскировавшийся.

Скоро Отшельнику пришел из редакции пакет. Кандидат написал тоже вежливо, но отповедь. Я, мол, знаю, о чем выступаю в газете. А вы, уважаемый товарищ, хоть и видна ваша компетентность, стоите на слабых позициях. И

Отшельник две недели сидел, зарывшись в книги, и настрочил ответ.

перечислил эти слабые позиции. А в конце письма загнул о каких-то особенностях ядов и выдал пулеметную очередь формулы, страшной своей непонятностью.

Отшельник две недели сидел, зарывшись в книги, и настрочил ответ. И указал на слабые позиции сельхозкандидата. А в конце письма была боевая шрапнель из цифр.

Тогда кандидат прикатил Отшельнику письмище, каждое второе слово которого было таким мудреным, что не выговоришь, а выговоришь — не поймешь. «Ссылаясь на недавние научные изыскания в этой области ряда ведущих ученых, я настоятельно обращаю Ваше внимание и хочу заметить, что активную фракцию, полученную с помощью гельфильтрации, без дополнительной обработки подвергли ионообменной хроматографии на КМ-целлюлозе...»

— Сдавайся, Отшельник! — сказал я. — Твоей мудрости на ответ не хватит.

Я потешался, наблюдая за битвой Отшельника. Да это просто упрямство, казалось мне, ерунда. Мне тогда и в голову не приходило, что вот так Отшельник быстрее нас набирается ума-разума.

Похудевший Отшельник нырнул в океан научных журналов. Я бы там сразу утонул. Незнающим может показаться, что в этих журналах тишь, благодать и сплошное сиреневое благополучие. На самом деле по страницам таких журналов ходят штормовые волны ученых споров.

Все же Отшельник, по-моему, просто собрал пену этих штормовых волн. Но и то, что он вынырнул живым и здоровым, хорошо. На восемнадцати страницах Отшельник привел мнения крупнейших герпентологов, авторитетно противоречащих мнению кандидата, а значит, поддерживающих мнение самого Отшельника. На шести страницах ссылался на переписку с видными зоологами. А на четырех последних говорил о личном скромном опыте общения со змеями в небольшом школьном террариуме.

В редакции газеты задумались: Михаил Васильевич Сивец... что за фигура М. В. Сивец? Ученый? Пенсионер? Отпугнул от газеты уважаемого кандидата наук, тот больше не приходит, не звонит.

Редактор вызвал корреспондента:

— Съезди к этому М. В. Сивцу! Приглядись. Если стоящий человек, уговори вести в газете уголок природы.

Корреспондент приехал, позвонил в квартиру Отшельника.

— Михаил Васильевич дома?

Мать испугалась: это Мишку-то солидный человек называет Михаилом Васильевичем!

— В школе... — и назвала номер школы.

Корреспонденту и тогда не пришло в голову, что М. В. — мальчишка, он подумал, что учитель. Так и сказал нашему директору: хотелось бы увидеть учителя М. В. Сивца. Директор, долго не раздумывая, привел его в наш класс.

— Миша, тобой интересуется товарищ из газеты!

Встал с последней парты похудевший за этот месяц Отшельник.

— Н-да!

Просить Отшельника заведовать уголком природы не стали.

— Я бы лучше деньги научился рисовать! — сказал в классе Арсентьев. — Видимая польза! А так спорить, дурак я что ли!

Мы с Сережкой, завидуя успеху Отшельника, сочинили статью «Испанцы на Аральском море». Использовали термины и звучные выражения из журналов «Наука и жизнь» и «Знание — сила». Как океанское гидрографическое судно «Юрий Сенкевич», выполняя в Аральском море спецзадание Академии наук СССР, брало пробы грунта морского дна. Вдруг помпа засосала дощечку с латинскими буквами «L», «A». (Ученые запрыгали на корабельной палубе.) В море были спущены мощные помпы, чтобы откачать воду вокруг корабля. Уровень воды постепенно понижался, и скоро исследователи, вне себя от изумления, обнаружили на морском дне остов древней испанской каравеллы. На борту ее отчетливо можно было прочесть «Санта Изабел...». Гипотеза, что некогда существовала обширная морская акватория, включавшая в себя нынешние Аральское и Черное моря, еще раз блестяще подтвердилась. В данное время на Аральское море выехала специальная морская экспедиция Академии наук...

В общем, наплели солидно.

Подписав опус кокетливой фамилией Мельников-Остролуцкий, мы тут же отправили его в газету.

Ответ пришел быстро. «Уважаемый тов. Мельников-Остролуцкий! Сообщите, пожалуйста, полностью Ваше имя, отчество, место работы, должность, если есть ученое звание — тоже. С уважением, зав. отделом науки В. Куравлев».

И ни полвопроса — откуда подмосковный Мельников-Остролуцкий знаком с исследованиями Аральского моря, как попало океанское судно в Арал, каким образом в море можно откачать воду вокруг корабля.

— Раз так, то пишем: «Леопольд Арнольдович Мельников-Остролуцкий, вице-президент Каракалпакского отделения Академии наук СССР», — предложил я.

Сочинили еще письмо: «Уважаемый тов. В. Куравлев! Вы хорошо знаете, что, когда произносится новое слово в науке, у него всегда оказывается больше противников, чем сторонников. Поэтому нас очень обрадовало Ваше внимание к этим изысканиям. В честь этого одной из мотофелюг, сходящих с нашей судоверфи в поселке Ушсае на берегу Аральского моря, будет присвоено Ваше имя: «В. Куравлев». (Сообщите полностью Ваше имя.) Будем рады видеть Вас в Ушсае при спуске мотофелюги на воду в июле месяце сего года. К сему Леопольд Арнольдович и прочее...»

Мы были в восторге от самих себя.

— Это почище змеиного спора Отшельника! — Мы жаждали немедленного признания. — Пошли к Отшельнику!

Но Отшельник, выслушав наш рассказ и прочитав письмо, хмуро сказал:

— Глупо это, ребята! Надо трубить отбой!

— Это почему?

— Ну чего вы добиваетесь?

Мы с Сережкой переглянулись и пожали плечами: действительно, чего? Отшельник сел за стол и написал письмо: «Мы извиняемся, тов. В. Куравлев, но никаких испанцев с «Санта Изабеллой» на Аральском море не было. Между фамилиями Мельников и Остролуцкий черточка, разделяющая двух семиклассников, не имеющих ни должностей ни звания. Наша учительница литературы часто приводит нам слова Козьмы Пруткова: «Смотри в корень!» А учитель географии еще чаще призывает: «Смотри на карту, а не на потолок!»

С уважением два семиклассника — Мельников и Остролуцкий».

В. Куравлев нам не ответил.

Сережка имел тайную страсть: любил строгать дерево. Его отец работал столяром-краснодеревщиком. Маленькая кладовочка за их домом навечно пропиталась запахом лака, сохнущей березы и крепкого табака. Еще в кладовочке стоял старинный шкаф, где отец хранил инструменты. По вечерам в стенках шкафа блуждали цветные огоньки от лампы — желтые, красные.

Сережка по воскресеньям закрывался в кладовочке и строгал, насвистывая, слушая, как шуршит, свиваясь в темные желтые кольца, тонкая стружка.

— Серый, а вот сапоги из дерева ты смог бы сделать? — спросил я.

Он удивился:

— Зачем?

— Ну вообще... Интересно же! Или ты из тех мастеров, что из березы липовые вещи делают?

— Из березы березовые делают, из липы липовые.

— Делай, делай, мне-то что!

— Да, тебе-то что! — хмуро сказал он. — Если бы ты сам что-нибудь делал...

Я вернулся домой и перебрал во дворе кучу досок, жердей и бревнышек. Я еще толком не знал, чего мне хочется. Было только смутное желание.

Я распилил одну доску, построгал немного, взялся за другую. Выбрал бревнышко, оно было сухое, звонкое, но скучное. И только я хотел бросить это дело — ищу, сам не знаю что, — наткнулся на одну дощечку...

Строгал я дощечку долго и осторожно. Дерево было твердое, рубанок снимал стружку такой тонкой, что она просвечивала. Все яснее виднелся рисунок на доске: словно плывет по речке лодочка, и остался за ней между желтыми берегами чистый след.

— Немного поторопился, — профессионально осмотрел мою дощечку Сережка. — В середине бы еще снять, глубина появилась бы, ясность. Для меня на первый раз и так было хорошо.

Я поставил дощечку в сервант. То ли речка течет, то ли лодка бежит, оставляя светлый след. Чем больше я смотрел, тем больше мне это нравилось, и все новые краски видел я в дереве.

Даже потом, когда я своими руками сделал такую сложную штуку, как резной шахматный столик, первая поделка так и осталась для меня чем-то дорогим. Она потемнела, уже никто не мог увидеть бегущей лодки, но я-то знал, что она есть.

Отшельник говорит: «Глуп тот, кому урок не впрок».

Когда папин брат еще жил в своих Ожерелках, мы с Ленкой почти каждое лето приезжали к нему погостить.

Ленка в своей восторженности однажды вздумала с букетом цветов встретить стадо овец. Впереди стада вышагивал баран-предводитель. Баран просто мотнул рогатой башкой, и Ленка оказалась в канаве. Может, баран смел ее с дороги, чтобы Ленка не попала под копыта плотной толпы за ним, а может, просто был отчаянный.

Но я тоже был отчаянный. Я догнал барана и изо всех сил пнул его в мягкое место. Ка-ак баран развернулся, подпрыгнул, да как ответил мне! Если бы это был козел, то проткнул бы меня насквозь, только этим я и утешился.

Баран оказался упорным и злым. Он дожидался, когда я поднимусь, и снова наподдавал мне. Из меня сыпались вопли и искры.

На наши крики прибежал пастух и стеганул барана кнутом. Баран озверел — что ему пастух! — он кинулся и на пастуха. Пастух — высокий дядька — раздвинул ноги, и баран с разбега втиснулся в эти узкие ворота. Пастух накрепко зажал барана и дал ему прикурить от своего жгучего кнута.

Потом пастух сказал мне:

— Ты, малый, с ним не бодайся! Он тебя все одно переборает! Ты побереги голову для другого дела!..

Глава четвертая, о справедливости

Когда Ленка была маленькая, она знала один праздник — свой день рождения. А потом ей открылось, что есть на свете праздники для всех — для девочек и мальчиков, для мам и пап.

Утром Восьмого марта мама решила, что дома на праздничном столе не хватает торта, и ушла в магазин. Я выжигал на красивой полочке длинный призыв: «Чтобы каждый день был 8-м Марта!» Ленка думала и вздыхала: мама подарила ей синюю фарфоровую чашку, а что подарить маме?

И вот она взяла ножницы, достала лучшее мамино платье и выстригла из него шесть пре-

красных маков. Наклеив шелковые маки на белые листы, она, сияя глазами, преподнесла свой подарок маме. Мама в первую минуту дрогнула.

— Лена-а...

— Вот как я тебя люблю. — Ленка крепко обняла ее.

Мама поцеловала Ленку в сияющие глазки и спрятала блестящие обрезки в корзину.

Я тогда подумал, что мама сделала просто героическое усилие, чтобы не наказать ее. И только потом понял — Ленкина вина всего-навсего в том, что она недоросль. Кто же за это наказывает!

Так я для себя открывал то, что маме было понятно давным-давно.

Комар подкрался, напился человеческой крови. Летит комарище спать, пьяно звенит — «з-з-знатн-н-но!» Удалой воробей его — оп! — проглотил и перышки чистит. Кошка, зеленые глаза, воробья — хвать! — и умывается, гостей зовет. Мальчишка, стрелок, из рогатки кошке — дзынь! А человек мальчишке по затылку — бац! — и укушенный комаром нос почесывает.

В этой цепи вроде бы все справедливо — каждому по заслугам — и в то же время нет никакой справедливости.

Отшельник говорит: «Почти всегда виноват язык, а расплачивается лоб».

По зимнему лесу, по глубоким снегам носится рыжая лиса за белым зайцем. В заячьей головушке мечутся, наверное, такие мысли: «Я молодой, ничего не видел еще, а отца с матерью уже нет, пожаловаться некому, и не пожил я как следует на белом свете! Неужели рыжая, проклятая, меня догонит!!! О ноги, выручайте!»

А лиса, может, думает: «Я уж старая, мне наплевать, я свой век отжила, но в норе лежат трое моих малышей, трое голодных лисят, которые умрут, если сегодня не будет еды! Неужели я не догоню этого проклятого, глупого, сытого зайца!!! О ноги, выручайте!»

И так мчатся, каждый молится своим ногам и своей справедливости.

Однажды дома я увидел, как мышь, спасаясь от кошки, с размаху влетела в капкан и пискнула в смертельном ужасе, а кошка недовольно сморщилась и пошла прочь.

Однажды на улице плакала девчоночка и все повторяла: «Ой, как маленькую собачку укусила большая» — и пыталась поднять палку, а мама сердито ругала ее и дергала за руку.

Однажды отряды специально увели в поход, и все деревья в пионерском лагере обсыпали ядовитым порошком от гусениц. Вернувшись, мы нашли в лагере двести мертвых птенцов. Мы похоронили их и объявили трехдневный траур. И возненавидели тех, кто так неумно, жестоко погубил птенцов. Они ночью тайком укатили из лагеря.

Что — у каждого существует своя справедливость? Или у каждого свой аршин, которым он отмеряет справедливость под свой рост?

«Карл у Клары украл кораллы». Ну и дает Карл. Но и Клара не промахнулась, ответила вору тем же: «Клара у Карла украла кларнет». «А что, — скажет Клара, — он у меня ворует, а я?! Рыжая я, что ли?!»

Ей кажется, что отомстить Карлу — очень справедливо.

Что за штука такая — высшая справедливость, которой можно судить все на свете?

Отшельник говорит: «Больше всего о смелости любят говорить трусы, о верности — предатели, а о правде — болтуны».

У нас, еще в шестом случилась кошмарная история. Арсентьев дежурил по классу и нашел на полу затрепанный рыжий блокнот. Арсентьев лениво раскрыл его, чтобы узнать чей, и на первой странице прочитал: «В. Арсентьев. Толстокожий и толстолобый. Мечтает стать капитаном, а самое большее, станет боцманом. Вечная привычка в ухе ковыряться. Глазки у него маленькие и знания маленькие, зато большое горло и большие кулаки. С блеском овладел классической угрозой дураков: «Че-е сказал?» Один из людей в классе, которые мне не... (зачеркнуто)».

Арсентьев едва не задохнулся: «Та-ак, кто же это писал?»

Он судорожно перелистал блокнот, хотел добраться до владельца. И увидел, что в блокноте характеристики на весь класс. Так выглядел я: «А. Остролуцкий. Человек сложный. У него большие уши. Странно. Человек с маленькими ушами злой и хитрый, а с большими — добрый или растяпа. Он иногда такой, иногда другой. Часто у него бывают невозможные запросы, часто он хвастун, часто делает вид, что умнее всех. Ему очень помогают его друзья — Сивец и Мельников. Они для него, как зеркало в прожекторе. Дружить с ним, наверное, трудно, хотя почему-то дружат с ним лучшие ребята в классе. Тип интересный, надо присмотреться...»

Про Отшельника было сказано мало и человечно: «М. Сивец. Самый спокойный в классе, неразговорчивый. Много молчит, а если скажет — мысль. Жаль, что редко. Прозвище Отшельник точное, он сам, наверное, его выдумал».

Характеристики в большинстве были убийственно точны, и все же и все же... был в них какой-то сдвиг... больше резкости и злости, чем нужно.

— Даян! — позвал Арсентьев дружка. — Ты про себя все знаешь? На, прочитай эту характеристику!..

«А. Даянов. Глупый и угодливый. Носит портфель своего «хозяина» — Арсентьева. Он собачка только с Арсентьевым, а с девчонками собака. Такие, как Даянов, пишут на заборах и подкладывают кнопки на стулья. Если бы на-

Махалина посмотрела на класс и встретила вражду и насмешку во взглядах ребят.

шелся в классе сильнее и грубее Арсентьева, перебежал бы к новому «хозяину». Невозможно противное лицо».

— Витек!.. Кто это?..

— Тихо, — предупредил Арсентьев оскалившегося Даянова. — Это Ирка Махалина!

— Я ей, писательнице...

— Сказал, тихо! Нам ее нельзя бить, как-то по-другому бы...

— Дать каждому прочитать про себя, — злобно предложил Даянов.

— Не каждому, а... выбрать надо, кому дать!

Всю перемену они перебирали кандидатуры кому показать. Отшельника, Сережку и меня — исключили.

Каждый веселился, рассматривая собрание портретов, пока не находил себя. До этой страницы все было хорошо, все было верно — «точно ведь подмечено», — но тут: что-о, разве это я? Как она посмела, Махалка неумытая!

Класс загудел, в воздухе носилось что-то

зловещее. Группы, разговоры, многозначительное молчание, когда подходит «не тот».

И, в конце концов, даже те, кто не держал блокнота в руках, но знал о его существовании, поверили, что все в блокноте выглядит уродливо. К шестому уроку класс раскалился.

И вот наступил час мщения. Нас оставили на классный час. Даянов еще в учительской посвятил Нину Михайловну, классную руководительницу, во все подробности.

— Ира Махалина! Может, ты объяснишь нам записи в этом блокноте? Откуда у тебя такая злость на своих одноклассников, что это за дикие характеристики?

Махалина сидела бледная.

— Я с тобой разговариваю! Встань!

В классе жутко тихо.

— Ну! — Голос классной руководительницы все резче.

— Заткнулась... — просвистел Даянов.

Вдруг Махалина сорвалась с места, подбежала к двери и рванула ее на себя.

— Наташа и ты, Галя, верните ее! Быстро, — приказала Нина Михайловна.

Вернули.

— Прочти нам все, что здесь написано, Махалина! — Классная руководительница положила блокнот перед ней. — Прочти вслух и по каждой характеристике попробуй разъяснить, чем ты руководствовалась, когда писала такие нелепости и измышления!

— Не буду! — сказала Махалина тихо.

— В школе ты должна придерживаться общих норм поведения! Дома или на улице можешь с каблуков сбиваться, а в школе...

— Не буду!

— Писать духу хватило, а читать нет?

В эту минуту лишь несколько человек смотрели на Махалину по-человечески. Остальные были ожесточены: не дожидайся поддержки, Махалина!

— Нина Михайловна, можно, я буду читать! — вскакивая, предложил себя Даянов.

— Сядь, Даян, а то голос потеряешь! — негромко предупредил я.

— Читай, Ира! — сказал Отшельник. — Читай, не бойся!

Махалина посмотрела на класс и встретила вражду и насмешку в большинстве взглядов, потом аккуратно сунула блокнот в портфель и пошла к двери.

— Вернись! — крикнула классная руководительница. — Или совсем не приходи в школу!

— Нина Михайловна, — сказал Отшельник, — почему вы с ней так разговариваете, за что? За то, что написала в блокноте правду?!

— Пра-авду? Ты уверен, Сивец?

— Да, правду!

Класс загудел.

— Отшельник, чего ты выступаешь, ты же не знаешь, что написано!

— Я знаю человека, — сказал Отшельник. — Знаю, что Ира Махалина никогда не лжет. Кто-нибудь вспомнит хоть один случай, когда Махалина соврала?

— Разбирайтесь сами, раз все правда! — Нина Михайловна махнула рукой.

Мы с Отшельником шли домой молча. На отлогом берегу Клязьмы среди сырых кустов шевелился унылый ветер. Хлюпало под ногами. Прощальными яркими лоскутами рвались с веток листья. Доносилось сипенье и простуженное чиханье моторки.

— Ребята-а! — Догнал нас Сережка. — Вы заторопились, а там почти все девчонки пошли на пустырь!

Отшельник круто остановился.

— Зачем?

— Решить, что с Махалиной делать.

— Брось, Отшельник! — сказал я. — Что они могут решить? Ну, объявят бойкот, ну и что! Ты можешь не соблюдать!

— Там решается, быть ей человеком или не быть! — крикнул на меня грубо Отшельник. — Можешь идти домой, удар в челюсть отрабатывать! Пригодится себя защищать!

— Ну и иди к ним, оракул, чтобы и тебе досталось от девчонок!

— Артем, там Арсентьев и Даянов и еще некоторые ребята, — сказал Сережка. — А Отшельник один...

Я рванулся за Отшельником.

Девчонки стояли тесным кругом — разъяренные, голосящие. Я не поверил глазам — это наши девчонки, прекрасная половина, краса и гордость?!

— Нет, почему она про меня так написала! Я ей что-нибудь плохое сделала, лично я?

— Давайте мы ее тоже распишем!

Потом кто-то крикнул:

— Пусть прощения просит!

— У всех!

— Правильно!

— А как ее заставить, вот вопрос!

— А чего! Поймать, листьев за шиворот напихать и дать тумаков! — предложил Арсентьев.

— Поставить на колени перед всеми! — Это Даянов. — Согнуть, если не захочет!

И раздался голос:

— Охотники?.. Что, дичь нашли? Травить будете?

После секундной тишины кто-то произнес:

— Смотри, Лермонтов какой!

— Уйди, Отшельник!

Даянов весь день ходил, оскалившись. Увидев его, я верно угадал, что сейчас он способен на укус шакала. Подкравшись сзади, он ударил Отшельника ногой в спину и отскочил, изогнувшись. Я отбросил портфель и длинным точным ударом, отчего клацнули его острые зубы, отправил Даянова головой в кусты. На меня с криком: «За что его?» — наскочил Арсентьев, но Сережка — когда только успел подобрать? — вытянул его толстым прутом, и Арсентьев отлетел так же быстро.

Толпа развалилась, как спелый арбуз от прикосновения ножа.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Владимир СТЕПАНОВ

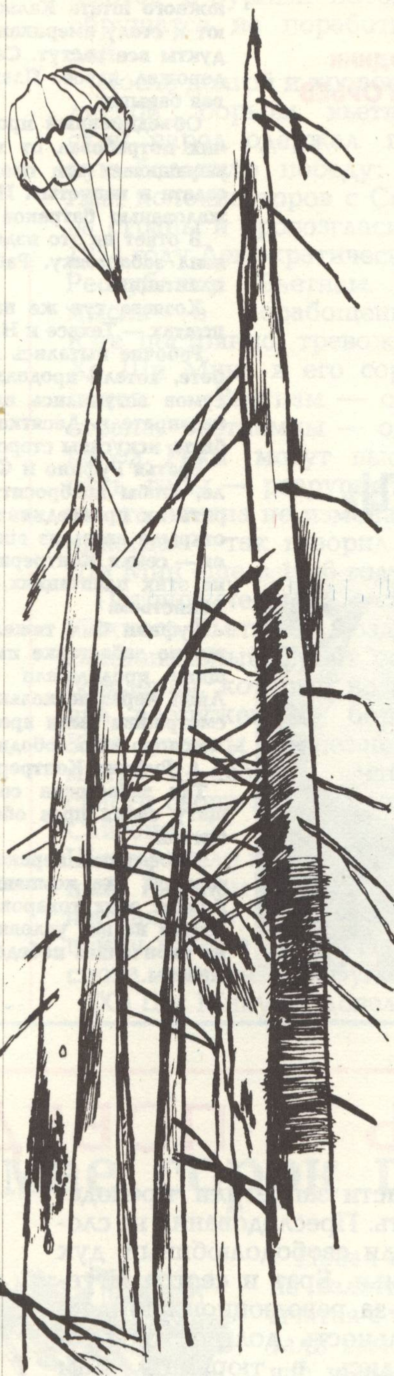
Пора...

Пора...
Как далеко земля.
На ней —
река — ручей,
дорога — нить.
В домах —
лишь гномам только жить.

Пора...
Как трудно сделать шаг
туда,
где не бывал ты
никогда.
Где облака,
как дым костров,
как эхо голубых лесов.
И в них
ты окунешься
через миг.

Пора...
Как ранний воздух чист.
Ты помнишь дом?
Вот так же вниз,
как по ступенькам,
ты сбеги.
Потонут в облаках шаги.
Перевернется
шар земной,
и белый парус
над тобой
распустится
под ветра свист.

Пора...
Пора,
пара-
шю-
тист.

Рисунок

Не по волне,
а по стене
он в плаванье уйдет.
И в деревянной синеве
растает пароход.

Но сквозь дожди
и снегопад,
под солнцем
и в туман
он будет плыть,
он будет жить
и будет он
в трубу трубить
при виде дальних стран.
Я знаю:
возвратится он
и бросит якоря.
И сразу
за моим окном
заплещутся моря.

Сбегу во двор,
как на причал,
по лестнице крутой.
Я ждал его,
его встречал,
и он —
пришел домой.

Теперь мы будем —
вместе с ним
и в радость и в беду.
И я с товарищем таким
нигде не пропаду.

Не на волне,
а на стене
у дома
под окном
он не спеша
расскажет мне
о плаванье своем.

О том,
как трудно одному
среди чужих морей.
Как он прийти
хотел скорей,
увидеть дом свой
и друзей...
И я его пойму.

От самой мачты
и до дна
я осмотрю его.
Спрошу:
— Починка не нужна?
Не нужно ли чего?

Он нарисован на стене,
мой верный пароход.
Но он всегда
поможет мне,
возьмет
меня на борт.

И сквозь дожди
и снегопад,
под солнцем
и в туман
мы будем плыть,
мы будем жить
и будем
радостно трубить
при виде дальних стран!

Ведет журналист-международник Павел ГРИГОРЬЕВ

ВОЙНА С «КОРОЛЯМИ КАПУСТЫ»

Благодать американским плантаторам под солнцем южного штата Калифорния! Даже зимой они поставляют к столу американцев свежие овощи. А цены на продукты все растут. Салат, например, в прошлом году подорожал вдвое. Плантаторы потирали руки, подсчитывая барыши.

Объединенный профсоюз сельскохозяйственных рабочих потребовал от хозяев повысить зарплату тем, кто выращивает эти овощи. «О'кэй!» — ответили «короли салата и капусты». И предложили прибавить к скудному жалованью батраков несколько жалких грошей.

В ответ на это издевательское решение профсоюз объявил забастовку. Работа прекратилась на одиннадцати плантациях.

Хозяева тут же наняли штрейкбрехеров в соседних штатах — Техасе и Нью-Мексико.

Рабочие пытались не допустить штрейкбрехеров к работе, хотели продолжать забастовку. Но тут за толстосумов вступились власти — шериф, его помощники и надзиратели. Десятки рабочих были ранены, зверски избиты, искусаны сторожевыми собаками.

Братья Руфино и Фортунато Контрерас пришли на поле, чтобы подбросить листовки штрейкбрехерам, уговорить их присоединиться к стачке. Вдруг надсмотрщики открыли огонь из винтовок. Они прекрасно знали братьев — семья Контрерас вот уже двадцать лет гнет спину на этих плантациях,— но это не остановило их перед убийством.

Руфино был тяжело ранен, истекал кровью. Товарищи по забастовке пытались помочь ему, но надсмотрщики продолжали стрельбу, никого не подпускали. Лишь через несколько часов прибыла полиция. Три надсмотрщика были арестованы по обвинению в убийстве, но скоро их освободили под залог.

А Руфино Контрерас умер по дороге в больницу.

Так забастовка сельскохозяйственных рабочих в защиту своих прав обернулась кровопролитной классовой битвой.

Профсоюзы перенесли борьбу в магазины ближайших городов, где компании продавали овощи, организовали бойкот этих товаров. Хозяева были вынуждены согласиться на все условия, выдвинутые рабочими. Забастовка окончилась победой батраков, их жертвы были не напрасны.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

Скоро социалистический Вьетнам, все прогрессивные люди на Земле отметят девяностолетие со дня рождения Хо Ши Мина — пламенного революционера, первого президента свободного Вьетнама.

Хо Ши Мин — под этим именем он известен как революционер — родился 19 мая 1890 года в семье сельского учителя. Как раз в это время его отец успешно сдал экзамен на соискание ученой степени. Наверное, поэтому родители решили назвать ребенка Нгуен Тат Тхань (в переводе Нгуен — триумфатор). Но вскоре отцу Нгуена за неповиновение колониальным порядкам французские власти запретили преподавать. Преследования не сломили свободолюбивый дух семьи. Брат и сестра Нгуена за революционную деятельность долгие годы томились в тюрьмах. Сам Нгуен вступил на путь борьбы пятнадцатилетним пареньком.

Подростку очень хотелось увидеть мир собственными глазами, узнать, как живут и борются простые люди. Нгуен нанялся матросом на французский пароход, и для него начались годы странствий. Он был в Америке, Португалии, Испании, Алжире и Франции, подолгу жил в Лондоне и Париже. Именно здесь, в этом городе коммунаров, он мужал как революционер и писатель. Нгуен участвовал в создании Компартии Франции, писал книгу «Суд над французским колониализмом», читал Маркса, встречался с видными революционерами.

Хо Ши Мин восторженно приветствовал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. В декретах Советской власти, в ленинских речах он увидел настоящий путь к освобождению народов от колониализма, к освобождению своей страны.

В один из июльских дней 1923 года он сошел по трапу советского парохода «Карл Либкнехт» на причал петроградского порта.

— С какой целью вы приехали в Россию? — спросил Нгуена пограничник.

— Прежде всего я хотел бы увидеть Ленина...

Но увидеться с Лениным ему не удалось. Через несколько месяцев Нгуен с горечью узнал о смерти вождя революции.

Второй раз Нгуен приехал в Москву в 1934 году и прожил здесь четыре года. Учился в Международной ленинской школе и преподавал в Научно-исследовательском институте национальных и колониальных проблем.

В 1941 году Нгуен снова на родине. Из горной провинции Каобанг по всему Вьетнаму расходились его призывы к восстанию против колонизаторов. Призывы, подписанные именем Хо Ши Мин — «Умудренный». В те дни его домом была пещера Пакбо, рабочим столом — каменная глыба. Недалеко от пещеры протекал ручей. Глядя в его стремительные воды, Хо Ши Мин мечтал о том времени, когда все революционные силы Вьетнама сольются в бурный поток и обрушатся на поработителей...

После долгой и кровопролитной борьбы вьетнамский народ одержал первую большую победу: изгнал колонизаторов с Севера страны и провозгласил в 1954 году Демократическую Республику Вьетнам. Но мысль о порабощенном Юге постоянно тревожила Хо Ши Мина и его соратников. «Вьетнам — одна страна, вьетнамцы — один народ. Реки могут высохнуть, горы — разрушиться, но эта истина не изменится никогда» — так говорил Хо Ши Мин еще в 1946 году.

Патриотические силы Южного Вьетнама создали Национальный фронт освобождения, который возглавил вооруженную борьбу Юга страны за независимость и свободу. Чтобы спасти своих марионеток в Сайгоне, Соединенные Штаты ввели войска в Южный Вьетнам и развязали необъявленную воздушную войну против ДРВ. Народ снова взялся за оружие...

Хо Ши Мину не довелось

увидеть всю страну свободной от агрессоров и их марионеток. Но к этой победе он шел всю жизнь и верил в нее до конца своих дней. Вот почему трудящиеся Вьетнама решили переименовать столицу освобожденного Юга — Сайгон в город Хо Ши Мин. Теперь на его бульварах не встретишь американских морских пехотинцев и разряженных богатеев. Зато часто встречаются девочки и мальчики в красных галстуках — это пионеры-хошиминовцы. Живым памятником выдающемуся революционеру стала единая Социалистическая Республика Вьетнам.

В мае сорок пятого

Новая автострада Берлин — Росток похожа на взлетную полосу аэродрома — машины мчатся с такой скоростью, с какой раньше летали самолеты. Все время кажется, что сейчас наша «Волга» оторвется от шоссе, и за кромкой леса мы увидим осколки голубых озер, деревни с островерхими крышами, поля, на которых деловито снуют советские «Кировцы». Мы едем в Росток, старинный город на берегу Балтийского моря, и наш гид Ингрид Биезальски рассказывает нам об истории города.

— Много событий пережил город, — заканчивает она свой рассказ, — но самое главное случилось в ноль часов первого мая 1945 года: город освободили советские солдаты. Первый танк капитана Дмитровского стал теперь памятником, а самого капитана жители избрали почетным гражданином Ростока.

— А где он сейчас живет?

— В Москве. Но почти каждый год приез-

жает в Росток, где его помнят как освободителя...

Ингрид неожиданно замолчала.

— Вы что-нибудь вспомнили, Ингрид?

— Да, я вспомнила май сорок пятого года и как освобождали наш маленький город. Воспитанные фашистской пропагандой, мы настороженно встретили советские войска. Нас запугивали, говорили, что русские увезут всех в Сибирь, будут мстить. А в действительности все вышло иначе. Советские воины первыми начали расчистку улиц. Они давали нам хлеб, борщ и кашу из солдатских котелков... В нашем доме поселился офицер, а у него был адъютант дядя Миша.

Однажды офицер узнал, что я давно не видела молока, и приказал дяде Мише поймать корову — их, бездомных, много бродило тогда по окрестностям. Никогда не забуду, как дядя Миша подоил корову и протянул мне котелок парного молока. Этот человек умел делать все: рубить дрова, чинить обувь, играть на баяне. Из веток он мастерил свистульки и раздавал их детям.

Когда он появлялся на крыльце, мы бежали ему навстречу, и он гладил наши волосы шершавой ладонью.

— Вы очень любите детей,— заметила както раз моя мама.

— До войны я был учителем...

— А свои дети есть?

— Были. Двое. Но их заморили голодом фашисты...

— Где же дядя Миша сейчас?

— Не знаю. Мне было тогда только семь лет, и я не запомнила его фамилии. Вскоре дядя Миша уехал в Дрезден. Я проплакала целый день.

В 1949 году, когда была создана пионерская организация ГДР, я стала одной из первых пионеров-тельмановцев и получила пионерский билет № 079.

Позже я стала членом Социалистической единой партии Германии. Сейчас работаю на радио ГДР. Я несколько раз бывала во время отпуска в Советском Союзе и всех знакомых советских людей спрашивала — не знают ли они дядю Мишу, солдата и учителя, у которого было две медали. Он освобождал маленький городок севернее Берлина — Мюккенберг (сейчас город называется Лаухаммер-Вест).

Помнит ли он маленькую Ингрид?

В. КРЮЧКОВ

О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЭТИ ЦИФРЫ

ДЕТИ В ПРЕИСПОДНЕЙ

Лифт стремительно опускается в шахту и останавливается на глубине 280 метров. Узкие штольни, вырытые в породе, не укреплены стойками. Нет никакой вентиляции. Шахты освещаются свечками. Распрямиться во весь рост нельзя: давит низкий потолок.

Кто же работает в этой преисподней? Двенадцатилетние дети! Их рабочий день длится с 6 часов утра до 2 часов пополудни. Они киркой отбивают уголь, наполняют им мешки и тащат к выходу из штольни. За каждый мешок хозяева платят им 7 песо, обычная норма — 30 мешков в день. Тот же мешок хозяева шахты продают за 180 песо...

Время действия — наши дни. Место действия — Колумбия.

Бельгийский журнал «Пуркуа па?», рассказавший об этом, утверждает: в мире сейчас 200 МИЛЛИОНОВ ДЕТЕЙ, обреченных на подневольный, каторжный труд.

Кто виноват в таком зловещем явлении современности?

Правительства капиталистических стран, которые смотрят на это сквозь пальцы.

Эксплуататоры, которым очень выгоден детский труд: ребенку можно платить гораздо меньше, чем взрослому.

И безразличие всего буржуазного общества.

Международное бюро труда (МБТ) еще в 1973 году предложило не допускать к работе малолетних детей. Но даже такую робкую программу поддержали лишь двадцать стран из ста сорока. Эти двадцать стран решили, что ребенок может начать работать с четырнадцати лет.

Прогрессивные международные организации продолжают борьбу за искоренение детского рабства. Но число маленьких рабов пока не убывает. Уж очень нелегко эксплуататорам отказаться от огромных барышей...

Советские законы о труде запрещают принимать на работу подростков моложе ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ. Юношам и девушкам, не достигшим восемнадцати лет, запрещено работать на производстве с вредными или опасными условиями труда или на подземных работах.

Такие законы действуют и в других социалистических странах.

ОТВЕЧАЕМ НА ВАШИ ПИСЬМА

«Если все люди решат разоружиться и уничтожить все ядерное оружие, то как от него избавиться, не причиняя вреда людям и природе?»

Саша ЛИНКОВ, г. Тула.

Саша! Ты задал нам интересный и сложный вопрос. Что делать с накопленными радиоактивными веществами? Ответ на него ищут ученые многих стран мира. До конца он до сих пор не решен.

Тем не менее кое-что уже можно сказать. Ясно, что сама «взрывчатка», то есть уран, плутоний и другие сильно радиоактивные вещества, способные к цепной реакции, будут при заключении всеобщего мира использованы как топливо в атомных реакторах на атомных электростанциях.

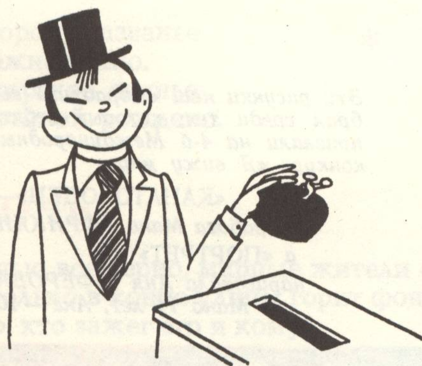
Сложнее обстоит дело с веществами, которые приобрели вторичную радиоактивность (вещество оболочки снарядов, химические взрыватели). К счастью, у большинства из них радиоактивность слабеет очень быстро. Достаточно некоторое время подержать их глубоко под землей, и эти вещества можно будет снова использовать в народном хозяйстве.

В то же время даже начальная их радиоактивность настолько мала, что заражение почвы не произойдет.

Наконец, остаются вещества, радиоактивность которых спадает медленно. Высказывалось мнение о возможности удаления их на Луну или астероиды — словом, в места, которые человек в ближайшее время не собирается обживать. Есть и такое предложение: загрузить этими веществами необходимое число ракет и отправить их в сторону Солнца. Наше светило от этого небольшого «впрыскивания» не пострадает (оно его даже не заметит), а вопрос с радиоактивными веществами будет окончательно решен. Наиболее близким к осуществлению на сегодня является решение на долгие годы упрятать эти вещества глубоко под землю (попытки топить их в глубинах океана ни к чему не привели — глубинные течения выносят радиоактивные вещества на поверхность) и таким образом навечно изолировать их от биосферы.

Как видишь, человечество сумеет без опасности для себя уничтожить запасы ядерного оружия. Важно, чтобы об этом была договоренность. Наш народ давно добивается этого, мы верим в победу разума.

А. ЮРЧЕНКО.

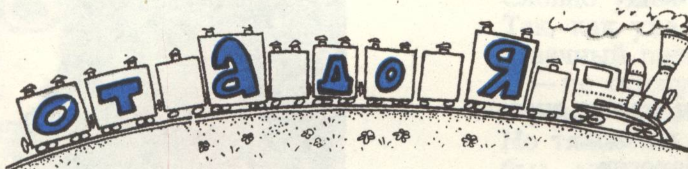

Почем избиратель?

Во время парламентских выборов в капиталистических странах большие деньги тратятся на рекламу. Кандидат ездит по стране, выступает с речами по радио и телевидению перед избирателями, доказывает им, почему лучше именно он, а не его конкурент. А это нелегко: как правило, политические взгляды кандидатов от буржуазных партий мало отличаются друг от друга.

Одному из членов японского парламента, Т. Уно, показалось трудным участвовать во всей этой комедии. И он решил просто купить голоса избирателей, благо деньги у него были. 250 миллионов иен (1 041 667 долларов) он «подарил» избирателям: делал денежные вклады в мелкие частные предприятия, присылал подарки — от автомобиля до предметов туалета — прямо на дом. И двадцать тысяч благодарных граждан отдали ему свои голоса.

«За деньги чего не купишь!» — утверждает парламентарий.

Штрейкбрехер — так называют человека, которого капиталисты нанимают на место бастующего рабочего, чтобы продолжать работу.

Штрейкбрехеров стараются найти среди безработных и бедняков; хозяева сулят им золотые горы, лишь бы сорвать забастовку.

Штрейкбрехерами называют и тех рабочих, которые не поддерживают забастовку. Запуганные хозяевами, боясь увольнения, доведенные до отчаяния нуждой, они идут на предательство своих товарищей.

Забастовщики устраивают пикеты у ворот предприятий, чтобы не допустить штрейкбрехеров к работе, агитируют их. И часто штрейкбрехеры присоединяются к бастующим.

«Кораблик» получил два стихотворения из Восточного Казахстана, из литературного объединения «Родник».
Одно написал Геннадий ДЖАЛАЛОВ, семиклассник из деревни Поперечной.

НА УБЕ

Дома Поперечной спустились к Убе.
Такого приволья не сыщешь нигде.
Поодаль от речки стоит тишина.
Над речкою в тучах гуляет луна.
Дрозды напевают о сельской судьбе:
Счастливые люди живут на Убе.

Когда-то здесь горы и море лесов
В нужде беспросветной держали отцов.
Здесь землю сохою наш дед ковырял
И в горсти колосья серпом собирал.

И вечно бы этому нищенству быть,
Но эхо «Авроры» дошло до Убы.
Запели леса нам с утра до утра.
Встречают рассвет на селе трактора.
Здесь горы дробят, извлекая металл.
Здесь много и зверя и птиц среди скал.

Цветут, созревают в долине Убы
Калина, малина, черника, грибы.

*

Второе стихотворение сочинил Роман ИЛЬИНЫХ, ученик шестого класса лениногорской школы № 10.

ПАВОДОК

Уж с горных круч, из-под снегов,
Трубят холодные потоки.
Уж струи выше берегов.
И ель уж пьет земные соки.

Но вот волны могучий взмах
Рванул ее во всем наряде,
И закачалась на волнах,
Как песня звонкая в отряде.

Трелюют лес, везут к реке,
И плотогон — смельчак бесспорный.
Готова гавань вдалеке
Принять в свой табор лес отборный.

Плот миновал скалу и мель —
Знать, плотогоны все лихие.
Лишь жаль, конечно, эту ель,
Что стала жертвою стихии.

Лена СЕНЯВСКАЯ — москвичка, учится в спецшколе № 47, в шестом классе. «Больше всего мне нравится писать про Великую Отечественную войну», — говорит в своем письме Лена. Вот одно из ее стихотворений о войне.

СОЛОВЬИ

На позициях тихо,
Шли недавно бои.
А в лесу за рекою
Нам поют соловьи.

Не слышны автоматы —
Звук недавних боев,
А звенит как когда-то
Трель лесных соловьев.

На зеленой опушке
Слышен ропот ручья,
А стояли здесь пушки,
У гнезда соловья...

*

Эти рисунки наш «Кораблик» выбрал среди тех, которые ребята прислали на 4-й Международный конкурс «Я вижу мир».

«КАНАТОХОДЕЦ» — работа Мано АФРИКЯН, а «ПОРТРЕТ» нарисовала Аня ЮФЕРОВА. *Мано 14 лет, Ане — 10.*

Ане ДЕМЬЯНЕНКО 9 лет, живет она в городе Усть-Илимске.

УСТЬ-ИЛИМСК

Сибирские леса,
В осинах, соснах, елях,
Какую красоту
Вы вырастить сумели!

Сибирские ручьи
Прорезались сквозь рощи,
Травою заросли,
Крапивы злющей мощью.

Как всадник из ветвей,
Передо мной — осина...
Вот ношу муравей
Взвалил себе на спину...

Не знает он, бедняга,
Что рядом город строят.
Такие же трудяги —
Машины землю роют.

И городу названье
Таежное дано.
Ангарское сиянье
Плотиной рождено.

НОЧЬ

Ночью все черно, мирные жители спят.
И только в конце улицы горит фонарь.
Кто, кто зажег его и кому?
Может, луне, чтобы она видела,
Что нуждаются в ее свете?
Может, путнику, который заблудился в домах?
Этого никто не знает.
Все спокойно и тихо.
Одиноко светит фитилек фонаря.
Ночь темна, как уголь.

*

Эти стихи написала Светлана ЖЕНЖЕРУХА, семиклассница. Живет Светлана в Карагандинской области, в совхозе «Заря».

* * *

Шишки с кедра улетели —
Дятел их унес.
Уронил одну у ели,
Дальше не донес.
Шишку Вова подобрал.
Побродив чуть-чуть,
Брату Коле он отдал:
«Сделай что-нибудь!»
Получился старичок,
Старичок с бородкой —
Маленький лесовичок
Управляет лодкой.

Зое ЛЯШКОВСКОЙ 13 лет. Она из Омской области, из села Увало-Ядрино. Учится Зоя в восьмом классе.

ДОЖДИК

Летний дождик по земле пробежал.
Словно заново выкрасил деревню и лес.
Небу синему яркую радугу дал,
Влагу свежую дал земле.

Капельку чистую подарил
Каждому листику на березе.
Все вокруг обновил и умыл.
Вот какой молодец летний дождик!

*

Галина ГАЛИМОВА живет в Ташкенте. Стихи пишет давно.

* * *

Был у меня товарищ.
Словно ушел куда.
Так, как уходит, знаешь,
в вечный песок вода.
И — не скажу плохого —
верный товарищ был.
Но тяжелеет слово —
был, да друзей забыл.
Словно с больших пожарищ
ветром несет опять.
Был у меня товарищ,
что мне еще сказать?
Вдруг повернулся круто
и не махнул рукой.
Был он — и вот как будто
здесь и не жил такой.
Сразу, как это сразу!
Был он, и нет его.
Не написал ни разу
и не сказал ничего.
Снега зимой надаришь.
Миг — и уже ни следа.
Был у меня товарищ.
Словно ушел куда.

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Сегодня в пионерском дискуссионном клубе «За и против» — беседа о кино.

Что значит встреча с настоящим искусством?

Какие кинокартины вам нравятся, а какие не очень?

Любите ли вы, когда в фильме с самого начала ясно, кто положительный герой, а кто — отрицательный?

Всегда ли можно верить своему первому впечатлению?

Легко ли — не в кино, а в жизни — определить, какой человек перед вами, хороший или плохой?

Можно ли судить о людях по их поступкам, если не знаешь, что побудило их так поступить?

Обо всем этом предлагаем вам подумать, а может быть, и поспорить...

М. БРЕМЕНЕР

«Кино! Ну, комедия...»

Бывает, в кино я внимательно смотрю на экран и не все понимаю. Вот это происходит на самом деле? Или в мечтах героя? Или, может быть, снится ему?.. А, может, не снится, а вспоминается?

Задать вопрос соседу не всегда успеваешь, и не всегда рядом есть кто-то, кого можно шепотом спросить.

В картине «Шла собака по роялю» я тоже с первого раза не все понял. Решил посмотреть ее во второй раз. Было немножко неудобно (ведь я взрослый, а не все дошло до меня в картине для детей). Но я, если не понял, всегда в этом признаюсь. Иногда, правда, оказывается, что это не я туго соображаю, а в самой картине есть невнятное место.

Правда, в лирической комедии «Шла собака по роялю» (не знаю, как вы, а я долгие годы не представлял себе, что такое лирическая комедия) мне было с самого начала ясно, что происходит с Таней Канарейкиной и Мишей Синицыным в действительности, а что происходит с ни-

ми и летчиком Комаровым в воображении Тани, в ее мечтах. Мечты Тани даются в черно-белом изображении (вся картина — цветная), и, кроме того, в мечтах Тани все так красиво и плавно, как в балете, кусочки которого она смотрела по телевизору.

Неясно мне было другое: как относиться к Тане и Мише? В этом я разобрался не сразу. И свое отношение к летчику Комарову тоже определил не сразу. Честно говоря, мое отношение к нему переменилось, когда я в него пристально вгляделся.

Дело в том, что Таня и Миша ведут себя странно (на протяжении всего фильма, всей истории, в которой участвуют). Далеко не сразу поймешь, чего они хотят, чего добиваются, совершая иногда просто непостижимые поступки. Должен признаться (хотя неприятно признаваться), я долгое время к ним относился почти так, как летчик Комаров. С опаской. Однако собой я могу быть недоволен, а Комарова упрекнуть не вправе. Тут все совсем непросто.

Вот, к примеру, такой эпизод.

Вертолет, управляемый летчиком Комаровым, взлетает и тут же, как ожидали Миша и Таня, опускается на поле. Миша и Таня убегают, а Вероника, младшая сестра Тани, объясняет летчику:

— Да это ж мы вам в выхлопную трубу свеклу забили.

— Зачем? — удивляется летчик.

— Чтоб вы с Танькой в Болгарию поехали, — отвечает Вероника.

— Куда? — переспрашивает Комаров.

— В Варну, на фестиваль песни, — уточняет Вероника так, будто речь идет о вещах, которые сами собой разумеются.

Авторы фильма, по-моему, все время помнят, что в жизни люди — а подростки, дети особенно — многое выражают совсем не прямо. О героях этого фильма невозможно судить по тому, что и как они говорят: говорят они нескладно, часто нелепо, выражают свои мысли коряво, а то и совершенно непонятно. У них, безусловно, не стоит учиться говорить, и, я уверен, зрителям это не придет в голову.

Этот фильм помогает научиться разбираться в людях, судить о них не по первым впечатлениям, которые могут оказаться случайными, неверными.

О героях фильма «Шла собака по роялю» нельзя судить и по их поступкам, если не знать и не догадываться о мотивах этих поступков, то есть о том, что побудило их так поступить. А догадаться нелегко! (Вы в этом могли убедиться, если слышали или тут прочли диалог Вероники и летчика.)

Таню Канарейкину и Мишку Синицына больше всего характеризуют их чувства — в тех очень немногих случаях, когда становится ясно, как благородны чувства этих худо воспитанных и до смешного (а порой до слез) косноязычных ребят.

Впрочем, это ведь не только в кино — и в жизни чаще всего нелегко бывает сразу определить, какой перед вами человек — хороший или плохой, положительный или отрицательный. Только в иных фильмах герои с самого начала, с первой же минуты всем ясны как положительные и отрицательные. (Нравится вам это?..)

В жизни узнаешь человека постепенно, иногда — долгие годы. Пока не возникнут обстоятельства, когда его характер непременно проявится, когда обнаружатся его достоинства и слабости, его истинная суть.

В жизни эти обстоятельства могут долго не складываться. В литературе или в кино именно эти обстоятельства изображаются. На них сосредоточивают ваше внимание художники: те, кто создает повести и рассказы, сценарии и фильмы.

И в фильме «Шла собака по роялю», поставленном режиссером В. Грамматиковым по сценарию В. Токаревой, девочка и мальчик, неугомонные выдумщики, путаники, «огонь-ребята» (как сказал однажды о других героях Гайдар),

Вот кто забил свеклу в выхлопную трубу!

столько раз озадачившие зрителя, столько раз его изумившие, смешившие и пугавшие, в конце концов невольно создают ситуации, в которых должны выявить себя исчерпывающе. До дна.

И летчик тоже раскрывается в этих ситуациях до конца. Летчик Комаров произвел на меня сперва впечатление дельного, воспитанного и аккуратного, подтянутого человека. Я от души ему сочувствовал, когда из-за Миши и Тани он попадал в разные переделки. Я, как говорится, за него переживал. Или, короче, был за него. До той минуты, когда увидел и услышал вдруг, как ночью перед рассветом он играет на трубе. Играет, видимо, не в первый раз, потому что разбуженная звуками трубы жена начальника аэродрома Громова говорит мужу:

— Ой... опять хулиганит.

Громов выходит на летное поле и делает Комарову замечание. На замечание Комаров отвечает:

— А я занимаюсь. Я заочно закончил музыкальное училище.

Он не извиняется и не грубит. Он просто не понимает, что ночью нельзя будить людей. Комаров умеет водить вертолет и играть на трубе, учился очно и заочно, но он некультурный человек. Больше я ему не сочувствовал. Мое отношение к нему определилось после этого эпизода. А ваше?..

Существуют люди, которые, увидя в жизни что-нибудь занятное, говорят коротко:

— Кино!

А услышав забавную историю, посмеиваются:

— Ну, комедия...

«Шла собака по роялю» — как вы знаете, кинокомедия.

Объявив будущий фильм, к примеру, цветным, его создатели обыкновенно ничем не рискуют. Достаточно снять фильм на пленке, на которой изображение получается цветным. И будет цветной фильм. Специалисты, может быть, напишут позже о том, насколько цвет в этом случае служил решению художественных задач, которые ставили перед собой создатели картины. Но, как бы то ни было, фильм останется цветным. Объявив будущую картину комедией, все, кто ее создает, рискуют очень многим: если зрители не будут смеяться на просмотре картины, значит, комедия не состоялась. Значит, ожидания зрителей обмануты. Правда, не нарочно, но все-таки...

Попробуй сразу определить, какой это человек — хороший или плохой.

Ну, а если смешно, то есть комедия? Нет, этого недостаточно. Дело обстоит не так просто. Чтобы смеялись — необходимо, но этого мало. Нужно, чтобы в картине был смысл или, говоря точнее, замысел. А что это такое — замысел? А то, для чего и ради чего создатели картины (сценарист, режиссер, оператор, художник, композитор, редактор) взялись вам поведать смешную историю.

Ясно ли, ради чего создатели картины, о которой тут идет речь, брались за работу? Безусловно. После того, как посмотрели комедию, вам приоткроется, а если подумать как следует, станет все отчетливее замысел авторов. Он, по-моему, состоял в том, чтобы по ходу действия совершенно изменилось то представление о героях фильма, которое было у нас, зрителей, вначале, чтобы мы поняли подлинные причины странного поведения Тани Канарейкиной, Мишки Синицына. И стали совсем по-иному относиться к ним, к летчику Комарову. Замысел этот требовал именно такого хода событий, именно такого сюжета, какой развивается в фильме.

И, конечно, собрали в фильме героев именно с такими причудливыми характерами, как у Миши и Тани, потому что это комедия.

Однако все-таки, что это за жанр — комедия?

В жизни почти каждого человека чередуется, сочетается смешное, комическое, серьезное, печальное, драматическое, тяжелое, страшное, мучительное, трагическое. Это — в жизни. В кино бывает иначе. Например, в комедии, если она удалась, показывают, случается, одно смешное.

— Тут не санаторий!

В этом — условность жанра. Вы к ней привыкли, находите ее естественной. Такой же естественной, как правила игры, в которую играете много лет.

Ведь жизнь, жизненные положения, люди, которых называют «действующие лица», в комедии преображены актерами и режиссерами. Взять, допустим, милиционера Ефимова, которого отлично играет артист. Он — жизнен, и в то же время он — в комедии. Что это значит? Да то, что не в комедии Ефимов был бы более суров с Мишкой Синицыным. В частности, в последнем эпизоде фильма (действие его происходит в милиции: Мишка все-таки «схлопотал» 15 суток), когда в 5 часов утра Мишка Синицын громко командует: «Подъем!» — будит Ефимова и отправляется вместе с ним подметать рынок. Разбуженный оперуполномоченный лишь сетует:

— Еще целый час спокойно поспать можно было...

На что Мишка отвечает:

— Тут не санаторий!

Но бывает и по-другому (речь идет все о том же жанре). Иногда вы ощущаете, глядя на экран, не только комизм, комедийность того, что происходит, но и достоверность, жизненность событий и поведения героев. Да, это комично, смешно, но прежде всего, в первую очередь — жизненно. Вы узнаете знакомые черты в характерах героев, знакомые подробности поведения людей, знакомые обстоятельства (вы их наблюдали или, случалось, сами в них оказывались). Знакомое — забытое или полузабытое — оживает в вашей памяти, и у вас появляется ощущение достоверности того, что вы видите. Вы смеетесь, волнуетесь и на какие-то мгновения забываете, что вы в кино, что на экране комедия.

Если такие мгновения бывают, когда вы смотрите на экран, значит, вы встретились с настоящим искусством.

Несколько таких мгновений я пережил во время просмотра комедии «Шла собака по роялю». А вы?

В начале статьи я упомянул о том, что долгие годы не представлял себе, что такое лирическая комедия. Это правда. Может быть, мне просто не везло. Не удавалось увидеть настоящую лирическую комедию на экране, а раз не видел, откуда узнать, что это такое? Разве что из энциклопедии. Но увидеть все-таки лучше.

Теперь, пожалуй, я мог бы ответить, чем отличается лирическая комедия от сатирической, даже если б меня спросили об этом в классе у доски. (Не знаю, как вы, а я у доски сильно робел. И, были случаи, забывал то, что знал довольно хорошо.) Так вот, в лирической комедии нам рассказывают историю героев с доброй и веселой улыбкой. А не со злым, обличительным смехом, как это тоже бывает в искусстве: если комедия сатирическая.

Но дело не только в этом. Среди героев, выбранных авторами фильма «Шла собака по роялю», некого обличать или разоблачать. Их надо воспитывать.

Это забота старших друзей, забота литературы и, между прочим, киноискусства.

Оно может таким ребятам, как Миша Синицын и Таня Канарейкина, помочь — помочь увидеть себя со стороны. За полтора часа (столько или почти столько длится фильм) они успеют на себя поглядеть то с улыбкой, то со смехом, то с чувством неловкости, иногда, наверно, стыда, то с чувством радости от того, что их, чудаков и путаников, их, стольким людям морочивших голову, все-таки верно поняли. Верно поняли, что̀ они чувствовали, чего хотели, несмотря на все их нелепые слова, все их непостижимые поступки...

Но кто же их верно понял, спросите вы. Ведь среди героев картины таких людей нет.

Это так. Их поняли и защитили те, кто создал фильм. А значит, поняло и защитило наше искусство.

Нам показали, что Мишу и Таню есть за что наказать и в то же время есть за что любить.

Так мне кажется. Хотел бы узнать, что̀ думаете об этом вы.

«ХОЧУ» и «НАДО»

ДИСКУССИОННЫЙ ПИОНЕРСКИЙ КЛУБ

«Хочу» и «надо»—вот тема разговора, который начал в первом номере «Пионера» свердловский отряд «Каравелла» и его командир писатель Владислав Крапивин.

Если действительно надо — делай и не пищи.

С ненастоящим «надо», придуманным для показухи, надо бороться.

Самое лучшее, если «надо» и «хочу» совпадают.

«Хочу» без «надо» не бывает.

К таким выводам, посомневавшись и поспорив, пришла «Каравелла».

Надо отдать должное читателям «Пионера», они не захотели быть в стороне от разгоревшейся дискуссии. Решительно не захотели быть в числе воздержавшихся ребята из пресс-центра «Алый парус» (г. Первоуральск), из отряда юных корреспондентов «Пламя» (г. Пятигорск) и множество других наших корреспондентов и заядлых спорщиков, выступающих от имени своего пионерского отряда и от себя лично. Вот что они пишут.

«Слово «надо» я понимаю как призыв, как пионерский салют. Когда пионер общественные интересы ставит выше личных».

Эдик Соколов.

«Есть у нас в отряде мальчишка один — не спортсмен, не силач, по физкультуре у него больше тройки не бывает. И вот его выбирают физоргом.

Разве это пионерский перевыборный сбор? Никого не спрашивают, кем хочет быть человек в отряде. «Хочу» тоже немалую роль играет в выборах. Здесь «хочу» и «надо» должны идти параллельно».

Ваня Клементьев.

«Мы с моей подружкой ехали на слет во Дворец пионеров. Сидим в электричке, разговариваем, в окно смотрим. И вдруг Валя от радости всплеснула руками: «Смотри, Таня, купавки!» «Ты что, никогда купавок не видела?» «Знаешь, я сейчас выйду, ты поезжай одна. Я опоздаю или вовсе не приду». «Как это? Ты же выступаешь, ведь школу подведешь!» «Выступишь ты, доклад написан, какая разница, кто его прочтет?» Я что-то говорила, убеждала, но она выскочила на остановке.

Выступила я, конечно, плохо, обиделась на нее. Да и в школе ей попало. А она сияла! Оказывается, Валя нарвала букет цветов (это было в мае месяце) и отнесла своей больной соседке. Купавки — любимые цветы этой женщины. Каждую весну они стояли у нее в вазе. А тут заболела, и ваза пустовала. Вот Валя решила сделать приятное человеку. Потом соседка поправилась, говорит: купавки помогли. А я теперь и сама не знаю, что важнее. Авторитет школы или сделать доброе человеку?»

Таня Глызь.

«В нашем классе есть очень отзывчивая девочка Люба Коковкина. Она учится только на «4» и «5». И когда ребята обращаются к ней за помощью, она всегда подскажет, поможет, объяснит. Тут видно, что человек живет не только для себя, но и для других. И делает она это с душой, с улыбкой. Мне кажется, она и не задумывается никогда: «хочет» она быть такой или так «надо»? Просто хороший человек. Вот бы все так».

Ира Долженкова.

Это лишь немногие строчки из писем, которые пришли в «Пионер». Журнал еще и еще раз предоставит свои страницы желающим высказаться. Дискуссия продолжается. Итак, кто «за»? Кто «против»?

Леонид ЯХНИН

«Как лучше...»

СТРАНИЦЫ-КОРАБЛИКИ

Каждый месяц приплывает на страницы «Пионера» кораблик, груженный стихами детей. Мы его сразу узнаем по раздутым парусам и весело вздернутому носу.

А эта книга — уже целая флотилия. Что ни страница, то маленький кораблик, приплывший из Африки или из Америки, из Франции, Болгарии, Югославии, Англии, Финляндии...

Не перечислишь всех стран, из которых приплыли страницы-кораблики.

А снарядила эту экспедицию и привезла нам драгоценный груз стихов Агния Львовна Барто.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ЯЗЫК

Удивительное начинается в этой книге сразу, прямо с названия — «Переводы с детского».

С каких только языков не переводили на русский стихи! Но с детского? Что это за язык такой? В какой стране говорят на нем? В любой. Дети всего мира говорят на этом языке открытых мыслей, горячих чувств и благородной мечты. Агния Львовна Барто поняла это.

Она переводила не слова, а чувства, мечты, мысли.

Прекрасный детский поэт и мастер стиха Агния Барто нашла самые нужные, самые точные слова и помогла нам услышать голос детей разных стран. Она сумела не заглушить звучание многоголосого детского хора. Но и ее голос не потонул в этом хоре.

Мы слышим неповторимые интонации нашего любимого поэта, тонко и чутко уловившего чувства «невеликих поэтов», как шутливо называет Агния Львовна Барто своих маленьких соавторов.

ПОЭТЫ И ХУДОЖНИКИ

Вы замечали, как загораются в вечернем небе звезды? Не все сразу, а по очереди, словно одна звездочка зажигает другую. Так и в этой книге. Горячие чувства юных поэтов зажгли огонек творчества в юных художниках.

Агния Львовна читала свои «переводы с детского» в художественных школах. И каждый из ребят рисовал картинки к тем стихам, которые ему пришлись по душе.

Так получилось, что стихи, написанные Агнией Львовной Барто от имени детей многих стран, проиллюстрированы советскими ребятами. А некоторым стихотворениям особенно повезло — рисунки к ним сделали сразу двое, а то и трое художников. Пришлось несколько страниц в книге специально отдать только под иллюстрации. Это сделало книжку еще более праздничной и красочной.

ОКЕАН СТИХОВ

Мне очень бы хотелось поместить здесь какое-нибудь стихотворение из книги «Переводы с детского». Но, правду сказать, я так и не смог выбрать какое-нибудь одно. Все мне нравятся. Да это и неудивительно. Выбор уже сделала Агния Львовна. Она прочитала сотни детских стихов и в книгу собрала самые лучшие.

Книга эта вышла уже вторым изданием, которое чуть ли не в два раза толще первого. А стихи детей снова накапливаются у Агнии Львовны в столе и на столе. Некоторые она сама привозит из разных стран, другие ей присылают домой ребята.

Однажды Агнии Львовне Барто пришло письмо: «Дарю вам свое стихотворение, если оно вам не нравится, переделайте его для себя как лучше». Агния Львовна не «переделывала» стихи детей. Она написала их «как лучше».

Если ты еще не читал книгу «Переводы с детского», непременно пойди в библиотеку, возьми ее. Ты узнаешь, о чем думают, мечтают дети мира.

Только я боюсь, что, прочитав эту книгу, юные поэты завалят Агнию Львовну Барто просьбами: «Переведите и мое стихотворение!» Прошу вас, не делайте этого. Не то Агнии Львовне некогда будет писать свои стихи. А мы с нетерпением ждем ее новых книг.

ФЛАГИ И ЛЮДИ

«Знаешь ли ты, сколько государств во всем мире? Знаешь ли ты, что это за государства, какие они, что у них общего и чем отличаются они друг от друга?»

Так неожиданно начинается книга Мая Волкова и Александра Тверского «Новые флаги». И признаюсь, эти вопросы застали меня врасплох. Хорошо, что уже в следующих строчках на них есть ответы.

Вообще если б надо было как-то определить эту книгу одним словом, я бы взял именно слово **неожиданная.** Вот, например. Мало ли мы с вами читали о пиратах, о том, как «в флибустьерском дальнем синем море...» и так далее. Тут иное — правдивые и точные рассказы о людях, жестоких и холодных, которые частенько грабили и убивали с благословения ...своих правителей — королей, королев. А трюмы их «славных бригов» полны были «черного дерева». Так морские разбойники называли невольников-африканцев.

Пятнадцатый век — пора великих географических открытий и пора безжалостной колонизации. Читаешь начало книги «Новые флаги», и невольно в душе встают волнение, грусть и боль. На твоих глазах происходит жестокое, неправое завоевание мира, охота за людьми...

Вот мир разделен — огнем и мечом. Разделен на колонии и метрополии. Суровая картина и мрачная... Но разве станут терпеть все это честные люди?! Читаем дальше рассказ за рассказом и видим: вспыхивает и разгорается огромным костром — до самого неба — очень трудная, героическая борьба миллионов порабощенных. Словно скалы среди океана, встают фигуры доблестных, бесстрашных народных вождей: Симон Боливар, именем которого названа целая страна Боливия, Махатма Ганди (Махатма на языке хинди означает Великая Душа), предательски убитый в глубокой старости только за то, что жаждал прекращения бессмысленного кровопролития и братоубийственной войны, Патрис Лумумба, зверски замученный изощренными палачами уже в наше время.

Жестокая, суровая борьба. И все-таки порабощенные народы сумели стать свободными. Появились новые республики... И появились новые трудности. О, как не просто избавиться от объятий коварного спрута, который называется неоколониализмом. И борьба народов не окончена. Об этом третий раздел книги, пожалуй, самый интересный. Здесь и названия интригующие. Вот, например: «Банановая война», «Арест в море и убийство в мечети», «Госпиталь в пещере»...

«Новые флаги» — своего рода энциклопедия, рассказывающая о тех странах, которые теперь иногда называются странами «третьего мира».

Кому прежде всего пригодится эта энциклопедия? Да конечно же, ребятам из КИДов, конечно же, юнкорам. А если говорить по-настоящему, она пригодится всякому любознательному и неравнодушному человеку.

С. ИВАНОВ

О разных странах, об их прошлом и настоящем, о людях, которые в них живут, об их судьбах и надеждах рассказывают эти книги, вышедшие в издательстве «Детская литература»:

В. Захарченко «Куба всегда со мной. Лирико-эпическое повествование о Кубе — стране и людях XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов».

М. Ильинский «Напалм и пальмы. Очерки о Вьетнаме». Эта книга — дневник, который корреспондент газеты «Известия» вел сначала в воюющем, потом — в строящемся Вьетнаме.

Е. Маркова «Бабочка с озера Мичиган». Актриса Театра «Современник» Е. Маркова побывала во многих совершенно непохожих друг на друга странах, но везде она встречала людей, с которыми легко находила общий язык, понимание. Об этих встречах — книга ее очерков.

В. Овчинников «Сто первый лик Фудзи. Японские репортажи». В этой книге много фотографий — экзотические японские пейзажи, небоскребы Токио, женщины в нарядных кимоно, дети среди цветов. И рядом на снимках — разрушенный атомной бомбой дом, демонстрация протеста против размещения американских военных баз, лица безработных. Об этих контрастных сторонах жизни Японии рассказывает журналист-международник В. Овчинников.

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой

КЛОУН

Я веселый клоун Плон,
Я проворен и смышлен.
Хочешь ты со мной дружить?
Дружбу надо заслужить!
Постарайся контур мой
Начертить одной чертой!
Дважды линий не води,
Ни одной на всем пути!

Живживка.

За добычей!

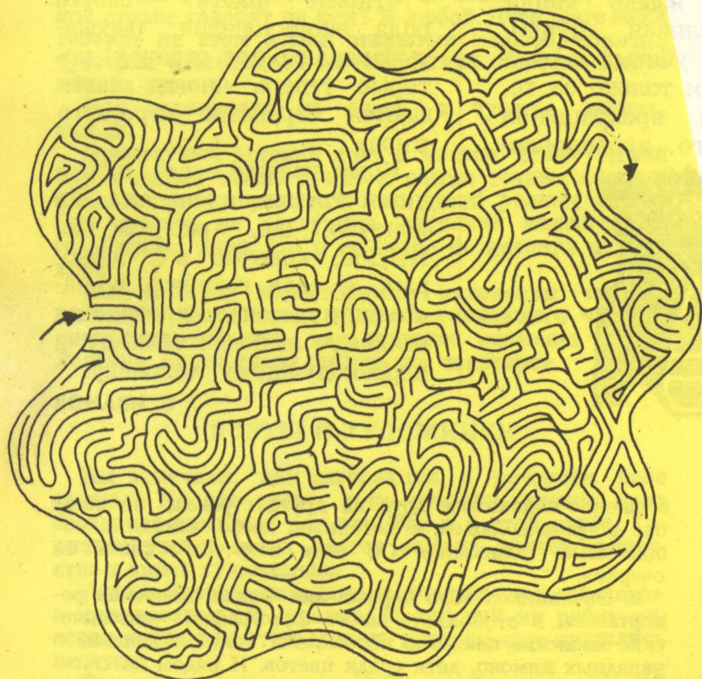
Игры Лупы и Пинцета

Штемпель слева!
Штемпель справа!
Чемпионам честь и слава!
Отправляйтесь за добычей!
Отыщите семь различий!

Пинцет.

Загадочный

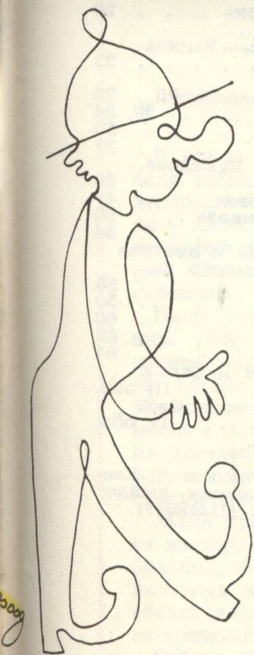

Вам предстоял упорный труд,
Довольно сложен был маршрут!

Игры деда Буквоеда

ПЛОН

Лучшей умственной зарядки
Нет для взрослых и детей.
Кто играет с нами в прятки,
Тот становится умней!

Такую песенку напевают лось, сова, барсук, енот, утка, гусь, лиса, косуля, цапля и ворона. А где же они прячутся? В словах и между слов двустиший, которые вы прочитаете. В каждых двух строчках назван кто-нибудь из тех, кто поет песенку. Только в одно двустишие спрятались двое. Когда вы всех найдете, станет ясно, кто же водит, потому что он нигде не спрятался.

остров

Капитан Перо ищет помощника

Посмотрите на карту Загадочного острова. Он весь испещрен ущельями и тропинками. На карте стрелками обозначены начало и конец пути, который проделали пираты, зарывшие здесь свой клад. Сокровище спрятано в самой восточной точке их маршрута. Попытайтесь пройти по этому острову по следам пиратов и определите, где зарыт клад.

Капитан Перо.

ИГРАЕМ В ПРЯТКИ

Все выше солнце, но туман
Лежит в глуби лесных полян.

Зарница пляшет в той дали,
Куда уходят корабли.

Стемнело вдруг. Гроза идет,
К земле колосья ветер гнет.

С сорокой скучен разговор,
Она болтает всякий вздор.

В озерке лилии цветут,
Как хорошо, как славно тут!

Сбегу скорее под откос,
Улягусь спать в тени берез.

Вдали сарай, за ним забор,
Он окружает птичий двор.

Я на снегу нарисовала
Широкий круг и два овала.

В беде, друзья, помочь спешите!
Здесь спрятан я! Пока! Пишите!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

Кто что подарил? Медведь дарил тарелки, овца — колечки, мышка — иголки, рысь — подсвечники, белка и волк ничего не дарили.

На острове Зезе

Живживка считает, что в турнире победили: Ви, Аз, Ти, Ви, Кир.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Общий признак

Числа, выражающие стоимость марок, последовательно возрастают на четыре. Продолжить серию может мексиканская марка.

Отгадки игры «ГОРИ—ВЕРТИ»: Маяк, марка, якорь, карп, перо, енот, роза, отара, зебра, бриз, тритон, азот.

Дед Буквоед благодарит всех ребят, приславших ответы на задачи.

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

ЗАЧЕМ РЫБЕ НОГИ?

Расскажите, пожалуйста, что за рыба под названием «старина четвероног»? Где она живет? Как живет? Почему про нее так много говорят?

Миша КРЮКОВ, 6-й класс,
г. Электросталь, Московская область.

Давным-давно, сотни миллионов лет назад, когда по суше еще не гуляли звери и в воздухе не летали птицы, моря и озера были уже полны рыб.

В пресных и морских водах водились тогда и кистеперые рыбы — рыбы, которые могли ползать по дну, по стволам и стеблям водных растений. Если в озерах не хватало кислорода, рыбы поднимались к поверхности и дышали воздухом с помощью плавательного пузыря. А плавники у этих рыб были похожи на конечности современных наземных животных.

В те далекие жаркие времена небольшие озера и лужицы часто пересыхали. Кистеперые рыбы по суше переползали из пересохших озер в полноводные. Выживали те, у которых лучше были развиты плавательный пузырь и плавники.

Именно кистеперые рыбы за долгие тысячелетия вывели животный мир на сушу.

Считалось, что кистеперые рыбы просуществовали около ста миллионов лет и вымерли. И вдруг в 1938 году в Индийском океане у южных берегов Африки поймали рыбу, очень похожую на древних кистеперых. Длина — полтора метра, и вес — пятьдесят семь килограммов! Рыбу назвали латимерией, в честь сотрудницы музея в Ист-Лондоне мисс Латимер, которая увидела ее у местных рыбаков.

Оказалось, потомки древних кистеперых сохранились до наших дней! Правда, их очень мало. Как ученые ни старались, им удалось обнаружить пока лишь двадцать экземпляров. Живут латимерии между Африкой и островом Мадагаскар на большой глубине. Держатся, очевидно, среди подводных скал, питаются глубоководными рыбами, на плавниках-лапах ползают по расселинам.

Шутливое название «старина четвероног» латимерия получила за плавники, похожие на лапы, и за свой солидный возраст.

В. З. РЕЗНИКОВА,
биолог, кандидат педагогических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

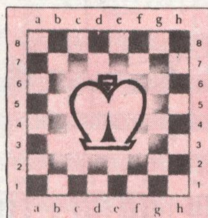
На обложке:
Тимуровцы. — Плакат А. Финогенова и Д. Кассиля из серии «Будь готов!» (серия выйдет в свет в издательстве ЦК КПСС «Плакат»).

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27.02.80.
Подписано к печати 01.04.80. А 10021.
Формат 84×60¹/₈. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9.
Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 1020. Заказ № 2058.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

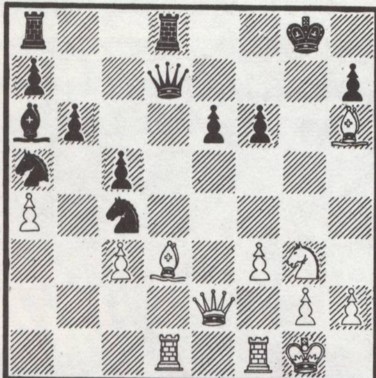
УСПЕХ ЖЕНИ БАРЕЕВА

В конце прошлого года в Берлине проходил необычный международный турнир. Его участники — школьники четырех социалистических стран — ГДР, Венгрии, Советского Союза и Чехословакии.

Нашу страну представлял ученик 7-го класса московского спортинтерната № 9 Женя Бареев. Борьба была очень упорной. Женя разделил первое и второе места с Александром Гольдбергом из Дрездена, однако по большему количеству побед первый приз присужден москвичу.

Женя приехал в Москву учиться из города Еманжелинска Челябинской области. У себя дома он выступал в соревнованиях клуба «Белая ладья» и получил второй спортивный разряд.

Сейчас Женя Бареев сильный перворазрядник, он имеет все возможности стать кандидатом в мастера.

К этому положению пришла партия, в которой белыми играл Бареев, а черными — чехословацкий школьник Гола. Черные должны были сейчас продолжать 21... Фd7—f7, переходя к обороне, но они переоценили силу своих угроз и избрали рискованный ход 21... Кc4—b2.

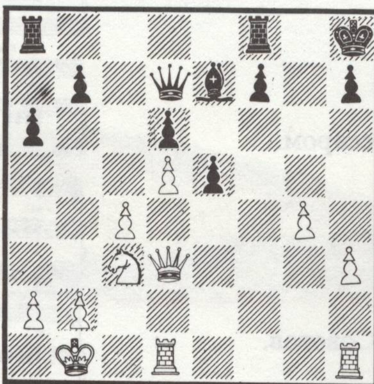
Пешкин советует вам, друзья, самим проанализировать дальнейшее развитие событий в этой боевой партии.

22. Сd3 : a6! Кb2 : d1 23. Кg3—e4 Крg8—f7 24. f3—f4 Фd7—d5 25. f4—f5! e6—e5 26. Фe2—g4 Крf7—e7 27. Кe4 : f6! Фd5—f7 28. Кf6 — e4 Кd1 : c3 29. f5 — f6+ Крe7 — e8 30. Кe4 : c3 Кa5 — c6 31. Сa6—b5 Лd8—d6 32. Кc3—e4. Черные сдались.

НИЧЬЯ С ЧЕМПИОНОМ МИРА

Недавно Анатолий Карпов проводил в Свердловске сеанс одновременной игры.

Почетную ничью с чемпионом мира сделала десятилетняя Юля Демина, участница соревнований «Белая ладья».

Эта позиция возникла в партии после двадцать первого хода чемпиона мира. Черные должны немедленно принять меры для организации контригры. Если белые поставят ладью на f1, заблокировав продвижение пешки f7, положение черных станет безнадежным.

Юля приняла верное решение: 21... f7—f5! 22. g4 : f5 Фd7 : f5 23. Фd3 : f5 Лf8 : f5.

Черные своевременно провели прорыв по линии «f», и теперь шансы сторон уравнялись.

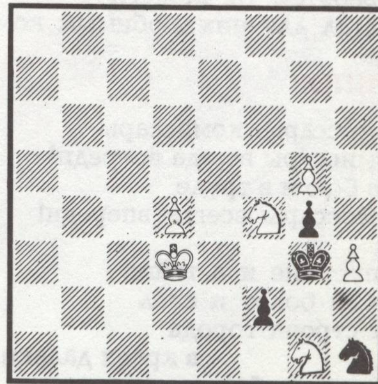
24. Лh1 — f1 Лa8 — f8 25. Лf1 : f5 Лf8 : f5 26. Крb1—c2 Лf5—f4 27. b2—b3.

Здесь Карпов предложил ничью Юле Деминой. Он отметил, что девочка хорошо провела трудную защиту.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЗАДАЧИ

Эта задача была опубликована в одном из русских журналов в 1874 году.

Ее автора, известного русского шахматиста П. Д. Ильина, называет в своих воспоминаниях о В. И. Ленине брат Владимира Ильича Дмитрий Ильич Ульянов. Есть в этих воспоминаниях и строки о том, как Владимир Ильич играл в шахматы с отцом.

«Пятнадцати лет Владимир Ильич стал обыгрывать отца. Помню, как Илья Николаевич (зимой 1885—1886 гг.), войдя в столовую, сказал: «Володя, ты стал меня побивать в шахматы, тебе уже нужно познакомиться с NN и с ним играть (помнится, некий Ильин, считавшийся лучшим игроком в Симбирске)».

В позиции на диаграмме мат достигается в три хода. Найдите решение задачи, она входит в наш конкурс.

РЕБЯЧЬИ КОМИССАРЫ

Музыка Н. ПЕСКОВА.

Слова С. ФУРИНА.

В буденовке лихой,
В тачанке огнёвой
Ты храбро бил врагов
Страны Советов.
А кончились бои —
К ребятам ты пришел
И стал для них любимым комиссаром.

ПРИПЕВ:

Комиссары, комиссары,
Комиссары всегда впереди!
И в бою и в труде
Комиссары всегда впереди!

В пустыне и в тайге,
Среди болот и скал
Ты строил города
в краях далеких.
И ждал тебя отряд
Родных твоих ребят.
Ты был для них отважным комиссаром.
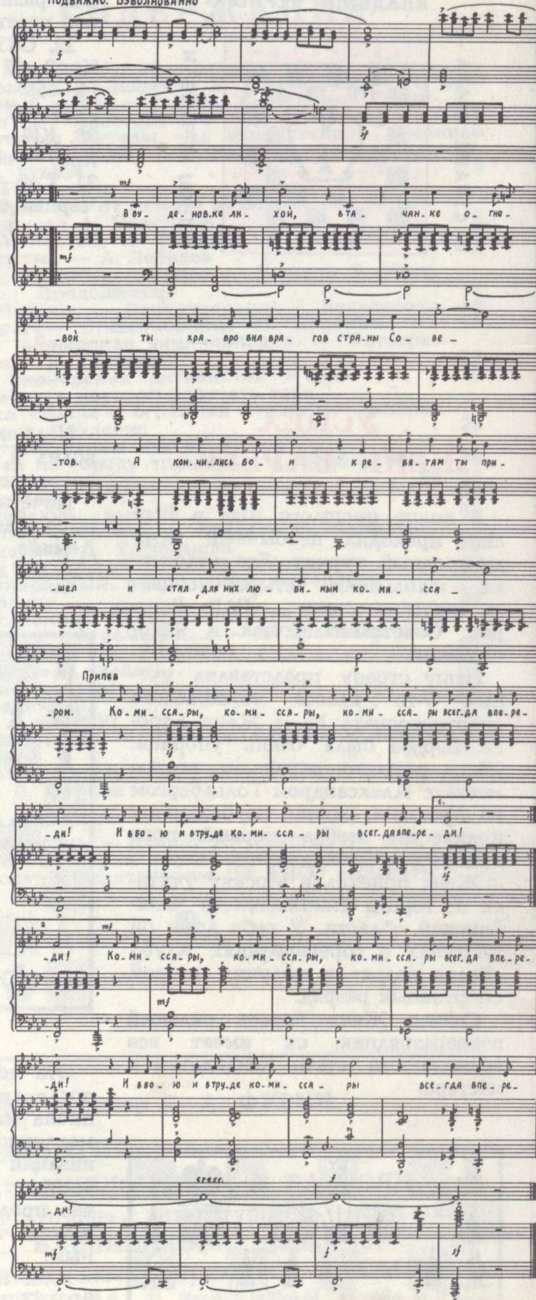
ПРИПЕВ.

И снова грянул бой,
Смертельный, громовой!
Опять ты грудью встал
за власть Советов.
Под Курском и Орлом
В атаку ты ходил
И был для всех железным комиссаром.

ПРИПЕВ.

А ты уже седой,
Пора бы на покой...
Но не стареет сердце ветерана.
И ты идешь в отряд
Родных твоих орлят.
Так будь всю жизнь
ребячьим комиссаром!

ПРИПЕВ.

Цена 25 коп.
Индекс 70694.

ISSN 0130—8009